

Федор РАЗЗАКОВ

Алла ПУТАЧЕВА:

Рожденная в СССР

I

Алла Пугачева

Федор Раззаков

**Алла Пугачева:
Рожденная в СССР**

«ЭКСМО»

2009

Раззаков Ф. И.

Алла Пугачева: Рожденная в СССР / Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2009 — (Алла Пугачева)

Вот уж поистине Живая Легенда! Пылающей сверхновой звездой ворвавшаяся в неяркий мир советской эстрады, буквально взорвав ее, подняв планку мастерства на головокружительную высоту, мгновенно и навсегда завоевав сердца миллионов. Конечно же, это несравненная Примадонна, постоянная возмутительница спокойствия, дерзкая и эпатажная Алла Пугачева. За ней всегда тянулся и тянется пестрый шлейф восторженных славословий, признаний в любви, ну и, разумеется, самых невероятных, самых фантастических слухов и сплетен. А как начиналась эта «творческая карьера», какие невидимые миру слезы прячутся за этим сиянием и блеском? В огромной, подробнейшей летописи жизни замечательной певицы, составленной Ф. Раззаковым, перечислены не только взлеты и триумфы, призы и награды, но и провалы и падения, досадные ошибки, непростительные срывы. Не обойдены вниманием и счастливые периоды любви в ее жизни, тягостные, мучительные разрывы с бывшими возлюбленными. Читая эту книгу, мы словно перечитываем и свою жизнь, ведь мы жили и живем в «эпоху Пугачевой» и нас всегда сопровождает ее неповторимый и страстный голос.

© Раззаков Ф. И., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть первая	6
1965	36
1966	37
1967	38
1970	39
1972	40
1973	41
1974	42
Часть вторая	43
1975	43
Февраль	43
Апрель	44
Май	44
Июнь	45
Июль	48
Сентябрь – ноябрь	49
Декабрь	50
1975	51
1976	52
Январь	52
Февраль	53
Март	53
Апрель – июнь	54
Август	55
Сентябрь	57
Ноябрь	58
Декабрь	59
1976	62
1977	63
Январь	63
Февраль	64
Март	65
Апрель	66
Май	67
Июнь – июль	68
Август	71
Сентябрь	72
Октябрь	75
Ноябрь	77
Декабрь	79
1977	81
1978	82
Январь	82
Февраль	86
Март	87
Апрель	89

Май	91
Июнь	93
Июль	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Федор Раззаков

Алла Пугачева. Рожденная в СССР

Часть первая Прелюдия

Эта история началась в Москве сразу после войны. На одной из шумных вечеринок судьба свела вместе двух молодых людей: 28-летнего Бориса Пугачева и 24-летнюю Зинаиду Одегову. Симпатия друг к другу у молодых людей возникла сразу, тем более что оба были бывшими фронтовиками: он служил в разведке, она – в зенитной батарее. Как признается позже сама Зинаида, Борис практически сразу завоевал ее сердце, поскольку был человеком жизнерадостным и активным.

В 1947 году молодые поженились и стали жить в тесной комнатке жениха на Качановке (был такой район возле нынешнего метро «Аэропорт»). Там у них родился первенец Геннадий. Счастью супругов не было предела. Особенно сильно радовался новорожденному отец, который всегда мечтал о наследнике. Однако счастье было, увы, недолгим. Мальчик родился крайне болезненным и прожил всего лишь несколько месяцев. Только молодость помогла супругам пережить это горе. Да еще смена местожительства: из квартиры, где все напоминало о сыне, они переехали в двухэтажный деревянный дом № 14 в Зонточном переулке, что неподалеку от метро «Таганская», рядом с «сотым» универмагом (сейчас на месте этого дома стоит казино). Эти двухкомнатные хоромы на втором этаже им удалось заполучить благодаря стараниям Бориса, который работал начальником средней руки в обувной промышленности. Как пишет А. Беляков:

«Пугачевы представляли собой почти идеальную пару. Зинаида Архиповна была по тем временам большой модницей и хорошо шила – машинка «Зингер» часто стрекотала по вечерам. (Сейчас даже пожилым людям трудно вспомнить такие семейные вечера без телевизора.) А Борис Михайлович, как только выдавался свободный день, мчался на рыбалку. Он возвращался с лещами или плотвичкой и радостно провозглашал с порога: «Сейчас мы эту рыбешку уконтропупим!» (У него, надо заметить, было два любимых словца – вот это самое «уконтропупить» и еще одно, загадочное, – «аляфулюм»). Борис Михайлович говорил: все будет «аляфулюм», что означало – все будет хорошо, классно, отлично...».

Поскольку глава семейства служил пусть небольшим, но начальником, его зарплаты вполне хватало, чтобы прокормить семью. Поэтому его супруге выпала роль домохозяйки. И еще матери. С момента смерти первенца не прошло и года, как она опять забеременела. Когда она сообщила об этом мужу, тот торжественно провозгласил: «Обязательно будет мальчик. Я это чувствую». Но чутье подвело будущего папашу – на свет родилась девочка. Это случилось в пятницу, **15 апреля 1949 года**. Ребенка назвали Аллочкой в честь любимой актрисы Пугачевых: звезды МХАТа Аллы Тарасовой.

Узнав о рождении дочери, Борис Михайлович поначалу расстроился. Но потом прикинул, что жизнь впереди длинная, и повеселел: понял, что пацана они с женой еще успеют «отковать». И не ошибся. Спустя ровно год после рождения Аллы Зинаида родила еще одного ребенка – мальчика, которого нарекли Евгением. Парадокс: дочь унаследует характер отца, а сын – матери. И еще одно удивительное совпадение, связанное с тем, что отец, дочь и сын родились практически в одно время: Евгений – **7 апреля**, Борис Михайлович – **12-го** и Алла – **15-го**. Потом и саму Пугачеву апрельские люди будут окружать всю жизнь: у нее и третий муж

Евгений Болдин будет «апрельский», и лучший друг, автор большинства ее шлягеров Илья Резник тоже родился в том же месяце.

Здесь мы на некоторое время прервемся, чтобы развеять одно заблуждение. Спустя много лет, когда героиня этой книги станет суперзнаменитой, про нее начнут ходить самые разнообразные легенды. Одна из них – о ее незаконнорожденности. Скажем прямо, выглядит она похлеще иных бразильских сериалов. Судите сами.

Согласно этой версии, отцом Аллы Пугачевой был не Борис Пугачев, а совсем другой человек – Иосиф Бендецкий. Этот человек якобы познакомился с Зинаидой Одеговой в **1942 году** на фронте, где они выступали с концертами в составе фронтовых бригад. Несмотря на то что у Иосифа были жена и маленький сын, Зинаида влюбилась в черноволосого, спортивного сложения мужчину и вскоре забеременела. Однако, чтобы не подставлять любимого, девушке пришлось срочно искать себе мужа. Им стал тяжелораненый летчик, который вскоре скончался. Причем умер он аккуратно накануне рождения на свет девочки, которую назвали Аллой.

Между тем «добрые люди» успели донести жене Бендецкого о рожденном на стороне ребенке, и возмущенная женщина рассталась с мужем-гуленой. Бендецкий переехал к Зинаиде и прожил с ней в гражданском браке несколько лет. Затем между ними тоже пробежала черная кошка, и они расстались. Вот тогда на горизонте и возник Борис Пугачев. Что было дальше, понятно.

Прямо скажем, история душеспитательная. Но явно не отвечающая действительности. Ведь если Алла Пугачева родилась в **1943 году**, то тогда вся ее официальная биография – вымысел. Выходит, в школу она пошла в **1950 году**, а не в **56-м**, и «музыкалку» окончила не в **68-м**, а на шесть лет раньше. Но, позвольте, чем же тогда она занималась в эти «пропущенные» годы? Ведь это не шутка – целых шесть лет! Можно предположить, что свидетельство о рождении родителями было каким-то образом подделано, но как быть со школьными аттестатами? Их подделать в те годы было просто нереально. Так что история про Иосифа Бендецкого выглядит явной выдумкой. Хотя и отрицать того, что Бендецкий и Одегова были знакомы, тоже нельзя – этому есть множество свидетелей. Но одно дело знакомство, и совсем другое – незаконнорожденный ребенок. Но вернемся в начало 50-х.

Поскольку муж целыми днями пропадал на работе, воспитанием детей занималась Зинаида Архиповна. Трудно сказать, кем она хотела видеть своего сына, но в отношении дочери мечта у нее была одна – чтобы та стала артисткой (сама Зинаида ею стать так и не смогла, хотя на фронте, в концертной бригаде считалась лучшей певицей). Поэтому с раннего возраста Аллу приучали к музыке. Девочке было всего пять лет, когда к ней пригласили учительницу музыки. А в шесть лет у Аллы состоялся дебют, причем не во Дворце пионеров или районном ДК, а в Колонном зале Дома Союзов. Как будет вспоминать сама Зинаида Архиповна: «Аллочка шла на концерт в Колонный зал спокойно, а как увидела заполненный зал, побледнела, спряталась за кулисы – она росла застенчивой, но я сказала: «Надо, Алла. Ты уже большая» – и она вышла. Она у нас сразу была большой, хотя брат ее появился, когда ей был всего годик. Так большой и осталась...»

В семь лет Аллу отдали в музыкальную школу № 31 при училище имени Ипполитова-Иванова, а ее брата Евгения (Жекуху, как она его называла) – в фигурное катание. Мать только и успевала – отвести-забрать одну, потом – другого. Но она ни о чем не жалела. Сын, конечно, больших успехов на поприще «фигурки» не показывал, но вот дочь была очень талантливой. Стоило ей только сесть за фортепиано и заиграть, как душа матери оттаивала и она понимала – не зря возится с ребенком. Хотя отец порой жалел дочь, видя, как «мучает» ее мать (Зинаида Архиповна раскладывала на полированной крышке фортепиано десять спичек, и дочь должна была сыграть одно и то же упражнение десять раз, переключая по одной спичке справа налево). В такие минуты Борис Михайлович взрывался: «Она не будет музыкантом! Она будет официанткой!» Но слыша эти крики, сама Алла страшно пугалась: она боялась

стать официанткой – толстой теткой с подносом из столовой, что находилась неподалеку от их дома.

Между тем Алла росла застенчивой лет до семи. Потом она пошла в школу и характер у нее стал куда жестче и целеустремленнее. По ее же словам, отец воспитывал ее как мальчишку. Да это и понятно: в те тяжелые годы было не до сантиментов и гораздо легче было тем детям, кто умел за себя постоять в дворовых баталиях. Вот Борис Михайлович дочь и науськивал: спуску никому не давай, чуть что – бей первой. Она и била: когда первой, когда – второй, но спуску никому не давала. Как говорится, «в тыкву могла закатать» любому. Ей даже кличку во дворе дали соответствующую – «Фельдфебель». Был у них в округе жиган Джага, так даже с ним Алла умудрялась быть на равных. Из дворовых мальчишек она больше всего дружила с тремя: Гариком, Витьком и Санычем. Как-то кто-то из ребят позволил себе грубую шутку насчет отца Аллы (посмеялся над его искусственным глазом), так Пугачева подошла к шутнику и со словами «Сейчас ты узнаешь, как жить без глаза» врезала ему кулаком по лицу. И больше подобных шуток никто из дворовой ребятни уже не отпускал.

А в школе (№ 496, что в Лавровом переулке) у Пугачевой было другое прозвище – Шая. У них в классе учились четверо рыжих, и один из них был похож на нее. Его обзывали Шая. Его все, кому не лень, обижали, и только Алла защищала. Поэтому сначала ее прозвали «Шаева защитница», а потом сократили до Шаи.

Училась Пугачева на «отлично». Единственную четверку с минусом она получила в шестом классе за контурную карту. Так это ее так задело, что она просидела за этой картой целую ночь и уже на следующий день заработала за нее пятерку с плюсом. Правда, в 8-м классе ее успеваемость снизилась – приближались экзамены в главной школе, музыкальной.

Вспоминает А. Пугачева: «Я, конечно, не знала, что буду артисткой. И наверное, из-за того, что я даже об этом и не мечтала, – как-то воображала себя ею. Внешность была – да, уникальная... Рыжая, очки круглые, коса-селедка... Ужас, ужас. И все равно казалось... И это мне давало возможность быть лидером в классе. В кого-то могли влюбиться, они были красивее, все это знали. Были усидчивее. Но я была лидером. Была круглой отличницей. Мне сидеть за партой было не так интересно, как отвечать урок. Это был для меня зрительный зал. И если я не знала чего-то – это было для меня просто ужасно. Как забыть слова на сцене. И все равно, если бы я даже поскользнулась и упала перед всем классом, я сказала бы «Ап!». Потому что мне нельзя было иначе. Все знали, что я могу выкрутиться из любого положения. Я всегда все знала. И только иногда я специально не выучивала урок. Нельзя же всегда положительным героем выходить: я чувствовала, что это может наскучить классу...»

О том, какой Пугачева была в музыкальной школе № 31, вспоминает ее одноклассница Л. Титова: «В 13 лет Алла была худенькая, замкнутая, но довольно яркая внешне, симпатичная: с медно-рыжей блестящей косой, не красилась, носила очки. Мы часто выступали нашим ансамблем, играли увертюру из «Детей капитана Гранта». Алла была очень способная и могла бы стать хорошей пианисткой, но она не любила часами просиживать за инструментом – не хватало терпения. Потому, наверное, увлеклась эстрадой. К классу седьмому в ней пропала замкнутость, она прямо-таки переменилась, стала шумная, артистичная, у нее появился шарм. Уже тогда она сочиняла песни, постоянно пела, хотя голосок был слабенький...»

Несмотря на свою тогдашнюю некрасивость, Пугачева, как и все девчонки, мечтала о большой и светлой любви. Как вспоминают ее одноклассники, она чуть ли не первой в их классе начала встречаться с мальчишками. Поэтому, когда в их классе появилась новенькая – симпатичная Лена Бабкова, которая сразу завладела вниманием пацанов, Пугачева восприняла это болезненно. Правда, чуть позже отношения между ними наладились.

В 8-м классе Пугачева угодила в эпицентр громкого скандала. Она тогда не пришла ночевать домой, и про это узнали в школе. Собрали комсомольское собрание и хорошенько пропесочили гулену. В наше сегодняшнее безнравственное время подобное назвали бы вмешатель-

ством в личную жизнь, но в те годы за нравственность боролись очень даже яростно, иной раз и с перебором. Зато тогда девочки в 12 лет детей не рожали, чтобы потом выбросить их в мусоропровод, и не мечтали стать валютными проститутками.

Между тем чаще всего в отношениях с кавалерами юной Пугачевой не везло. Однажды она собралась пойти в кино с одним мальчиком и полдня готовилась к этому эпохальному событию. Но все испортила родная бабушка Александра Кондратьевна, которая жила в доме Пугачевых. Когда мальчик зашел за Аллой и они уже направлялись к двери, бабушка внезапно спросила внучку: «Аллочка, ты теплые штаны надела?» Внучка в слезах убежала прочь.

В другой раз вмешалась мама. Алла тогда встречалась с мальчиком по имени Сева, но когда Зинаида Архиповна узнала об этом, запретила дочери даже думать о свиданиях: «Рано тебе еще!» Пугачева обиделась на мать и даже убежала из дома. Ночь она провела на Курском вокзале. Видимо, впечатления от этой ночевки у нее остались не самые радужные, поэтому домой под утро она вернулась «шелковая». И наказ матери выполнила.

В 13 лет Алла Пугачева впервые взяла в руки сигарету: видимо, хотелось ни в чем не уступать мальчишкам. Тогда же ее стала преследовать жуткая аллергия. По ее же словам: «Я ничего не могла надеть, кроме черного. Это было ужасно. Школьная форма меня как-то спасала. Но не та, которая продавалась в магазинах. Приходилось подыскивать какой-то специальный материал и шить у портнихи. Каждый лоскуток проверяли – нет ли у меня на него аллергии. Как правило, от зеленого, красного, голубого меня начинало трясти. Надену платье, пять минут похожу – и впадаю в полубоморочное состояние, голова холодным потом покрывается.

Сколько врачей вызывали! Они заявляли, что это, конечно, аллергия, но какая – непонятно. Я все время говорила: «Мама, вот если б можно было стать знаменитой и поехать в другую страну, хоть на край света, чтобы вылечиться, как бы я была счастлива». Мама плакала и отвечала: «Ничего, девочка. Можно и из черного кофточку сделать!»

И стала я свои черные вещички носить так, чтобы все думали, будто у меня полно нарядов, но я их просто не хочу надевать. Учителя спрашивали: «Что ж ты на вечер в такой одежде пришла?» Знали, что у меня родители обеспеченные. Так я еще порву на себе что-нибудь нарочно. Пусть все думают: какая же неряха, ведь может прилично одеться, а вон что на себя нацепила. Это была первая и самая сложная роль в моей жизни – изображать взбалмошную, счастливую и богатую...»

Поздней весной **1952 года** отец Аллы совершенно случайно оказался в поселке Новоалександровский близ Клязьминского водохранилища и настолько был потрясен тамошними местами, что решил тем же летом снять там какой-нибудь домик, чтобы жена и дети могли отдохнуть вдаль от городской пыли и суеты. Правда, для Аллы этот отдых не был полноценным: мама заставляла привозить в деревню и пианино «Циммерман», на котором дочь усердно разучивала гаммы в перерывах между играми. Последние иной раз были весьма рискованные. Например, однажды брат Алла приехал в деревню чуть позже сестры и, к своему ужасу, увидел, что по деревне бегают... негр в саване и белой чалме. Приглядевшись, Женя увидел, что это не кто иная, как... его родная сестра.

На этом придумки Пугачевой не кончились. В другой раз она решила сделать из брата... сексапильную девчонку. Его переодели в платье, наложили макияж, на голову водрузили мочалку, должную заменить парик. И в таком виде Пугачева отправила брата к своему тогдашнему кавалеру – студенту МАИ Диме Страусову – под видом своей городской подруги Нельки. Самое интересное, что студент минут пять общался с гостьей, но так и не раскрыл мистификации: так искусно был загримирован Евгений (ему даже полотенце под платье закрепили, чтобы имитировать грудь). Потом уже сам мистификатор не выдержал и сказал, кто он на самом деле. Но история на этом не закончилась.

Пока брат Аллы общался со студентом, она успела сходить к деревенским ребятам и пожаловалась им на свою подругу: дескать, не успела приехать и уже отбивает у нее парня.

Ребята приняли ее беду очень близко к сердцу. И отправились «учить» заезжую вертихвостку уму-разуму. Вот как об этом вспоминает сам Евгений:

«И вот мы идем – на повороте стоит человек двенадцать. Одни отозвали Диму якобы по делу, а другие схватили меня и куда-то потащили. Я отбрыкиваюсь, кричу:

– Ребята, да вы что? Я, может, еще удивить вас хочу.

– О, давай, удивляй! – заорали они.

Тут я косынку снимаю вместе с мочалкой.

Сначала была просто настоящая немая сцена. А потом мы все хохотали как сумасшедшие. Алла, конечно, радовалась больше всех...»

Не менее бурно протекала школьная жизнь нашей героини. Вот как об этом вспоминает один из ее одноклассников В. Штерн: «Алла легко могла надавать по шее мальчишке старше себя. В школе у нее были серьезные проблемы с поведением: кнопки на учительском стуле, мел в воде, доска в воске. А во время карибского кризиса (октябрь 1962 года. – Ф. Р.) она решила, что мы просто обязаны поехать к несчастным кубинцам. План был прост: под Аллиным предводительством мы на поезде добираемся до Ленинграда, а там тайно пролезаем в трюм корабля и плывем до Кубы. «Вот увидите, кубинцы нам будут очень рады!» – повторяла она. Но нас сняли с поезда. Алла очень переживала...»

Отметим, что в старших классах у Аллы появились четыре закадычные подруги: Нина Белова (самая закадычная), Вера Александрова, Лена Гордеева и Ира Миловидова. Отметим, что Алла тогда была председателем совета отряда, однако вела себя весьма раскованно – например, в 7-м классе уже тайком пробиралась на вечера старшеклассников, которые в ее возрасте посещать не разрешалось. Кроме того, она еще тайком и курила. Вот как об этом вспоминает Е. Гордеева:

«Алку мы уже тогда звали Пугачихой. Но никакого негативного смысла в это прозвище не вкладывалось. Несмотря на то что я пришла в 496-ю школу только в 7-м классе, мы с Аллой довольно быстро сблизились. Помню, вскоре после моего прихода мы пошли всем классом на ВДНХ. Алка тогда спросила у меня: «Ты куришь?» – «Конечно», – ответила я. А как я могла ответить иначе?! Мы купили пачку «БТ». И я тогда, по-моему, первый раз закурила. А ведь она была председателем совета отряда...»

О том, какой шутницей была в те годы Пугачева, вспоминает Н. Белова:

«Алла любила все время что-то представлять: смешно копировала Веру Александрову и нашу математичку Юлию Куприяновну. Как-то подначила меня изобразить, будто я ее девочка, а она мой мальчик. Надела брюки, спрятала волосы под кепку, взяла в зубы сигарету, и мы пошли в обнимку по Воронцовской улице. В итоге к нам подошел какой-то взрослый парень и обратился к Алле: «Парень, дай закурить!» Она же вместо сигареты протянула ему спички. Парень разозлился, обозвал ее «дураком» и дал ей пенделя. Мы очень испугались и сразу свернули наше представление...»

А вот еще одно похожее воспоминание – все той же Е. Гордеевой:

«По вечерам мы ходили впятером гулять по набережной. Бывало, какие-то мальчишки начинали к нам приставать. И мы выпускали вперед Алку. Она взъерошивала волосы, делала дебильное выражение лица, начинала хромать, подходила к ним и дурным голосом спрашивала, который час или как пройти в библиотеку. Мальчишки в ужасе шарахались от нее. Она доводила нас просто до истерики. Или, скажем, на уроке она разыгрывала сцену, будто ей стало плохо. Мало того, что ее саму отпустили с урока, так еще и посылали Нинку проводить ее до дома. И они вдвоем линяли...»

Тем временем в **1963 году** в семью Пугачевых пришла беда: арестовали их отца. Он к тому времени дослужился до должности директора Талдомской обувной фабрики и оказался замешан в каких-то махинациях. А в те годы Хрущев объявил настоящую войну расхитителям социалистической собственности. О жесткости этого курса говорит хотя бы такой факт: с

ноября 1962 года по июль 1963 года в СССР прошло более 80 «хозяйственных» процессов, на которых было вынесено 163 смертных приговора. Но Борису Пугачеву повезло: его прегрешения потянули всего лишь на три года, из которых суд ему потом скостил ровно половину. Срок он отбывал в колонии под городом Долгопрудным Московской области (кстати, всего в 5 км от дачи в Новоалександровском).

Пока отец сидел, Алла Пугачева в **1964 году** окончила обе школы: музыкальную и неполную среднюю (8 классов). Свидетельство об окончании «музыкалки» ей было выдано **23 мая**. В нем были следующие отметки: специальность – пять, хор – пять, ансамбль – пять, сольфеджио – пять, музыкальная литература – пять.

12 июня у Пугачевой на руках появился и аттестат об окончании средней школы. В нем значились шесть пятерок: по пению, русской литературе, арифметике, рисованию и труду. Четверок было тоже шесть: по рускому языку, истории, алгебре, геометрии, естествознанию и физике. «Тройки» у Пугачевой стояли по географии, черчению, иностранному языку, химии и физкультуре.

Без особых проблем Пугачева поступила в Музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова, которое находилось... аккуратно по соседству с ее неказистым домиком в Зонточном переулке. Причем повела себя более чем странно: несмотря на то что все, кто слышал ее игру на фортепьяно, сулили ей блестящее будущее пианистки, она выбрала дирижерско-хоровое отделение (руководитель – Владимир Андреевич Веденский).

Вспоминает Р. Рюмина (руководительница фортепианного отделения в музыкальной школе № 31): «В 7-м классе Алла подошла ко мне: «Роза Иосифовна, можно я спою вам свою песню?» У нее тогда папа, кажется, серьезно болел. И Аллочка спела очень печальную песню. Стихи, музыку написала сама. Слов я, конечно, уже не помню. Но я так была потрясена, что расплакалась. «Аллочка, почему же ты не играешь с таким чувством, с каким поешь?» Поняла, что призвание ее в другом. Посоветовала маме, чтоб отправляла дочку на дирижерско-хоровое отделение. «Ей надо петь, ставить голос!» Мама очень обиделась на меня. Она же мечтала видеть дочь пианисткой. Но я смогла ее убедить...»

На курсе Пугачевой учились практически одни девушки, что ее страшно раздражало: она любила общаться с мальчишками. Поэтому и в училище старалась дружить в основном с представителями сильного пола. Среди них был и Владимир Кричевский, который вспоминает следующее:

«Мы с Аллой стали приятелями. В училище вообще духовики – в основном ребята – много общались с дружественным девчачьим дирижерским отделением. Алла славилась своей коммуникабельностью и была завсегдаем нашего знаменитого духового подвала. Там собирались студенты покурить, выпить вина. Чудный тогда продавался портвейн по рубль ноль две и «Родничок» по 97 копеек. Алла тоже не отказывалась выпить. Мужики поигрывали в карты, иногда на деньги. Правда, кто-то попался, их отчислили, и карточные игры прекратились. А те, кто репетировал, стояли заодно на стреме. Как идет кто-нибудь из преподавателей, подавали сигнал трубой – фрагмент из какой-нибудь симфонии. Иногда нарочно переполошат всех и радуются. Там, в подвале, помнится, стоял большой бюст Мравинского. У него был очень большой нос. Об этот нос мы тушили окурки...»

Алла не была хорошенькой, хотя копна волос, которые она всегда высоко начесывала, конечно, привлекала. И еще Алла любила очень короткие юбки, хотя они ей не особенно шли. Вообще, она обожала выглядеть вызывающе. Романы у нее случались очень часто – то с одним студентом, то с другим. А поскольку мы с ней были просто друзьями, она о всех своих многочисленных увлечениях мне рассказывала, стихи читала, которые ей посвящали мужчины...»

Еще одним другом Пугачевой в училище был Михаил Шуфутинский, который учился на курс младше Пугачевой. По его словам: «У Аллы была хорошая стройная фигура, ножки

такие девчачьи, лицо в веснушках и копна рыжих волос, чуть ли не до пояса. Одевалась она очень эффектно, и мальчишки всюду за ней ухлестывали.

Алла часто бывала у нас дома, и бабушка каждый раз укоряла ее за длину юбки: «Как можно ходить в таком виде?! Нельзя же так коротко!» – на что я с видом знатока отвечал: «Бабуля, ну если есть что показать – почему не показать?».

Наша директриса Гедеванова слыла отпетой ретроградкой не только в музыке, но и в том, что касалось одежды учащихся: у кого из девочек юбка чуть выше колена – могла не пустить на занятия или выгнать с урока, о джинсах вообще разговоров быть не могло. Пугачевой доставалось больше всех.

Иногда мы с Аллой прогуливали занятия. Особенно не хотелось идти на академический хор. Занятия начинались в девять утра, а нас клонило ко сну. Поэтому после первого часа мы обычно сбегали. Шли или ко мне или к ней, она жила на Крестьянке, за «сотым» универмагом, почти у самого училища. Частенько, прогуливая занятия, спускались в подвал училища, там располагались классы для индивидуальных уроков. Просили кого-нибудь из отличников взять ключ на свою фамилию – отказать никто не мог, потому что я был авторитетом, – и начинали там джазовать. Я садился за рояль, кто-то приносил контрабас, Алла пела. Причем пела так хорошо, как поет сейчас. Но тогда она исполняла песни на каком-то немислимом полуболгарском, полуюгославском языке и по ходу придумывала такие словосочетания и приемы, которых никто из нас, включая ее саму, не знал. Однако получалось очень лихо, в такой ультрасовременной манере, к которой в Европе певицы пришли лет через десять. Мне страшно нравилось ее пение...»

К слову, именно за это ультрасовременное пение Пугачева едва не погорела. Однажды она исполняла песню на стихи Леонида Дербенева про фабричную трубу, которая рухнула, и свидетелем этого выступления стал кто-то из руководства училища. За неслыханный упадок нравов Пугачеву собрались уже отчислить из училища. И только заступничество мамы, которая пообещала, что ничего подобного впредь ее дочь себе не позволит, отвело дамоклов меч от будущей примадонны.

Несмотря на то что песенное творчество едва не привело Пугачеву к краху карьеры, она твердо решила быть не дирижером, а певицей. И хотя голос у нее тогда был неважнецкий, однако сценического шарма было хоть отбавляй. Именно это в итоге и сыграло свою роль, когда 16-летнюю Аллу Пугачеву пригласили на первые в ее жизни гастроли. Произошло это осенью **1965 года**. Вот как она сама об этом вспоминает:

«День был пасмурным. Шел дождь. На первом же уроке получила двойку. И вместе со своей подружкой убежала с занятий. Невезение продолжалось: в кино попасть не смогли. Дождь лил по-прежнему. Забрели в какой-то клуб. Шли на звуки музыки и попали в зрительный зал. Тихонечко заняли места и стали следить за тем, что происходит на сцене. Играл ансамбль. Из-за кулис вышла артистка в красных лакированных сапогах. Спела незнакомую песенку. Потом о чем-то долго говорила с руководителем. Ушла. Ансамбль снова начал играть. Вышла другая певица в таких же красных сапогах. И песню пела ту же самую.

Когда на сцене появилась пятая исполнительница в таких же красных сапогах и запела ту же самую песню, стало невыносимо смешно и я рассмеялась. Руководитель ансамбля закричал, почему в зале сидят посторонние. От этого стало еще смешнее, и вдруг неожиданно для самой себя я громко напела припев песни. И услышала:

- Если ты такая смелая, то давай выходи на сцену и пой!
- Я бы вышла, да вот сапог красных у меня нет!

В Москве тогда были очень модны такие сапоги. Я, как и все девочки, тоже мечтала о них.

- А мы тебе дадим напрокат...

Появился азарт. Поднялась на сцену. Действительно дали красные сапоги. И вот я на сцене. Вдруг стало как-то страшно. В зале темно. Огонь прожектора слепит глаза. Но отступить – не в моих правилах. Взяла дыхание и спела песню.

- Откуда ты знаешь эту песню?
- Выучила, пока слушала других.
- Ну, иди!

Ушла. А через несколько дней получила почтовую открытку: «Нужно прийти на радио, на запись песни **«Робот»**. Той самой, которую пели тогда в клубе. Оказывается, руководитель ансамбля, он же автор песни (Левон Мерабов написал музыку, а стихи – Михаил Танич. – *Ф. Р.*) приглашал на следующий день исполнительницу для записи на радио. Получилось, что это был мой первый конкурс, и я на нем победила...»

Мерабов руководил ансамблем при известном в эстрадном мире дуэте Александр Лившиц – Александр Левенбук. Этот дуэт в те осенние дни подготовил новую программу под названием «Пиф-Паф» и искал в нее вокалистку. Наверняка читатель догадался, на ком они остановили свой выбор? Правильно, на Пугачевой, с которой их познакомил Мерабов. Однако было сразу два «но»: чтобы отправиться с юной исполнительницей на гастроли, надо было выбить разрешение, во-первых, у ее мамы, во-вторых – у руководства музыкального училища. Первой под усиленную обработку попала мама будущей гастролерши.

Поначалу Зинаида Архиповна категорически отказывалась отпускать дочь к черту на кулички (гастроли должны были проходить в Перми и Свердловске), и никакие слезные мольбы Аллы на нее не действовали. Не повлиял на мать и приход в их дом Левенбука, который клятвенно обещал, что лично будет присматривать за Аллой на гастролях. И тогда Пугачева использовала последний шанс: помчалась к дальним родственникам мамы – супружеской чете, которые некогда были артистами оперетты. Те немедленно позвонили Зинаиде Архиповне. И случилось чудо. Переговорив с ними, мать Пугачевой положила трубку на рычаг и после короткой паузы произнесла: «Ну, что ж, подумаем». Но по ее лицу всем стало ясно, что неприступная крепость пала.

Что касается руководителей училища, то в их отношении был избран еще более хитрый ход. Было решено придумать Пугачевой какую-нибудь болезнь, под которую можно было взять в учебном заведении академический отпуск. Ну, например, со зрением. В итоге **16 ноября 1965 года** из-под руки мамы Пугачевой на свет родилось заявление на имя директора училища Е. К. Гедевановой следующего содержания: «Прошу Вас дать академический отпуск моей дочери Пугачевой А. Б. ученице 2-го курса дирижерско-хорового факультета по состоянию здоровья – на 1965/66 уч. год».

Спустя несколько дней после этого Пугачева отправилась на гастроли. Вот как она сама описывает их: «Мне выдали платье. Ядовито-зеленое. С огромным вырезом на спине. Мама, как смогла, уменьшила этот вырез. И все-таки на сцене я старалась не очень демонстрировать свою спину зрителям. Радость от того, что я – артистка – невероятная! Да еще за это платят деньги! Пела «Робот». И еще песню из репертуара Эдиты Пьехи – перед этой певицей я преклонялась, любила ее и ее песни. Наверное, смешно было смотреть на шестнадцатилетнюю тонюсенькую девчонку, которая выговаривает со значением: «На тебе сошелся клином белый свет...»

Я сама себе аккомпанировала на рояле, и публика принимала меня очень хорошо. Каково же было мое удивление, когда перед последним концертом директор вдруг сказал мне: «Деточка! Мы возвращаемся в Москву. Советую тебе забыть о сцене – артистка из тебя не получилась. А что касается денег, то ты должна будешь внести в кассу...» И называет мне сумму. Оказалось, что концертное платье, которое так старательно ушивала мне мама, и туфли, которые я приобрела во время гастролей, значительно превышали сумму моего заработка.

С таким настроением я возвращаюсь в Москву. Стою на перроне московского вокзала и боюсь идти домой. Тут ко мне подошел наш музыкант, он играл на ударных инструментах. Взял мой чемодан и повел домой. Когда мама открыла дверь, он сразу же ей выпалил: «Вот ваша дочь. Артисткой она не стала. Но я вам говорю – мы о ней еще услышим...» Таковы были мои первые гастроли...»

В Москву Пугачева вернулась в конце года. И **27 декабря** написала заявление руководству училища: «Мне был предоставлен академический отпуск ввиду болезни, но, так как я чувствую себя вполне здоровой, прошу дать мне возможность продолжать учебу».

Вскоре после первых гастролей, в **1966 году**, на Аллу Пугачеву обратил внимание редактор популярной воскресной радиопередачи «С добрым утром!» Владимир Трифонов. Он славился тем, что везде и повсюду выискивал подающих надежды молодых артистов и рекламировал их в своей передаче. Вот и Пугачеву постигла та же участь. Причем напарнику Трифонову Дмитрию Иванову она совершенно не понравилась, а Трифонов сказал, что ее ждет большое будущее. «Ну, ну», – скептически сказал Иванов, посчитав увлечение своего напарника очередной блажью. Ближайшее же будущее показало, кто из них прав в этом споре.

Песня, которую Пугачева спела в «Утре», была все та же – «**Робот**» Мерабова и Танича. За те несколько месяцев, что она ее исполняла, Пугачева настолько сроднилась с этой песней, что пела ее практически на одном дыхании. Вот почему, когда «Робот» в ее исполнении прозвучал в эфире, слушатели были в восторге. Как вспоминает М. Танич: «Песня сразу стала популярной. После Аллы ее перепела чуть ли не вся женская часть нашей эстрады. «Робота» исполняли во всех ресторанах, а это всегда было показателем большого успеха...»

После того редакцию «Утра» завалили письмами, в которых слушатели восхищались талантом юной певицы и просили продолжить с ней знакомство дальше. Значит, требовалась новая песня. И тут на горизонте Пугачевой возник начинающий композитор Владимир Шаинский. Он написал песню «**Как бы мне влюбиться?**», но никак не мог найти для нее исполнителя. Сначала он искал его среди звезд: Муслима Магомаева, Вадима Мулермана. Но те под разными предлогами отказывались от сотрудничества с нераскрученным автором. Тогда Шаинский стал искать исполнителей среди более молодого поколения, причем представительниц слабого пола. Ему посоветовали найти Анну Герман. Но та жила в Польше, и выйти на нее у безвестного Шаинского и вовсе не было никаких шансов. Он был уже в отчаянии, когда кто-то из радиных редакторов назвал ему певицу, исполнявшую песню «Робот». «А как ее фамилия?» – поинтересовался композитор. «Да зачем вам фамилия – она мало кому известна», – ответили ему. «А все-таки», – не унимался композитор. «Ну, Алла Пугачева. Легче вам?» Далее привожу слова самого композитора:

«Через пару дней я зашел на радио заполнить какие-то документы, и секретарша мне говорит: «Хотите увидеть вашу будущую исполнительницу? Вон в углу за роялем сидит». Я посмотрел – действительно сидит, разбирает мои ноты и что-то вполголоса напевает. Автор текста толкнул меня в бок: «Ты посмотри, что нам подсунули – да у нее совсем голоса нет...» – «Ладно, отвечаю, посмотрим».

Потом, конечно же, не выдержал и явился на запись. Притаился, чтобы она меня не увидела. В студию вскоре пришла Алла и начала петь. Вот тут я обалдел...»

Обалдел не только Шаинский, но и большинство радиослушателей, которые спустя некоторое время стали свидетелями премьеры этой песни. Спустя несколько дней редакцию «Доброго утра» уже завалили письмами, в которых «Как бы мне влюбиться?» была названа песней месяца. Трифонов ликовал. То же самое и Шаинский, который тут же написал для новоявленной звезды очередную песню – «**Не спорь со мной**». И она тоже стала победителем того же конкурса – «Песня месяца».

Между тем ложку дегтя в бочку меда внес Союз композиторов, который отправил на радио депешу, где выражалось возмущение вопиющим фактом, что не член их организации

второй раз побеждает в престижном конкурсе. «Это все подтасовка!» – делали вывод в Союзе композиторов. На радио струхнули. И предложили Шаинскому отказаться от первого места в обмен на хорошее отношение в последующем. Композитор отказался. В итоге этот конкурс вскоре прекратили. А Пугачеву главный редактор музыкального вещания запретил даже на пушечный выстрел подпускать к радио. Но радийщики здесь проявили принципиальность: приводили ее на записи ночью, когда все начальство разъезжалось по домам. Правда, мама певицы была не в восторге от этих полуночных записей. Она возмущалась: «Да как же можно девчонку на ночь отпускать? Что это за радио такое? Куда смотрит комсомольская организация?» Но, поскольку за каждую запись Пугачевой платили по две ставки – 10 рублей, что было неплохой прибавкой к семейному бюджету, роптать на эти ночные отлучки мама юной певицы вскоре перестала.

Вспоминает Д. Иванов: «Мне было так забавно видеть, как она слушает нас, открыв рот. Трифонов же просто за ней ухаживал. Он бывал у нее дома, познакомился с родителями. Правда, Алла не отвечала ему взаимностью. Но и он любил ее, наверно, не столько как женщину, а как какое-то свое творение. Он даже немного учил ее петь. Говорил, например: «Вот здесь не надо обертонов, пой «белым звуком»...»

У нас с Трифоновым был своеобразный бзик – уберечь будущую звезду от случайных связей. Например, композитор мог предложить песню через постель. Мы с Володей за Алкой слегка подслеживали: туда ли пошла, с тем ли человеком общалась. Короче, пасли. Например, Алла говорила: «Я встречаюсь с Вадимом Гамалией. Он хочет показать мне новую песню». Был такой очень популярный композитор. А уж до женщин какой ходок! (Его давно уже нет в живых: убили прямо на улице Горького.) Ага, соображали мы, Вадик – человек непростой. И своими тайными тропами чапали следом за Алкой!»

Следующая песня, с которой связана очередная громкая история в жизни Аллы Пугачевой, называлась «**Великаны**». Песня входила в репертуар тогдашней звезды советской эстрады ленинградского певца Эдуарда Хилья. Но поскольку ее автором был приятель Иванова и Трифопова, то они уговорили его дать спеть свое творение и Пугачевой. За бутылку водки договорились со звукорежиссером и ночью записали песню. Причем один куплет пел Хиль, другой – Алла. Но этот вариант песни продержался недолго. Когда ее в таком виде услышал по радио Хиль, его возмущению не было предела. «Да как вы смеете! – бушевал он. – Меня, популярного исполнителя, ставить на одну доску с какой-то безвестной девчонкой!» Говорят, когда про это рассказали Пугачевой, она расплакалась. А потом, вытерев слезы, сказала: «Ну, ничего, я ему еще докажу. Я буду популярнее его!..» Вряд ли те, кто слышал тогда эти слова, в них поверили. А ведь они сбываются. Только до этого момента еще добрых десять лет.

Еще один подобный скандал произошел летом **1966-го**, когда режиссер «Доброго утра» Лев Штейнрайх включил Пугачеву в состав участников концерта-«солянки», проходившего в саду «Эрмитаж». Пугачева оказалась практически единственной малоизвестной артисткой в этом концерте, что жутко не понравилось некоторым участникам-мэтрам. Как вспоминает Д. Иванов: «Какой же жуткий скандал разразился, когда об этом узнали корифеи... Ладно уж, не стану называть имен тех, кто заходился в истерике, требуя вышвырнуть за ограду эту... как ее... Пугачеву. Сама она стояла в двух шагах от эпицентра этого позорнейшего урагана с лицом, выражавшим не то «сейчас пойду и повешусь», не то «а пошли вы все...», короче, концерт был под угрозой срыва.

– Ребята, я не могу! – сказал нам белый как мел Лева Штейнрайх. – Мне самому она нравится. Но гляньте на них. Они же меня сожрут живо!

– А мы? – спросили мы.

Лева побледнел еще больше, хотя уже, казалось, дальше некуда, и крикнул страшным фальцетом:

– Пугачева будет в программе!

Корифеи испуганно отошли в кусты.

А потом на сцену вышла Пугачева... В те времена не было никаких цветных дымов, лазерных лучей и взбесившегося полуголого балета. Глуховатый рояль и одиноко торчавший микрофон – вот и вся атрибутика. И печальная девочка, никак не одетая, никак не выглядевшая... Ладно бы еще она вышла со своим популярным «Роботом», так нет же! Она решилась исполнить песню Бориса Савельева на стихи Инны Кашежевой «**Я иду из кино**»...

Я знал эту песню, совсем не годящуюся для людей, пришедших развлечься воскресным вечерком. В ней говорилось о девочке, увидевшей в старой хронике отца, погибшего на войне. С первых же слов зал удивленно притих. Я ни звука не услышал из зала и тогда, когда песня закончилась. А потом был настоящий обвал. Пугачеву не хотели отпускать, требовали песню на «бис», требовали «Робота»...

Благодаря своим приятелям с радио Пугачева стала вхожа в Театр на Таганке. Там она пересмотрела чуть ли не весь репертуар, а также была введена в тамошнюю тусовку. Она общалась с Владимиром Высоцким, Борисом Хмельницким и другими ведущими артистами театра, которые относились к ней как к товарищу. Был момент, когда Высоцкий пристроил ее в один из спектаклей – Пугачева сыграла крохотную роль в массовке, продефилировав по сцене из одного конца в другой. Однако никакого романа между нею и Высоцким не было и в помине.

Вообще постоянного парня у Пугачевой в те годы еще не было. Хотя нравилась она многим и в училище, как мы помним, она «романила» направо и налево. Но все эти увлечения быстро заканчивались. Один из ее тогдашних кавалеров – некто Александр Николаев – был так сильно влюблен в рыжеволосую певицу, что посвящал ей свои стихи. Кстати, много лет спустя, разбирая свой архив, Пугачева обнаружит эти вирши и на одно из них даже напишет песню, которая станет шлягером – «Я тебя поцеловала».

Одно время за Пугачевой ухаживал даже космонавт Герман Соловьев, с которым она познакомилась во время своей первой гастрольной поездки с радиостанцией «Юность» в Тюмень (об этой поездке речь еще пойдет впереди). Когда они вернулись в Москву, космонавт стал приглашать Пугачеву на различные мероприятия, даже познакомился с ее родителями. Но дальше обычных ухаживаний дело у них так и не пошло, хотя мама Аллы просто спала и видела, чтоб ее дочь вышла замуж за человека такой романтической профессии, как космонавт. «Ведь не эстрадник какой-то», – часто приговаривала Зинаида Архиповна. Но на дочь эти причитания никакого впечатления не произвели. В итоге это увлечение Пугачевой быстро закончилось.

Как поведает много лет спустя сама певица, она и женщиной станет не благодаря постоянной связи, а исключительно по воле случая. Это случилось **2 марта 1967 года**. Вот как описывает происшедшее человек, который, по его же словам, лично слышал этот рассказ от Пугачевой, – А. Сумин:

«В тот день молоденькая девушка Алла вышла на улицу и поняла – ЭТО должно случиться сегодня. И решила, что, как в сказке, это будет первый, кто заговорит с ней и постарается познакомиться. Этим человеком оказался художник, старше ее, который заговорил с девушкой на платформе метро. В его мастерской, где-то в районе Кузьминок, все и случилось...»

В начале **апреля** Пугачева отправилась на гастроли в Тюмень в составе концертной бригады радиостанции «Юность». В эту бригаду вошли как уже признанные эстрадники вроде Яна Френкеля, Александры Пахмутовой, Николая Добронравова, так и молодежь: поэт Диомид Костюрин, журналисты Максим Кусургашев, Феликс Медведев и Борис Вахнюк. Последний вспоминает:

«Дождавшись очереди, Алла вышла на сцену – тоненькая, хрупкая, в строгом платье, вместо рыжей копны – аккуратно подстриженный каштановый колокольчик. Села к роялю, произнесла сбивчиво в микрофон стихи, самолично написанные к случаю, и ударила по клавишам.

Пела не залитованное и рекомендованное реперткомом. Пела про то, что «Прилепился к окошку лист, это значит, что всю ночь под осенний свист дождик плачет». Про некую цветочницу, которая, наплевав на расположение короля, сбежала от него ночью с... шутом. И собственную песню спела – трагическую, под обожаемую Пиаф: «Брошенный в кресло клетчатый плед и запах дыма твоих сигарет, и этот вальс, наш единственный вальс!..»

Зал бушевал. Кипел за кулисами и Юрий Георгиевич Эрвье. Геолог, доктор наук, первооткрыватель тюменских богатств, Герой Труда, лауреат и прочая, прочая. Он успел полюбить юную певицу. Она даже получала неслыханные по тем временам гонорары: за концерт на деревенском рыбозаводе – огромную селедочную банку паюсной икры...»

А вот как об этой поездке вспоминал другой ее участник – Феликс Медведев:

«Я помню Аллу тоненькой тугой веточкой, но уже тогда не гнувшейся под пронизывающей заполярной метелью. С гитарой в худых полудетских ручонках. Припухшие мочки ушей еще свободны от сережек. По командировке ЦК комсомола с радиостанцией «Юность» мы облетаем с концертами нефтяной Север. Нас шестеро: журналист, певица, поэт, художник, композитор. Старшой. Меня назначили поэтом. Я должен был сочинять для композитора стихи, тот писать – музыку, а Алла должна была исполнять свежее испеченные песни. Я старался:

За Ямалом Ледовитый океан,
Над Ямалом небосвод от выюги пьян,
Под Ямалом мы, геологи, нашли черную кровь земли...

Композитор пыхтел, но в памяти остались лишь песни самой Аллы. Видимо, уже тогда проявлялся характер, самодостаточность, свой, пугачевский взгляд на все в этой жизни. А может, это было предощущение великой судьбы.

Алла была среди нас звездой. Она только что спела по радио «Робота», и он сделал ее всесоюзно известной среди молодежи. Да, уже тогда, в Тюмени, в Салехарде, в Нарьян-Маре, в Лабитнангах, в глуши у черта на куличках был ее несомненный успех. Но ощущения бестии еще не было. А впрочем, был в нашей группке молодой поэт Диомид Костюрин, безнадежно в нее влюбленный. Будто из-за нее, из-за Аллы, он тронулся разумом и уже позже в Москве, успев выпустить книгу стихов, выбросился из окна. В той поездке мы пели его грустную песню о чужой жене: «Две рюмки до края, и обе до дна, уходит, уходит чужая жена». Не знаю, о ком эта песня, Алла тогда еще не была замужем. Но когда сегодня я вспоминаю те пронзительные слова, хочется плакать.

Однажды нас позвал к себе в гости домой великий полярный исследователь, «отец» тюменской нефти, легендарный Юрий Георгиевич Эрвье. Сидя в уютной квартире, мы «представлялись» как могли: Алла – «роботом», Дима – чужой женой, я – стихами о своей первой женщине. Сентиментальный Эрвье и в самом деле расплакался. И я запомнил, как Алла по-мужски, по-«бестийски», успокоила его: «Перестаньте, ведь это все о вас...» И он подтвердил: «Да, обо мне». И мы снова выпили за него и за нас. Выпили на равных, девочки и мальчики. Девочкой была только Алла.

И на другой день, когда надо было на дребезжащем вертолете лететь на очередную точку, чтобы петь и плясать перед геологами, Алла тоже летела со всеми. Напуганный страшными рассказами о падающих камнем вниз железных птицах и четырехчасовым перелетом, я отказался от визита на Новую Землю. Мне с ужасом представлялась черная ледяная пропасть Ледовитого океана. Пугачева полетела. Потому что ничего не боялась...»

В Тюмени, под Салехардом, Пугачева справила свое 18-летие. Случилось это спонтанно. Они всей концертной бригадой возвращались в свое общежитие после концерта, как вдруг Пугачева возьми да и признайся: «А у меня сегодня день рождения». Что тут началось! Кто-то сбегал за шампанским, но бокалов под рукой не оказалось. Тогда именинница достала из-за

пазухи... свои концертные туфли и пить принялись прямо из них. Потом продолжили веселье в общежитии. Однако затем кто-то из артистов их урезонил: дескать, люди спят, давайте потише. Но тут к ним в комнату ввалились сами работяги, что жили за стенкой, и присоединились к их пирушке.

Тем временем в личной жизни Пугачевой произошли перемены: у нее случился роман со студентом Инязом Валерием Романовым. С этим парнем она познакомилась благодаря своему брату: они с Романовым работали в одном комсомольском оперативном отряде. Романов очень красиво ухаживал за Пугачевой: дарил ей дорогие подарки, водил в рестораны (его родители были людьми довольно состоятельными). По словам Евгения: «Валера и Алка общались только друг с другом. Я даже ревновал, что сестра «увела» моего товарища...»

Летом **1967-го** началась очередная арабо-израильская война, в которой Советский Союз выступил на стороне арабов. Помощь заключалась в поставках оружия и предоставлении разного рода специалистов. Попал под эту компанию и Романов, которого отправили на Ближний Восток в качестве переводчика. Но прежде чем уехать, он пришел к Пугачевой, чтобы предложить ей отправиться с ним. «Ты можешь поехать со мной как моя жена, – огорошил он девушку неожиданным предложением. – В таких случаях людей расписывают в три дня». Однако Пугачева колебалась. Выходить замуж, да еще покидать страну на год-два совершенно не входило в ее планы. В итоге она отказалась от предложения своего кавалера, но пообещала его обязательно дожидаться.

Осенью Пугачева снова уехала с гастрольями в Тюмень. Вновь они давали концерты в богом и чертом забытых уголках, которые потом станут городами. Добирались они туда на теплоходе ВТТ-10 по Оби, Иртышу. С легкой руки Бориса Вахнюка теплоход прозвали «Броненосец Поносцев», поскольку практически всех артистов на протяжении всего маршрута мучала дизентерия. В Москву артисты вернулись поздней осенью. **7 ноября** все вместе участвовали в демонстрации на Красной площади. Именно там Пугачева поставила свою подпись на гитаре Бориса Вахнюка.

Новый **1968 год** Пугачева встречала в кафе «Молодежное», что на улице Горького. И там с ней приключилась весьма забавная история. Она спела песню «Одинокая гармонь», переиначив ее на шуточный манер. К примеру, там были такие строчки: «Знаю я, знаю я, шо те надо. Я не дам, я не дам, шо ты хошь». Публика была в восторге. Однако едва Пугачева сошла со сцены, как к ней подошли двое комсомольских дружинников и попросили пройти с ними в их штаб. Там Пугачева уже приготовилась выслушать поток нравоучений, как вдруг вместо этого... ее похвалили за хороший голос и предложили выступить на городском конкурсе комсомольской песни от Фрунзенского района. Но Пугачева им отказала. Обиделась на то, что ее увели из кафе самым бесцеремонным образом.

Во время зимних каникул **68-го** Пугачева съездила с концертами на Ямал, где благодарные слушатели преподнесли ей в подарок белый полушубок. В марте уехала на два дня в Тюмень, где участвовала в открытии Дворца нефтяников. Там она спела три песни: «**Король, цветочница и шут**» Владимира Шаинского, песню Кирилла Акимова и свою собственную – «**Единственный вальс**». Успех был грандиозный. На волне этого успеха, вернувшись в Москву, Пугачева записала еще одну песню на тюменскую тему – «**Джинн**». Про природный газ.

Тем временем Трифонов и Иванов пробили на телевидении новую передачу – «С днем рождения!» (прообраз будущей «Утренней почты»). И в качестве одной из первых исполнительниц пригласили в нее свою хорошую знакомую – Аллу Пугачеву. Правда, далось им это с боем. Телена начальники наотрез отказывались видеть Пугачеву на голубом экране, называя ее не иначе как «хабалкой». Но тогда создатели передачи поставили вопрос ребром: либо они будут приглашать в передачу тех артистов, кого хотят, либо передачи вообще не будет. Подействовало.

Летом **68-го** Пугачева должна была окончить Музыкальное училище имени Ипполитова-Иванова. Но диплом ей не выдали. Как вспоминает ее преподаватель И. Тупиков: «Теорию Алла сдала прекрасно, отрепетированную хором под ее руководством колыбельную из фильма «Цирк» спели хорошо, а напоследок надо было исполнить под собственный аккомпанемент песню. Алла спела «Дороги». Но начальник экзаменационной комиссии (Александр Александрович Юрлов. – *Ф. Р.*) поставил ей «пару», сказав, что слишком много эстрадного налета, недопустимого к преподаванию в советской школе! Мы пытались возразить, но спорить с председателем не было смысла. Студентку отправили на полгода работать в школу учителем музыки...»

«Перековку» Пугачева проходила в средней школе № 621, которая только-только открылась на Ташкентской улице. Вела там музыку. Почти с первого же урока за ней закрепилась кличка – Алка-кричалка. А все потому, что, не обладая должным опытом и авторитетом, она не находила ничего лучшего, как кричать на своих нерадивых учеников. А однажды и вовсе пригрозила их побить, если они не перестанут хулиганить. Причем сказала это так убедительно, что ребята поняли – эта может.

Постепенно порядок на ее уроках был восстановлен. Во многом это произошло благодаря певческому таланту Пугачевой. В конце уроков, если дети вели себя примерно, она пела им песни под собственный аккомпанемент. Особенно нравилась ребятам в ее исполнении песня «Огромное небо» из репертуара Эдиты Пьехи. Еще она им рассказывала о своих поездках в Тюмень, о встречах с известными людьми.

Однажды кто-то из ребят стал всю хвалить тогдашнюю советскую эстраду и на этой почве у них с Пугачевой вышел большой спор. Молодая учительница, которая так проникновенно пела «Огромное небо», вдруг принялась уверять своих учеников, что эстрада – это ерунда, а вот классика... Она даже принесла в школу свой старенький проигрыватель и поставила ребятам пластинку с оперой «Князь Игорь». Ученики послушали, но эстраду не разлюбили. По-прежнему орали на переменах «Опять от меня сбежала последняя электричка...».

В апреле 1969 года Пугачева устроилась певицей и аккомпаниатором в эстрадно-цирковое училище. Произошло это случайно. В училище пришла разрядка на Калужскую и Тамбовскую области: надо было срочно формировать бригаду и отправляться туда с концертами. Исполнителей всех жанров найти удалось быстро, и не было только певицы. Вот тут кто-то и посоветовал Михаилу Плоткину, который формировал бригаду, Аллу Пугачеву. «А кто это такая?» – спросил Плоткин. «Ну, та, которая про робота поет», – последовал ответ.

Между тем Плоткин не стал сам встречаться с Пугачевой, а поручил эту миссию своему коллеге – преподавателю пантомимы Олегу Непомнящему. Последний вспоминает:

«Мы договорились с Аллой о встрече на следующий день, **24 апреля**. Я сказал, что буду ждать ее в фойе циркового училища в час дня. По благоприобретенной привычке строжиться на студентов, я придирчиво спросил:

– Не опоздаешь?

– Нет. Я хотела бы заработать.

Слегка обескураженный таким предметным отпором, я, тем не менее, не утратив педагогических интонаций, попрощался и почему-то уверовал, что моим поискам и мытарствам пришел конец.

На следующий день, по-видимому, в связи с законом мировой справедливости, я сам опоздал к назначенному часу. Всего на пять минут, но мне было чрезвычайно неловко. У входа в училище я столкнулся со своим студентом Миколасом Орбакасом, который тоже опаздывал непосредственно на урок, за что немедленно получил от меня разнос (23-летний Орбакас тогда учился на 4-м курсе. – *Ф. Р.*). Миколас извинился, ссылаясь на трудности с транспортом, прибавил шагу и немного обогнал меня...

Ждавшая меня в фойе девушка как-то пристально, со значением глянула на Орбакаса и потом смотрела на него, не отрываясь. Ее поведение показалось мне немного странным, равно как и блеск ее зеленых, с бесовщинкой на дне зрачков, глаз.

Много позже выяснилось, что накануне Алла встречалась с композитором Кириллом Акимовым и поэтессой Мариной Филипповой, уповая на их помощь в формировании собственного профессионального репертуара. В конце встречи, когда все деловые вопросы были оговорены, Карина, по национальности цыганка, предложила Алле погадать:

– Будет у тебя завтра встреча в казенном доме, и первый мужчина, которого ты встретишь, станет твоим мужем.

Волею случая первым мужчиной, которого встретила Алла, стал не я, а обогнавший меня Орбакас. Этим-то и объяснялось ее до странности пристальное внимание к его персоне.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, вошли в аудиторию... Пока я объяснял скептически настроенным ко всему на свете будущим звездам цирка суть дела, Алла спокойно стояла в стороне – юная, почти подросток, с веснушками на носу и рыжими косичками, в легком платьице и простеньком жакете, она выглядела чуть строже, чем предполагал ее нежный возраст. Едва дождавшись моего приглашающего жеста, она кивнула всем в знак приветствия, решительно села за рояль, словно не испытывая никакого волнения, и запела...

Прилепился к окошку лист
Это значит,
Что всю ночь под осенний свист
Дождик плачет...

Отзвучали последние аккорды, в аудитории возникла длинная пауза. Не хотелось хлопать, и было странно что-нибудь говорить. Она с улыбкой окинула взглядом притихшую публику, рассмеялась и нарочито простецки, чтобы скрыть собственное смущение и разрядить обстановку, сказала:

– Ну, че, понравилось?

Первым нашелся Белов (завкафедрой эксцентрики и клоунады. – *Ф. Р.*):

– Да, конечно. Я думаю, ни у кого нет вопросов.

Он выдержал паузу, словно ожидая подтверждения своим словам. Народ безмолвствовал, и Юрий Петрович продолжил:

– Мы будем рады, если вы поедете с нашим коллективом.

Ступор наконец прошел, и наши студенты бурно зааплодировали, словно на собрании приветствовали высокопоставленного оратора...»

Между тем той весной состоялся дебют Пугачевой-певицы в большом кинематографе. Режиссер Павел Арсенов готовился на киностудии имени Горького к съемкам фильма-сказки «Король-Олень», музыку к которому писал Микаэл Таривердиев. Последний вспоминал:

«Вадим Коростылев написал сценарий по сказке Гоцци, и они с Пашей Арсеновым предложили мне сделать кинооперу. Мы начали работать, это было очень интересно именно потому, что это был не мюзикл, а опера. Незадолго до этого прошла картина Деми «Шербурские зонтики», и мы хотели сделать нечто подобное. Где был бы минимум текста и максимум музыки. Как раз в это же время я работал над своей первой оперой «Кто ты?», и весь курс Бориса Покровского из ГИТИСа, который принимал участие в ее постановке, мы задействовали и на съемках «Короля-Оленя». Все хоровые вещи пели они. Конечно, картина снималась так, что все сначала было записано, а потом уже были съемки. Именно тогда впервые появилась Пугачева, юная, никому не известная девчушка лет восемнадцати (на самом деле ей тогда исполнилось 20 лет. – *Ф. Р.*). Она показалась мне очень талантливой, гибкой и подвижной. Совсем ребенок...»

Одну из трех вокальных партий – «**Дуэт Короля и Анжелы**» – Пугачева записала в **апреле 69-го** на «Мелодии». Съёмки фильма должны были начаться сразу после майских праздников, но случилась заминка: павильон оказался не готов к сроку. И тогда, чтобы не терять время, была записана вся оставшаяся музыка (Пугачева спела еще две песни: «**Тарантеллу**» и «**Балладу Анжелы**»). Как вспоминает сама певица: «Первая работа в кино далась мне нелегко. С музыкальной точки зрения это вроде бы и удача, ибо по настроению все получилось совершенно точно. А вот по актерскому воплощению характера кто-то из нас допустил неточность: либо я, либо исполнительница роли Анжелы актриса Малявина. Когда я записывала вокальную партию Анжелы, еще не было никакого отснятого материала, и мне, в некотором роде, пришлось работать вслепую. Более всего я ориентировалась на композитора: Микаэл Таривердиев расписал мне буквально в каждой песне, что и как нужно делать. Наша Анжела была инфантильной и подчас капризной принцессой. Представление об этом образе героини у Валентины Малявиной поначалу тоже укладывалось в такие рамки. Эта актриса обладает очень своеобразным тембром голоса, и я пыталась максимально приблизиться к нему. В результате пела не своим голосом. Словом, получилось то, что нужно было композитору, но не совсем то, что нужно было для фильма. Потому что, как выяснилось в ходе съёмок, режиссер видел в Анжеле натуру резкую, настойчивую, прямолинейную...»

В том же **мае** состоялась вторая попытка Пугачевой сдать госэкзамены в Музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова. На этот раз удачная: она отпела перед комиссией какую-то песенку для 4-го класса школы, и ей выдали вождеденный диплом. В нем значилось, что его обладатель окончил училище по специальности хоровое дирижирование с квалификацией дирижера хора, учителя пения в общеобразовательной школе, преподавателя сольфеджио в детской музыкальной школе. Однако ни по одной из этих специальностей Пугачева работать не стала. Ей вполне хватило тех нескольких месяцев, что она пробыла в 621-й школе.

Тем временем летом начались гастролы Пугачевой с циркачами. Программа называлась романтично – «Бумажный кораблик». Сначала отправились в Калужскую область. «Гвоздем» гастролей был суперпопулярный в те годы артист театра «Ромэн» Николай Сличенко, а все остальные были у него на «разогреве». Путешествовали небольшим караваном: в черной «Волге» передвигался Сличенко со своей супругой Агамировой, а следом, в автобусе «Кубань», тряслись циркачи. Концерты состояли из двух отделений: в первом выступали Олег Непомнящий с пантомимами, Анатолий Марчевский с клоунадой, Сосо Петросян жонглировал, Алла Пугачева аккомпанировала (на пианино и даже аккордеоне) и пела (в ее исполнении звучали песни: «**Робот**», «**Синяя вода**», «**Орленок**» и др.). Второе отделение было целиком отдано Сличенко. Ставка Пугачевой была 5 рублей 75 копеек за концерт.

После Калужской области гастрольная бригада перебазировалась в Тамбовскую. Там, в газете «Тамбовская правда», появилась рецензия на творчество Аллы Пугачевой. Это была ее первая рецензия в прессе. Цитирую: «Аллу Пугачеву мы не раз слышали в программах радиостанции «Юность». А теперь она предстала на эстраде. Условия выступления Аллы на этих концертах значительно сложнее – нет эстрадного оркестра. Однако она справилась со своей задачей. Ее песни достаточно современны, своеобразны, легко запоминаются и хорошо звучат...»

Именно во время тех гастролей между Пугачевой и Орбакасом пробежала первая искра взаимной симпатии. А когда они вернулись в **августе** с гастролей, то стали жить вместе, уже ни от кого не скрываясь. По словам М. Орбакаса:

«На этих гастролях мы очень сблизились с Аллой. Я признался ей в любви, и она дала понять, что среди всех ребят выделяет именно меня. А за ней тогда все ухаживали. Когда мы вернулись с гастролей, мы стали жить вместе, Алла часто ночевала у меня в общежитии. Но, честно говоря, отношения между нами были полуплатонические. Ни о каком сексе «до свадьбы» не могло быть и речи! Воспитание Аллы этого не позволяло. А мне, может быть, и

хотелось большего, но я не могу никого насиловать, мол: «Давай! Давай!», поэтому я терпеливо ждал... Но я абсолютно не готовился стать ее мужем. Я чувствовал, что еще не нагулялся. Хотелось видиться с друзьями. Ну и с подругами...

Но однажды утром Алла разбудила меня и сказала: «Ну что, пойдем делать предложение...» Речь шла о визите к родителям. Я хотел было взбрыкнуть, стал ссылаться на отсутствие костюма. Мол, как-то неудобно идти в джинсах и в клетчатой рубашке-ковбойке.

Тем не менее отвертеться ссылками на несолидный гардероб мне не удалось. Алла сказала, что ничего страшного, что, мол, пора поближе познакомиться с ее родителями...

Зинаида Архиповна сразу же спросила: «А где вы будете жить?» А Борис Михайлович тут же подсказал выход: «У нас по соседству освободилась комната, пока что никто не занял. Не зевайте! Просите ее как молодая семья!» В общем, мы уже начали обсуждать детали, как тут началось итальянское кино!

Раздается звонок в дверь. Кто бы вы думали пришел? Еще один жених!!! Это был Валера Романов. Русский парень из Риги. Валерий после института служил военным переводчиком в Египте, а до этого ухаживал за Аллой. И вот он и решил сделать ей сюрприз: вернулся на родину без всякого предупреждения.

Реакция у присутствующих была разная. Алла, например, дико хохотала, слезы текли градом. Мама ее то бледнела, то краснела, то улыбалась, то морщилась. У папы вдруг нашлись срочные дела на кухне... Видя такую неловкую ситуацию, я тоже быстро раскланялся. Помните, у меня еще мелькнула мысль: вот она судьба! Я ведь, повторяю, не очень-то хотел жениться. Считал, что по-хорошему нужно еще пару лет подождать, чтобы закончить училище, погастролировать, денег сколотить. Я понимал, что между моими чувствами к Алле и прозой семейной жизни большая разница. Я был не готов.

С этими мыслями я поехал в общежитие в Кунцево, к своим самым близким друзьям. Они стали утешать, сбегали в гастроном за бутылочкой. Мы выпили и легли спать.

Рано утром часов в семь меня будят. Надо мной стоит Алла и спрашивает: «Ты чего? Мы ведь решили идти в ЗАГС подавать заявление...» Я опешил и забормотал: «А как же Валера Романов?» – «Романов уехал», – успокоила она...»

8 октября 1969 года молодые поженились и Пугачева сменила фамилию на Орбакене. Денег, которые молодые заработали во время летних гастролей, хватило, чтобы сшить жениху свадебный костюм, невесте купить платье, а на оставшиеся деньги снять столовую на Крестьянской заставе, куда были приглашены аж 90 человек. Подавляющая часть гостей была из Москвы. Из Литвы приехали человек пять – родители жениха и друзья. Свидетелями на свадьбе были со стороны жениха художник-сюрреалист Виктор Кротов, со стороны невесты – ее сокурсница по училищу Наталья Лебедева.

С жильем молодым повезло: квартиру они получили очень быстро. Правда, не ту, о которой говорил отец Пугачевой, но тоже в том же районе. Благодаря стараниям директора Музыкального училища имени Ипполитова-Иванова Гедевановой, которая была еще и депутатом Ждановского района, им удалось получить комнату на той же Крестьянке. Пусть в старом, полусписанном доме-развалюхе, зато там у них была своя собственная комната (в другой проживала молодая семья с ребенком). Со своим армейским другом Орбакас за два дня сделал там ремонт. Горячей воды, правда, в доме не было, но поблизости находились Воронцовские бани, куда молодожены и ходили каждые выходные.

Вместе со своим супругом Пугачева продолжала гастролировать по российской глубинке. Однако, несмотря на то что в концертных программах, где она выступала, зрители принимали ее особенно тепло, эстрадные чиновники были совсем иного мнения о ее вокальных способностях. Именно этим объяснялось то, что, когда в **1970 году** курс Орбакаса окончил училище, его в полном составе приняли в Московскую областную филармонию, а перед Пугачевой поставили шлагбаум. Ей так и сказали, что ее творческая манера – это калька с худших образцов

западных исполнителей. И тогда она ушла в вокально-инструментальный ансамбль «Новый электрон», который хотя и был приписан к Липецкой филармонии, но базировался в Москве. Сосватал Пугачеву в этот ВИА ее старый приятель с Воронцовской улицы Валерий Приказчиков, который был... руководителем «Электрона».

Между тем стоило Пугачевой только объявиться в филармонии, как на нее тут же «положил глаз» один из тамошних руководителей области. Он слыл большим женолюбом и не пропускал мимо себя практически ни одной юбки. Вот и новенькую солистку «Нового электрона» он как-то пригласил в свой кабинет и вкрадчивым голосом стал интересоваться, а не боязно ли ей мотаться со своим ансамблем по самым глухим уголкам провинции. «Но это же моя работа», – недоуменно пожала плечами Пугачева. «Работа разная бывает, – гнул свою линию руководитель. – Например, я мог бы замолвить за тебя словечко перед филармонией и ты бы как сыр в масле каталась». «А что для этого нужно?» – спросила гостя, которая по лоснящимся от похоти глазам хозяина кабинета уже начала догадываться о его намерениях. «Ровным счетом сущие пустяки, – оживился руководитель, подошел к креслу, где сидела Пугачева и нежно положил свои руки ей на плечи. – А нужно мне, милочка моя...»

Однако гостя не дала ему договорить. Выскользнув из его цепких рук, она чуть ли не по стеночке попятилась к двери. «Я подумаю над вашим предложением», – только и сумела выдать из себя Пугачева, спиной открыла дверь и выскользнула в коридор. История продолжения не имела, поскольку Пугачева сделала все возможное, чтобы больше на глаза этому человеку не попадаться.

Не секрет, что многие молодые певицы, поставленные перед тем же выбором, что и Пугачева, вынуждены были уступать притязаниям высокопоставленных кавалеров. За это они имели звания, хорошие ставки и другие блага, позволявшие им жить безбедно. Пугачева шла иным путем: дорогу к славе она прокладывала не собственным телом, а талантом. За что поначалу и «огребала» по полной программе. На рубеже 70-х Пугачева являла собой типичного представителя самого низшего эшелона отечественной эстрады. Разъезжала с мало кому известным ансамблем по городам и весям, жила в самых дешевых провинциальных гостиницах, где по коридорам косяками бегали тараканы и даже крысы. Обедала в зачуханных столовых, а иной раз и прямо в гостиничном номере, для чего с собой на гастроли брался самодельный кипяtilьник и маленькая электроплитка. Одевалась она тоже бедно – иной раз подолгу ходила в одной-единственной водолазке. Да и как было разгуляться, если ее ставка в те годы была 7 рублей за концерт. Короче, глядя на нее тогдашнюю, даже во сне никому не могло при-
сниться, что каких-нибудь пять-шесть лет спустя она станет звездой советской эстрады.

А пока на вершине эстрадного олимпа сияли другие звезды. Это были: Эдита Пьеха, Людмила Зыкина, Майя Кристалинская, Лариса Мондрус, Нина Дорда, Мария Пахоменко, Гелена Великанова, Тамара Миансарова, Галина Ненашева, Александра Стрельченко, Вероника Круглова, Мария Лукач, Ирина Бржевская, Алла Йошпе, Нина Пантелеева. Именно их лица мелькали на голубых экранах, их песни транслировало радио, а портреты красовались на обложках глянцевого журнала типа «Огонька» или «Работницы».

О житье-бытье Пугачевой в Липецкой филармонии рассказывает бывший администратор этого учреждения Тамара Крутых:

«Мы неделями гастролировали по Липецкой области. Питались чем бог пошлет. Спать приходилось на скрипучих раскладушках или на полу. Алла была простой бабой, что называется, «своя в доску». Выпивать тогда приходилось нам частенько. Например, приезжали на гастроли в тот или иной город, так районная администрация сразу нам стол накрывала, самогон выставляла. Зарабатывала Алла тогда 7 рублей за концерт...»

А еще она больно влюбчивая была. Однажды Алка втюрилась в одного нашего музыканта. Так, представляете, она даже косметику на ночь не смывала. Боялась, вдруг этот парень зайдет, а она в таком непотребном виде его встречает. Вообще, мужикам она не нравилась,

грубая больно была, да и внешне в ней ничего особенного не было. Помню, сядем мы вместе с ней на крыльчке у подъезда, купим мешок семечек да пачку «Явы», и давай «кости перебивать» нашим коллегам. В выражениях Алка никогда не стеснялась. Вот так и жили...

Перед своим отъездом в столицу она мне сказала: «В музыке я разочаровалась, петь больше не буду – этим денег не заработаешь, надо в институт поступать...» И уехала. Больше мы ее не видели. На гастроли она к нам так ни разу и не приехала, хотя мы ее звали...»

Ранним летом **70-го** Орбакас повез свою молодую жену к себе на родину, в Каунас. Пробыв у родителей Миколаса несколько дней, молодые затем уехали отдыхать на Балтийское побережье. Вечером **12 июня** они сидели в ресторанчике близ моря, пили шампанское, а по телевизору в это время показывали международный конкурс «Золотой Орфей» из Болгарии. Алла внимательно следила за выступающими и иногда сопровождала их выступления такими комментариями:

– Вы только посмотрите, выступают все, кому не лень. Еле рот раскрывают! А я сижу себе здесь и не выступаю!

Посетители, сидевшие в тот час в ресторане, с удивлением смотрели на странную русскую, которая так энергично комментирует чуть ли не каждое выступление. Когда передача закончилась Алла с мужем отправилась на море. Там они долго бродили по берегу, а когда собирались уходить, Алла внезапно сняла босоножки, забежала по щиколотки в воду и на весь берег стала кричать: «Я тоже буду петь на «Орфее»! Обязательно буду! Вы слышите? Я буду там петь! Я, Алла Пугачева!» Орбакас в ответ заразительно смеялся, в душе считая, что его супругу посетило минутное помешательство.

Вернувшись из Прибалтики, супруги вновь разъехались в разные стороны: гастролеровали они от разных филармоний. Однако в **августе** им повезло: Пугачевой разрешили отправиться вместе с мужем в совместные гастроли от Московской областной филармонии. И молодые немедленно воспользовались этим случаем. В короткой паузе между концертами в Ярославле и Хабаровске Пугачева забеременела. На дворе стояло начало сентября. Спустя месяц, уже в Москве, она сообщила мужу новость. Причем однозначно сказала, что родится мальчик. Узнала она об этом не из результатов УЗИ (тогда его еще не делали), а из выводов своих подруг, которым она рассказала о своей беременности чуть раньше, чем мужу. Подруги же определили пол ребенка тоже не по научной методике, а по косвенным приметам: мол, звезды предсказывают, да и по линиям на ладони роженицы однозначно выходит – пацан. Короче, убедили будущих родителей в правильности своих выводов, и те даже имя первенцу заранее придумали – Станислав. Как мы теперь знаем, – ошибочка вышла. Но об этом рассказ впереди.

Для большинства артистов предновогодние дни – самая горячая пора, когда концерты следуют один за другим. Это время хороших заработков, поскольку без участия артистов не обходится ни одно праздничное мероприятие. Взять, к примеру, новогодние детские утренники. В них обычно с удовольствием участвовали молодые артисты, филармонические заработки которых едва позволяли им сводить концы с концами. А на утренниках можно было «зашибить» приличную денюгу, причем не особо перенапрягаясь. В том году в Росконцерте было составлено несколько концертных бригад, которые именно этим и занимались. В одной из них участвовала молодая семейная пара Алла Пугачева и Миколас Орбакас. При этом следует отметить, что Пугачева была на четвертом месяце беременности, а в детских утренниках, волею судьбы, ей выпала обязанность исполнять роль Матрешки. Эта ситуация весьма умело обыгрывалась Дедом Морозом, в роли которого выступал Олег Непомнящий. На утренниках во Владимире он, например, спрашивал детишек, заполнивших зал Дома культуры:

- Знаете, детки, что внутри у матрешки?
- Другая матрешка, – отвечали хором дети.

– Правильно. И сейчас для вас споет матрешка Аллочка. Знаете, почему Аллочка матрешка?

– У нее внутри тоже есть матрешка!

Затем под громкие крики детей «Матрешка, выходи!» на сцене появлялась Пугачева, которая чуть ли не испепеляла Деда Мороза взглядом. Однако успех она имела фантастический: когда Пугачева начинала петь, на ее выступление сбегался весь персонал, рядовые зрители ходили на утренники по нескольку раз, чтобы только услышать ее голос.

Именно в те **декабрьские** дни на экраны столичных кинотеатров вышел фильм Павла Арсенова «Король-Олень», к которому самое непосредственное отношение имела героиня нашего рассказа: Алла Пугачева спела в нем три баллады за главную героиню – принцессу Анжелу в исполнении Валентины Малявиной. Фильм этот Пугачева отправилась смотреть вместе с Миколасом. Картина ей в целом понравилась, а вот собственные песни не очень. О причинах такого скептического отношения к ним я уже упоминал ранее.

Пугачева работала в концертах практически до упора – до седьмого месяца беременности. После чего ушла в декретный отпуск.

В понедельник, **24 мая**, Миколас Орбакас вернулся домой с репетиции около десяти вечера и застал свою беременную супругу лежащей на кровати с бледным лицом.

– В чем дело? – спросил обеспокоенный супруг.

– Кажется, начинается, – ответила Пугачева, кладя руки на живот.

Поскольку роддом был рядом с домом, где проживали молодые (надо было только трамвайную линию перейти), доставить туда роженицу за считанные минуты не составляло большого труда. Начали собираться. Когда выходили из дома, Пугачева внезапно опомнилась и попросила мужа захватить ей какую-нибудь книжку, чтобы почитать на досуге. Миколас схватил первую попавшуюся – повесть какого-то датского писателя «Кристина».

На следующий день с утра Миколас примчался в роддом и узнал, что у его жены усилились схватки. Однако ждать конечного результата не стал и отправился на репетицию в Театр эстрады. Но какая может быть репетиция, когда твоя жена вот-вот должна родить! Коллеги интересуются, в чем дело, а он молчит как партизан – в приметы верит. А сам чуть ли не каждые полчаса срывался со сцены и бежал к телефону, чтобы позвонить в роддом и поинтересоваться – как там дела у роженицы. Наконец в 16.10 по московскому времени, когда он позвонил туда в очередной раз, ему сообщили: роды прошли нормально (если не считать того, что роженица промучилась аж 16 часов!), родилась девочка. Счастливый отец метеором вернулся на сцену и огорошил коллег сообщением:

– У меня дочка родилась!

Когда вечером того же дня Миколас ехал в роддом, в его уме уже созрело имя для новорожденной – Кристина (если бы родился мальчик, ему бы дали имя Станислав). Читатель наверняка догадался, что толчком к такому решению послужила книжка датского писателя, которую Миколас всучил жене в роддом.

Стоит отметить, что сама Пугачева поначалу отнеслась к этому имени критически: мол, русских имен достаточно, чтобы брать иноземное. Но затем малость поразмыслила и согласилась, что Марины и Наташи – чуть ли не каждая вторая, а Кристина, как теперь говорится, эксклюзив.

Между тем в ЗАГСе с этим именем тоже возникнут проблемы. Регистраторша заявит Миколасу, что таких имен в русском языке нет. Есть Христина, но от него отдает религиозным душком. Однако Миколас настаивал на своем: хочу назвать свою дочь Кристиной. Видя его решимость, регистраторша решила подстраховаться: позвонила своему руководству и спросила, как быть. Там дали «добро». Не своего же ребенка таким именем нарекали.

Отметим, что, когда родилась Кристина, кроватки у нее не было – Орбакас стоял за ней в очереди уже четыре месяца, но их никак не завозили. В итоге кровать у новорожденной

появилась спустя несколько недель после появления на свет. Их неожиданно выкинули в центральном «Детском мире» на площади Дзержинского, и Пугачевой, которой об этом сообщили подруги, пришлось ехать туда самой (ребенка она оставила на соседей). Кровать она не только купила, но и сама довезла ее до дома (на метро, а потом на трамвае!) и сама же занесла ее на второй этаж. Орбакас потом никак не мог поверить в подобное.

Тем временем **12 июня** из Болгарии пришла весть о том, что на фестивале эстрадной песни «Золотой Орфей» главный приз впервые взяла советская певица Мария Пахоменко. Она исполнила песню своего супруга «Чудо-кони». Со сцены сошла на ватных ногах, уверенная, что ничего ей не светит. Пришла в гостиницу и закрылась в номере на ключ. А ночью в ее дверь вдруг стали барабанить. Она открыла и увидела в коридоре толпу людей, которые тыкали в нее пальцами и наперебой твердили: «Ты – Орфей! Ты – Орфей!» Так Пахоменко узнала, что первой из советских исполнителей завоевала престижную статуэтку. Кстати, эту награду у нее, по приезду в Москву, хотела отобрать Фурцева: дескать, такая красивая вещь должна стоять в моем кабинете. Но Пахоменко сумела отстоять «Орфея» и увезла статуэтку в Ленинград.

Пугачева смотрела трансляцию с «Орфея» в Москве. Смотрела и завидовала Пахоменко, которая вернулась на родину триумфатором. В отличие от предыдущего года в этот раз Пугачева уже не строила иллюзий относительно собственного выступления на этом фестивале. Алле почему-то уже не верилось, что ей удастся чего-то достичь на песенном поприще. Во-первых, и ребенок у нее родился, во-вторых – эстрада ей уже обрыдла. Между тем до ее «Арлекино» оставалось каких-то четыре года.

В том же **июне** молодая чета справила новоселье: ей дали квартиру на Рязанском проспекте. В этом же доме поселились и родители Аллы: молодые жили на 5-м этаже, родители – на 8-м. Это было очень удобно: телефонов ни у кого из них не было, поэтому они общались друг с другом посредством открытых окон.

Тогда же состоялась новая встреча Пугачевой с большим кинематографом: ее пригласили исполнить песню в фильме Василия Шукшина «Печки-лавочки». Идя на запись, Пугачева жутко волновалась. Вот уже несколько месяцев она сидела дома с крохотной дочкой, не пела, да и с голосом после родов могло произойти всякое. Видимо, поэтому маленький музыкальный фрагмент записывали целый день (в фильме прозвучит только фрагмент песни: в эпизоде, где героини едут в купе и слушают радио). Из-за всех этих беспокойств у Пугачевой вскоре пропадет молоко. К счастью, примерно в это же время родила ее соседка с первого этажа, у которой грудного молока было хоть отбавляй, вот она и кормила им своего ребенка, да еще и пугачевскую Кристину.

К осени Алла Пугачева успела пресытиться ролью кормящей мамы и теперь мечтала только об одном: как бы побыстрее вернуться на сцену. В ноябре это возвращение состоялось, и Пугачева стала солисткой ВИА «Москвичи». События развивались следующим образом.

Приблизительно года за полтора до описываемых событий при Росконцерте был создан новый ВИА «Москвичи», а его режиссером был назначен давний знакомый нашей героини Олег Непомнящий. В короткие сроки была подготовлена программа, с которой новый коллектив должен был отправиться на свои первые гастроли. Однако эта поездка была сорвана, едва начавшись. Вокалист ансамбля оказался большим любителем выпить и с первых же дней гастролей не отрывался от бутылки. А поскольку заменить его было нечем, в итоге выступления пришлось отменять. Ансамбль вернулся в Москву, где солист был тут же уволен. Взамен него Непомнящий вскоре нашел другого человека – солиста популярного ВИА «Веселые ребята» Юлия Слободкина. В последнее время тот стал тяготиться своим присутствием в «Веселых» и вынашивал планы начать самостоятельную карьеру. И предложение Непомнящего оказалось как нельзя кстати. «Веселые» в те дни гастролировали в Чехословакии, однако в телефонном разговоре Слободкин пообещал Непомнящему сразу после приезда в Москву написать заявление об уходе из ансамбля. И не обманул. Однако, когда начались репетиции, вдруг выяснилось,

что программа явно не получается. При том репертуаре, который был у «Москвичей», одного вокалиста было мало, требовался еще один, причем Непомнящий хотел, чтобы это была женщина. Вот тогда он и вспомнил про Аллу Пугачеву. В один из **ноябрьских** дней Непомнящий отправился в деревянный двухэтажный дом на Крестьянской заставе, где жила Пугачева. Далее приведу рассказ самого О. Непомнящего:

«Поднявшись по ветхим ступеням, я постучал, и Алла сама открыла мне дверь. Из квартиры пахло умильными детскими запахами – глаженого белья и кипяченого молока. Мы поздоровались, она пригласила меня войти, как-то машинально, не обрадовавшись и не удивившись моему приходу. Во всем ее облике сквозила бесконечная усталость, будто бы каждое движение давалось ей с трудом. Как все творческие люди, она тяжело переносила образовавшуюся вокруг нее пустоту. Работа была ее главным стимулом в жизни, она не могла, не умела быть счастлива одними семейными заботами, ни любовь к мужчине, ни любовь к дочери не могли поглотить ее целиком, без остатка. Возможно, она сознавала это и мучилась чувством вины за то, что она не такая, как все «нормальные» женщины, пыталась обуздать себя и соответствовать образу идеальной матери.

Я сбивчиво, то перескакивая с пятого на десятое, то вдруг вдаваясь в ненужные подробности, объяснил ей цель своего визита, закончив свою речь решительным предложением о совместной работе. Она сопротивлялась мне, как Ева сопротивлялась обаянию змея-искусителя:

– Ты что, с ума сошел! У меня маленький ребенок! Кто с ней будет нянчиться? Ты, что ли?

– А хоть и я! – парировал я в запальчивости, и тут же сообразил, что это заявление вряд ли сойдет мне с рук...»

Короче, Непомнящий уговорил Пугачеву вернуться на сцену, но сам вынужден был переqualificироваться в няни, поскольку молодая мама, поймав его на слове, заставила Олега сидеть с ее дочерью. Правда, так продолжалось недолго, так как вскоре к делу воспитания девочки подключилась мама Пугачевой Зинаида Архиповна. Непомнящий вернулся в «Москвичи», но, к своему удивлению, увидел, что от его режиссуры ничего не осталось. Пугачева взяла на себя смелость все переделать по-своему: порядок номеров, конференсы, выходы и прочее. По словам Непомнящего: «В глубине души я понимал, что человек с таким уровнем одаренности, как Алла, никогда не станет считаться с чьим бы то ни было творческим самолюбием и понятиями о служебной субординации. Тот факт, что я был режиссером коллектива, никак не ограничивал ее вдохновение и способность переключить «под себя», что там программу, – целый мир! Быть сапожником без сапог мне тоже не хотелось, и я начал активно искать новое место работы...»

Ровно год прошел со дня широкой премьеры фильма «Король-Олень», где Алла Пугачева спела три баллады. Наконец, **4 января 1972 года** фильм добрался до голубых экранов. Его показали в самый прайм-тайм – в 19.45 по московскому времени.

Между тем в начале того года Алла Пугачева вновь сменила место работы: она ушла из ВИА «Москвичи» и перешла в другой, куда более популярный коллектив – оркестр Олега Лундстрема. Как вспоминает сам мэтр отечественной эстрады: «Это была такая скромная девочка. Мы ее прослушали и сразу взяли. Помимо несомненных музыкальных достоинств, я сразу оценил дисциплинированность Пугачевой, хотя теперь у многих такой факт может вызвать большие сомнения...»

Дебют Пугачевой на столичной сцене в составе знаменитого оркестра состоялся в начале года. **25–27 февраля** в ГЦКЗ «Россия» прошли концерты оркестра, посвященные 15-летию со дня основания коллектива. В представлениях приняли участие артисты, которые в разные годы имели счастье работать у Лундстрема: Галина Ненашева, Валерий Ободзинский. Молодую смену представляли Алла Пугачева, Майя Розова, Дмитрий Ромашков и Валерий Песельник. Спустя две недели в «Вечерней Москве» появится рецензия Ю. Дмитриева на эти кон-

церы, в которой несколько строк будет посвящено героине нашего рассказа. Причем не самых теплых строк. Цитирую: «Что касается певцов, то А. Пугачева, кажется, только начинает, и пока ее исполнение лишено теплоты, полного слияния исполнительницы с музыкой...»

После концертов в столице оркестр Лундстрема отправился на гастроли по стране. А в середине сентября Алла Пугачева в составе оркестра впервые уехала на зарубежные гастроли – пока только в социалистическую Польшу, где проходил фестиваль Лендек Здруй (**14–28 сентября**).

Вернувшись из Польши, оркестр отправился на гастроли в Ленинград. Там судьба свела Пугачеву с человеком, который вскоре станет не только ее другом, но и соавтором многих ее шлягеров. Речь идет о поэте Илье Резнике. Вот как он сам об этом вспоминает:

«В первый раз я увидел ее в Ленинграде в программе оркестра Олега Лундстрема. Клоунесса в цилиндре и с тросточкой пела две или три эксцентрические песенки. Не помню, о чем пела, но помню как: азартно, иронично, вдохновенно. Талантливо.

Я пришел к ней с гитарой. Она жила в гостинице «Октябрьская», в неудобном номере с тусклым окном.

– Алла, а ты мне понравилась, – важно сказал певце автор двух отгремевших шлягеров – «Золушки» и «Карлсона». – У меня к тебе дело.

– Песню принесли? – серьезно спросила певица.

– Да. Слушай.

И я спел ей песню, в которой говорилось о том, что как аукнется, так и откликнется, что я с тобой остался из жалости, что только сердце-то, сердце не свыкнется с тем, что вся доброта расплескалась.

– Это мне? – растроганно спросила Алла.

– Нет, – проникновенно ответил я. – Но мы сейчас ее с тобой выучим. И пойдем к N-ой.

Я назвал имя очень популярной тогда, в **1972-м**, певицы, проживавшей в этой же гостинице.

Показ провалился.

Наверное, мы слишком волновались, когда пели в два голоса перед вальяжно раскинувшейся в кресле звездой, может, мы просто пришли не вовремя, а может быть, она почувствовала в этой худенькой рыжей девушке будущую грозную соперницу.

А тогда, тогда моя новая компаньонка расстроилась больше меня.

– Не переживай, – сказал я ей.

– Не переживай, – сказала она мне...

– Знаешь, Алла, возьми тогда себе эту песню, – великодушно предложил я.

Но она неожиданно отказалась:

– Я подумала – ты был прав – эта песня для N-ой. Лучше найди что-нибудь другое...»

Между тем еще летом Пугачева приняла участие в съемках очередного фильма. На этот раз это было телевизионное кино – фильм Александра Орлова «Стоянка поезда – две минуты». Отметим, что Орлов был мужем подруги Пугачевой актрисы Аллы Будницкой, с которой певицу познакомила Наталья Лебедева – та самая, что была свидетельница на свадьбе Пугачевой. С Орловым Пугачева до этого уже встречалась: в 1970 году, когда записала пару песен для его первой картины «Удивительный мальчик». И вот – новая встреча.

«Стоянка...» была бесхитростной музыкальной комедией о том, как молодой врач приезжает на работу в маленький городок и находит там свое счастье. Главные роли в фильме исполняли популярные актеры советского кино: Олег Видов, Валентина Теличкина, Алла Будницкая, Юрий Белов и др. Все песни в картине, написанные творческим тандемом Геннадий Гладков – Юрий Энтин, исполняла Алла Пугачева. Песен было четыре: «**Предчувствие**» (в дуэте с Олегом Видовым), «**Песенка официантки**», «**Мой городок**», «**Или – или**».

Премьера фильма по ЦТ состоялась **31 декабря**, в 21.30 по московскому времени. Таким образом можно смело сказать, что **1972 год** закончился под песни в исполнении Аллы Пугачевой.

Последние концерты Аллы Пугачевой в составе оркестра Олега Лундстрема в Москве состоялись **24–31 марта 1973 года**. Они прошли на сцене государственного концертного зала «Россия». Спустя несколько месяцев Пугачева из этого коллектива тоже ушла. Она устроилась к мужу, в Московскую областную филармонию. Теперь они гастролировали вместе. За дочь Кристину не волновались – та жила у бабушки с дедушкой в Каунасе. Почему там? Дело в том, что родители Пугачевой тогда еще работали и присматривать за внучкой не могли. Молодые отдали было ребенка в детский сад, в районе Текстильщиков, но та проходила туда лишь пару недель. Затем в саду начались всякие эпидемии, карантины, и здоровьем девочке решено было не рисковать. И ее отправили в Прибалтику.

Между тем новое место работы быстро разонравилось Пугачевой. Муж, конечно, был под боком, но творческого удовлетворения, увы, не было. В сборных концертах участвовало много артистов, поэтому Пугачевой давали петь не больше двух песен. Ей, естественно, этого было мало, она просила увеличить репертуар, но ей отвечали отказом. Тогда Пугачева самовольничала: без всякого разрешения исполняла на «бис» третью, а то и четвертую песни. Администраторы в таких случаях были буквально вне себя от гнева, кричали в лицо дерзкой певицы: «Пугачева, ты ведь не одна в программе выступаешь! Ты и так в филармонии на птичьих правах! Еще раз подобное случится – уволим, к чертовой матери!» И ведь действительно уволили. Но Пугачева без дела не осталась – с помощью матери одного из своих однокурсников по музыкальному училищу устроилась той же осенью **73-го** в Москонцерт. А спустя полтора месяца – в **октябре** – распался их брак с Орбакасом. Причем по иронии судьбы развелись они в тот же день, в какой расписались – **8 октября**. М. Орбакас вспоминает:

«Все получилось как-то само собой. Помню, я вернулся из Ленинграда, а на столе – записка от Аллы: «Я уехала. Буду такого-то». Недели через полторы она появилась. Мы в отпуск собирались. А тут она говорит: «Я опять уезжаю». Ну ладно... Я отправился отдыхать один... Недели через две меня отозвали на работу. Потом вернулась Алла. Мы поговорили и решили пожить отдельно. Подали заявление на развод. Алла нашла вариант размена, и я переехал в Марфино. Единственное, что взял из старой квартиры, – матрас, подушку, телевизор «Горизонт» и китайский обливной таз. Причем сразу после переезда я уехал на гастроли. Потом, когда вернулся, начал обустраиваться: купил топчан, шкаф, стол, стулья...»

Сначала Алла злилась на меня и заявила, что с ребенком я видаться не буду. Но потом, через четыре месяца сама позвонила и спросила: «Ты почему дочь не навещаешь?» И тогда я стал «воскресным папой» и стал принимать солидное участие в воспитании Кристины, пока она не выросла...»

В этом рассказе есть одна загадка: почему Пугачева разозлилась на Орбакаса и что именно стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения. Много позже, в **2006 году**, во время съемок в фильме «Любовь-морковь», Кристина Орбакайте проболтается об этой истории своему партнеру по фильму Гоше Куценко. В его изложении эта история будет выглядеть следующим образом:

«Жили Алла с Миколасом очень скромно. Алла копила деньги на детскую кроличью шапку для Кристины – 25 рублей. По тем временам это было целое состояние (средняя зарплата в первой половине 70-х в СССР равнялась 130–140 рублям. – Ф. Р.). Да и такие шапки считались дефицитом – достать их было непросто. И вот в один прекрасный день Пугачева отдала Миколасу заветную сумму и отправила его в магазин. Ждет-пождет, а мужа все нет. День нет, второй... Наконец, на третьи сутки вернулся – с пустыми руками и с большого бодуна. Посмотрел на жену и говорит: «Алла! Дай денег, трубы горят! Похмелиться надо».

Представляете, что сказала ему Пугачева с ее характером? Выпала все, что накопело, и выставила Миколаса за дверь. После этого их отношения и сошли на нет...»

Но вернемся в начало 70-х.

Где-то с конца 60-х на отечественной эстраде как грибы после дождя стали появляться разнополюе дуэты. Причем в основном это были семейные пары, что вполне объяснимо: какой муж (или жена) отпустит свою вторую половину на длительные гастроли с чужим человеком, поющим с ним (с нею) в дуэте. Самыми популярными дуэтами первой половины 70-х были: Алла Йошпе – Стахан Рахимов, Вероника Круглова – Вадим Мулерман, Екатерина Шаврина – Михаил Котляр. Видимо, отдавая дань моде, в **1974 году** решила встать на этот же путь и Алла Пугачева. Ее второй половиной стал молодой певец Юлий Слободкин. Правда, половиной он был исключительно сценической, поскольку никаких амурных дел с ним у Пугачевой не было. Ее рыцарем в то время был совсем другой мужчина – руководитель ансамбля, с которым дуэт выступал, Виталий Кретюк (сценический псевдоним Кретов). Однако слушатель, следуя инерции, считал Пугачеву и Слободкина любовниками. Что, впрочем, было даже выгодно: ведь трудно найти отклик у слушателя, который знает, что оба исполнителя, поющие проникновенные песни о любви друг к другу, на самом деле всего лишь коллеги по сцене и не более.

В начале года Пугачева и Слободкин вместе с ансамблем «Москвичи» отправились в гастрольное турне. Они побывали в Ижевске (выступали в Ледовом дворце спорта «Ижсталь»), а в **марте** добрались до Куйбышева. Волею судьбы там же выступал с концертами и Олег Непомнящий, который, как мы помним, в последний раз виделся с Пугачевой два года назад. Естественно, теперь ему стало интересно увидеть, во что превратилась его бывшая знакомая, и он отправился на ее концерт в Большой зал филармонии. Далее приведу его собственный рассказ:

«Алла пела все второе отделение. Непроизвольно я первым делом оценил, что зал заполнен процентов на семьдесят, но через несколько минут, если бы меня спросили об этом, я бы ответил, что в зале был полный аншлаг – с таким громогласным восторгом принимали каждый номер.

Алла превращала каждую песню в настоящий спектакль – через несколько лет это назовут ее творческим почерком и будут превозносить за артистизм до небес. Народ в зале безумствовал, приветствуя каждый новый образ, в котором она появлялась на сцене. В свои песни она ухитрялась вместить такую гамму ролей, какую даже хорошая актриса может не сыграть за целую жизнь.

По окончании представления ее долго не отпускали, вызывали на «бис», ее успех был полным. Я шел к ней за кулисы, неся в себе душу, как переполненный кувшин, боясь расплескать драгоценную радость, какую способно дать человеку только высокое искусство. Алла была искренне рада меня видеть, засыпала вопросами, на которые я едва успеваю отвечать.

– Ну, как тебе программа? – наконец спросила она.

И я, чтобы не вдаваться в комплиментарные объяснения с многочисленными оттенками восторга, сказал ей тогда:

– Ты уже стала великой актрисой. Просто еще не все об этом знают.

На этом мы и расстались...»

Одно из первых появлений дуэта Пугачева – Слободкин в Москве состоялось той же весной **74-го**. Если быть точным: **19–22 апреля** в ЦДКЖ прошли концерты под названием «Поют молодые», приуроченные к XVII съезду ВЛКСМ. В том концерте, помимо наших героев, принимали участие Валентина Толкунова, Екатерина Шаврина и многие другие молодые звезды столичной эстрады. Видимо, для начинающего дуэта дебют на сцене Клуба железнодорожников стал вполне успешным, и Пугачева со Слободкиным после этого еще несколько раз приезжали туда с выступлениями. А с наступлением лета принялись «окучивать» другие эстрадные площадки – в столичных парках Сокольники, ЦПКиО. Так, с **21 по 30 июня** Пугачева и Сло-

бодкин приняли участие в сборных концертах, проходивших в Зеленом театре Парка имени Горького, где компанию им составили: Геннадий Хазанов, ВИА «Ариэль» и др. В начале июля дуэт выступал в парке Сокольники, в киноконцертном зале «Варшава» и т. д.

Вспоминает В. Ярушин (бывший руководитель и участник ВИА «Ариэль»): «Летом **74-го** мы впервые отправились на гастроль в Москву. Там я впервые увидел Аллу Пугачеву. Зеленое, до полу, облегающее платье, стройная фигура, копна длинных, вьющихся волос, на голове – шляпа-котелок шансонье – как она была не похожа на советскую певицу! Костюмерных не хватало, и нам с Аллой, с ее музыкантами выделили спортзал. Алла в основном жаловалась на постоянные «постельные» намеки в ее адрес: мол, только в этом случае ее ждет успех. А она не хотела быть «постельной» певицей. В то время она выступала в дуэте с певцом Юлием Слободкиным, певшим в кобзоновском стиле. Их «альянс» был в общем никакой. И Алла это хорошо понимала...»

Именно к этому же времени относится и первая большая рецензия, посвященная творчеству дуэта Пугачева – Слободкин. Она принадлежала перу Т. Бутковской и была помещена в № 18 журнала «Музыкальная жизнь». Автор писала:

«Настоящим событием в нынешнем эстрадном сезоне стало появление молодого вокального дуэта – Аллы Пугачевой и Юлия Слободкина. Кроме отличных голосов, несомненного драматического дарования (каждая их песня – маленький спектакль), они обладают качествами, в последнее время не так уж часто встречающимися на эстраде: в дуэте Аллы Пугачевой и Юлия Слободкина мужчина мужествен, а женщина – женственна. От их искусства веет чистотой, трепетностью, влюбленностью. Свою программу в Сокольниках артисты начинают песней В. Шиманского **«Береза белая»**, соответствующей программе вечера и очень характерной для их лирических героев. Драматическое дарование актеров особенно полно раскрылось в музыкальной миниатюре **«А я говорю»** Э. Ханка. В этой, на первый взгляд немудреной песне им удалось создать точные портретные характеристики героев...»

Несмотря на столь похвальную рецензию в одном из самых именитых журналах, пишущих о музыке (а их тогда было раз, два и обчелся), звезд с неба дуэт Пугачева – Слободкин не хватал. Сольных концертов у них не было, и очень часто Москонцерт просто затыкал ими дыры. Гастроли тоже были соответствующие – по самой отдаленной российской глубинке, где в гостиницах редко бывает горячая вода, зато полно тараканов. Кстати, будущая конкурентка Аллы Пугачевой по эстраднему Олимпу София Ротару в эти же самые дни имела совсем иной статус: она уже два года давала сольных концерты на самых престижных площадках страны. Например, **1–4 августа** прошли ее концерты в столичном концертном зале «Россия». А вскоре после них Ротару отправилась отстаивать честь страны в Сопот, где была удостоена 2-й премии. А первая досталась представителю нашей же страны молодому ленинградскому певцу Сергею Захарову. За этим триумфом Алла Пугачева, как и миллионы ее соотечественников, наблюдала по телевизору, продолжая тайно лелеять мечту, что и ей когда-нибудь удастся ступить на сцену Лесной оперы. Ее мечты сбудутся уже через четыре года. Но не будем забегать вперед.

В те самые дни, когда шел фестиваль в Сопоте, Пугачева и Слободкин давали концерты в Москве. Они выступали на разных площадках: так, **16–18 августа** этим местом стал зал в гостинице «Советская», **31-го** – киноконцертный зал «Октябрь». В каждом из этих концертов компанию дуэту Пугачева – Слободкин составлял другой дуэт – юмористический – в лице Романа Карцева и Виктора Ильченко. Причем последние тогда были в большом фаворе у публики, а Пугачева и Слободкин шли как «довесок». Вот как об этом вспоминает один из очевидцев – журналист «Московского комсомольца» Лев Никитин (Гушин):

«Тогда только что взошла звезда Карцева и Ильченко, и они давали сольный концерт в Москве. С боем взяв билеты, мы с приятелем примчались в киноконцертный зал «Октябрь», и только тут выяснилось, что концерт не вполне сольный. Проворные организаторы «прицепили» к одесситам двух молодых певцов, которые и занимали все первое отделение. Певцами

этими были Юлий Слободкин и Алла Пугачева. Они пели порознь и вместе, весело и грустно, громко и не очень. В зале царила тягостная тишина, прерываемая жидкими аплодисментами. Мы с трудом дождались конца их выступления и во втором отделении получили то, за чем пришли...»

В качестве «довеска» к популярному юмористическому дуэту Пугачева и Слободкин были прицеплены до осени. Например, **3—11 сентября** состоялись их концерты в ЦДКЖ. Народ и там ломился на Карцева – Ильченко, а певческий дуэт слушал, что называется, вполуха. Вообще, если бы Карцев и Ильченко выступали в первом отделении, то зритель отси-дел бы только его и певческому дуэту пришлось бы выступать в полупустом зале. Такова была тогдашняя реальность, в которой вынуждена была существовать будущая звезда номер один советской эстрады Алла Пугачева.

В конце сентября Карцев и Ильченко покинули столицу и Пугачева со Слободкиным перекочевали в другие сборные концерты. Так, **20–22 сентября** они выступали в «Октябре», где компанию им составили Жанна Бичевская, Мария Кодряну и др. Однако уже со следующего месяца Пугачева и Слободкин добиваются «сольников»: **5–6 октября** они выступили на сцене Дома офицеров имени Жуковского. Пришедшие на эти концерты зрители не знали, что видят этот дуэт в последний раз: к тому моменту Пугачева уже приняла однозначное решение покинуть своего партнера, поскольку не собиралась всю оставшуюся жизнь выступать в качестве «довеска» к более именитым коллегам. К тому же она собиралась принять участие в 5-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, который открывался в Москве во второй половине октября. Конкурс проводился раз в четыре года, и попасть на него считали за счастье практически все молодые артисты. К первому туру (он начался **18 октября**) допускался практически любой артист, лишь бы у него было ходатайство его концертной организации (Пугачеву делегировал Москонцерт). Второй тур предполагал уже настоящую борьбу, а про третий и говорить нечего – победившие в нем участвовали в сборном концерте, который транслировали на всю страну.

Жеребьевка участников конкурса проходила в ДК имени Зуева. С Пугачевой там случился курьез. Подойдя к шляпе, где лежали бумажки с номерками, она на пару секунд задержала руку в воздухе и сообщила притихшему жюри, которое возглавлял мэтр советской эстрады Юрий Силантьев: «Сейчас будет номер тринадцать». И точно – вытянула 13-й номерок. Однако, несмотря на «несчастливое» число, выступление Пугачевой жюри понравилось. Она спела две совершенно разные по стилю песни: в одной она предстала деревенской простушкой («**Посидим, поокаем**»), в другой – девушкой с трагической судьбой («**Ермолова с Чистых прудов**»). Кстати, последнюю написал Никита Богословский, который некогда требовал гнать Пугачеву взащей с радио. А вот помогал Пугачевой готовиться к конкурсу не кто иной, как ее кавалер – Виталий Кретюк. Это он придумал аранжировки, выбрал для Пугачевой костюмы. Хотя многие из продемонстрированных на конкурсе задумок принадлежали самой Пугачевой. Так, она изменила одну строчку в песне «Посидим, поокаем». Вот как пишет по этому поводу А. Беляков:

«В изначальном варианте у Резника была такая строчка: «твои слова – как шелк сорта дорогого...» Сочетание звуков – «как шелк сорта» при пении превращалось в нечто малоразборчивое, и Алла его вообще убрала. Как сама она позже вспоминала, у нее состоялось объяснение с Резником. Тот сперва «рвал и метал», но затем смирился с пугачевской редактурой...»

22 октября в Театре эстрады состоялся второй тур. На нем выступали многие ныне известные звезды отечественной эстрады: Клара Новикова читала свой монолог «Бабочка», Геннадий Хазанов выступал с пародиями на Роберта Рождественского, Арутюна Акопяна, Николая Озерова и других, а Алла Пугачева спела две песни. Все трое благополучно прошли на заключительный тур, который должен был состояться 25 октября. Между тем накануне его проведения случилось ЧП: из жизни ушла министр культуры СССР Екатерина Фурцева. При-

чем умерла не естественной смертью, а покончила с собой. Поводом к самоубийству послужили события, произошедшие в последние месяцы жизни Фурцевой: она имела несчастье использовать для строительства дачи для своей взрослой дочери казенные стройматериалы (ходили слухи, что даже паркет Фурцева взяла из Большого театра), и, когда это дело всплыло, Фурцеву вызвали в КПК и заставили вернуть стройматериалы обратно. Перенести этот позор женщина не смогла.

Несмотря на внезапную смерть министра культуры, эстрадный конкурс продолжил свою работу. В пятницу, **25 октября**, состоялся заключительный тур. Затем Большое жюри (на третьем туре все жанровые жюри объединились) удалилось для подведения итогов. Обсуждение было жарким. Не стану упоминать все перипетии этого обсуждения, остановлюсь лишь на скандале, произошедшем вокруг имени нашей героини – Аллы Пугачевой. Дело в том, что подавляющая часть членов жюри пришла к мнению вообще не удостаивать ее никакого места. Это возмутило члена жюри певицу Гелену Великанову, которая до этого вообще никогда не слышала песен в исполнении Пугачевой, но, увидев ее на конкурсе, прониклась к ней огромной симпатией. Великанова попыталась вразумить своих коллег: «Как же мы можем не давать Алле Пугачевой никакого места? Она же очень талантлива! Может быть, где-то у нее есть огрехи... Но она совершенно ни на кого не похожа! Товарищи! Да мы потом всю жизнь будем носить клеймо позора, что ничего не дали Пугачевой!»

Но даже столь эмоциональное выступление не произвело на Большое жюри особого впечатления. Кто-то из присутствующих даже одернул Великанову: «Ну, это ты, Геля, погорячилась – насчет клейма позора. Никакого места Пугачева не заслуживает. А хочет петь – пусть идет в ресторан – самое место». Говорят, этого выступающего поддержал даже Леонид Утесов. Он сказал: «Пугачева действительно вульгарна». К счастью, сторону Великановой взял руководитель эстрадного оркестра Армении Константин Орбелян, который позволил себе не согласиться с мэтром: «Она не вульгарная, она – яркая. Вот и Ося со мной согласен» (Осей все называли Иосифа Кобзона). В итоге членам жюри все-таки пришлось включить Аллу Пугачеву в список лауреатов – ей дали третье место. Как пишет А. Беляков: «Когда объявляли лауреатов, все претенденты полукругом выстроились на сцене Театра эстрады и замерли. Алла стояла с самого края, в светлом распахнутом пальто.

Первое место... Второе место... Третье место...

Алла почти плакала прямо здесь, на сцене: ее не было в списке лауреатов.

«...А также, – устало закончил председатель жюри, – третье место решено присудить Алле Пугачевой».

Алла молча застегнула пальто и быстро ушла со сцены, где в упоении смеялись, обнимались, целовались победители. Кто-то окликнул ее – она даже не обернулась...»

Скажем прямо, плакать было от чего. Ладно бы Пугачева была на голову ниже тех, кто стоял впереди ее в списке победителей. Так ведь нет же – это были вполне заурядные певцы и певицы, исполнявшие стандартные советские песни. Пугачева перевидала их множество на разного рода второсортных концертах, в которых сама много раз участвовала. И будущее это, кстати, подтвердит: практически все (за исключением Рината Ибрагимова), кто встал впереди Аллы Пугачевой в списке победителей в вокальном жанре, уже через год-два уйдут с большой эстрады, а она останется. Следуя призыву, прозвучавшему в популярной кинокомедии, оглашу весь список: 1-е место – Ринат Ибрагимов и Валерий Чемоданов, 2-е – Валерий Кучинский, Надежда Якимова, Лидия Борисюк-Видаш, 3-е – Шайген Айрумьян, Борис Лехтлаан, Сергей Мороз и Алла Пугачева.

Заключительный концерт лауреатов Всесоюзного конкурса артистов эстрады состоялся в концертном зале «Россия» **26 октября**. Телевидение вело запись этого концерта, чтобы показать его накануне ноябрьских праздников – **5 ноября** (21.30). Пугачева смотрела эту трансляцию, хотя лучше бы она этого не делала: ей вновь пришлось пережить свое недавнее унижение

из-за третьего места. Кстати, за каждое место полагалась денежная премия (за 1-е – 180 рублей, за 2-е – 150, за третье – 100). Пугачева получила крохи, поскольку «стольник» пришлось разделить на четверых номинантов. В те времена на эти деньги, конечно, гульнуть было можно, но не шибко. Хотя Пугачевой «гулять» и не хотелось – настроения не было. Горькую пилюлю подсластил звуковой журнал «Кругозор»: в № 10 была помещена одна из первых грампластинок Аллы Пугачевой, на которой звучали три песни в ее исполнении: «**Надоело это**» (из к/ф «Король-Олень»), «**Вспоминай меня**» (В. Добрынин – В. Тушнова), «**Посидим, поокаем**» (А. Муромцев – И. Резник). Кроме этого, здесь же была помещена и статья про певицу, выдержанная в очень теплых тонах.

Всесоюзный конкурс в целом сослужил Алле Пугачевой хорошую службу. Поскольку он собрал вокруг себя огромное количество эстрадной братии, в ходе его у Пугачевой завязались весьма перспективные знакомства. Например, именно там она познакомилась с телевизионным режиссером Евгением Гинзбургом, композитором Раймондом Паулсом (его ансамбль занял 2-е место на конкурсе в номинации «Лучшие ансамбли»), с руководителем популярного вокально-инструментального ансамбля «Веселые ребята» Павлом Слободкиным (кстати, дальним родственником Юлия Слободкина). Последний сделал Пугачевой лестное предложение: пригласил ее стать вокалисткой в его ансамбле. Отказаться от этого было бы верхом безумства – «Веселые ребята» в те годы были одним из самых популярных ВИА. До этого на поприще вокалистки в ансамбле в течение двух лет трудилась Светлана Резанова, но затем ее пути-дорожки с коллективом разошлись. Сам П. Слободкин вспоминает по этому поводу следующее:

«Пугачева пришла в «Веселые ребята» простой певицей с перспективой сольных выступлений. Она работала у нас в первом отделении для – как бы это сказать, чтобы не было обидно, – для «разогрева», что ли?

Но уже тогда Алла выделялась своим ремеслом. У нее очень точный слух, и она прекрасно могла спародировать Пьеху, Зыкину, спеть русскую песню, как заправская фольклорная певица. Мы даже собирались вставить в программу такой эксцентричный номер...»

Как гласит легенда, не все «ребята» приняли Пугачеву на ура: например, Александру Барыкину она не приглянулась. А вот другой Александр – Буйнов – приход Пугачевой принял с первого же дня. Говорят, он даже был в нее слегка влюблен.

Именно после конкурса эстрады на Аллу Пугачеву вышел композитор Микаэл Таривердиев, который в те дни работал над музыкой и песнями к фильму Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». В самом конце сентября съемочная группа вошла в подготовительный период, во время которого выбирались места натуральных съемок, подбирались актеры, писалась музыка. Вернее, музыка была написана Таривердиевым чуть раньше, но исполнители ее подбирались именно тогда. Волею судьбы ими стали Сергей Никитин и Алла Пугачева. Отметим, что до этого Таривердиев хотел отдать женскую вокальную партию в фильме своей тогдашней пассии – молодой 25-летней певице Валентине Игнатъевой, которая одно время пела в оркестре Л. Утесова, а потом устроилась работать в Московский экспериментальный театр-студию Юденича в качестве драматической актрисы. Однако она не бросала и пение, чем и привлекла внимание Таривердиева. Вот что она сама говорит:

«Нас с Микаэлом познакомили общие друзья, когда он пришел на один из моих спектаклей и остался на вечерний банкет. И сразу завязался недолгий роман, но какой мощный! Страсть Микаэл мог разжечь в любой женщине... даже самой холодной. А я сама-то была как июльский день... Однажды он приехал ко мне в театр и предложил спеть несколько песен в «Иронии судьбы». Как я тогда намучилась и наплакалась, песни давались с большим трудом. Из-за нехватки времени я успела разучить и записать всего две песни, и на мое место пригласили в то время еще мало известную Аллу Пугачеву. Это теперь я понимаю, какую ошибку совершила!...»

Между тем с Пугачевой Таривердиев был знаком еще по работе над фильмом «Король-Олень», однако потом он потерял ее из виду и, приступая к «Иронии судьбы», даже в мыслях не имел ее в виду. Но затем... Впрочем, приведу рассказ самого М. Таривердиева:

«Когда начались съемки «Иронии судьбы», мы стали искать певицу. Я пробовал очень многих. Была такая прелестная певица Валя Пономарева – она пробовалась, еще кто-то. Это было хорошо, но все же не подходило. Тогда я попросил Раису Александровну Лукину, замечательного музыкального редактора, просто легендарного редактора, найти Пугачеву. А Алла как-то после «Короля-Оленя» совершенно пропала. И где она? А Бог знает где. Все же нашли ее. Начали мы с ней работать. Работали много, около месяца. Хотя, казалось бы, поет всего четыре романса. Вообще, конечно, ей трудно с нами было. Эльдар требует от нее одного, я – другого. Совсем замучили ее. На каждую песню было сделано по тридцать дублей. За целый день писали по одному романсу. В итоге она записалась замечательно. Эти ее записи не подвержены ни времени, ни моде, ни каким-то другим проходящим вещам. Эти записи уже остались. Записи, которые она делала потом, эстрадные, они оказались подверженными моде, от них уставали, их переставали слушать. А эти остались. И лучше ее никто после этого не спел...»

1965

«Робот» (*Л. Мерабов – М. Танич*),

1966

«Не спорь со мной» (В. Шаинский – О. Гаджикасимов),
«Как бы мне влюбиться» (В. Шаинский – Брянский),
«Иду из кино» (Б. Савельев – И. Кашежева),
«Хожу, вожу» (В. Гамалея – Л. Дербенев),
«Дрозды» (В. Шаинский – С. Островой),
«По грибы» (В. Гамалея – М. Танич),
«Терема» (Б. Вахнюк).

1967

«Король, цветочница и шут» (*В. Шаинский*),
«Единственный вальс» (*А. Пугачева*).

1970

Песни из х/ф «Король-Олень»:

«Дуэт Короля и Анжелы», «Тарантелла», «Баллада Анжелы» (М. Таривердиев – В. Коростылев),

«И продолжение следует» (М. Левитин – М. Матусовский).

1972

Песни из т/ф «Стоянка поезда – две минуты» (Г. Гладков – Ю. Энтин):

«Песенка официантки»,

«Предчувствия»,

«Мой городок»,

«Или – или»,

«Любовь должна быть доброю» (И. Резник).

1973

Песни из сказки «Дважды два четыре» (В. Шаинский – М. Пляцковский):
«Песенка Рыжехвостенькой»,
«Все мы делим пополам» (в дуэте с Э. Хилем),
«На свете невозможное случается»,

1974

«Не забывай, Земля глядит на нас» (А. Монастырев – О. Писаржевская), дуэт с Ю. Слободкиным,

«Береза белая» (В. Шиманский), с Ю. Слободкиным,

«Мы такими же станем», дуэт с Ю. Слободкиным,

«А я говорю» (Э. Ханок), дуэт с Ю. Слободкиным,

«Не надо ждать» (Р. Мануков – В. Харитонов), с «Веселыми ребятами»,

«Вишня» (Р. Мануков – А. Прокофьев), с «Веселыми ребятами»,

«Эльтиген» (Л. Лядова – Владимов), с «Веселыми ребятами»,

«Загранка» (М. Минков – М. Танич), с «Веселыми ребятами»,

«Ермолова с Чистых прудов» (Н. Богословский – Дыховичный, М. Слободской),

«Посидим, поokaем» (А. Миромцев – И. Резник),

«Вспоминай меня» (В. Добрынин – В. Тушинова).

Часть вторая Триумф

1975

Февраль

В те дни в Министерство культуры СССР пришла телеграмма от их коллег из Болгарии, в которой содержалась одна-единственная просьба: сообщить имя исполнителя, которому предстоит отстаивать честь Советского Союза на ежегодном фестивале эстрадной песни «Золотой Орфей», проводившемся в июне в курортном городе Слынчев Бряг. В советском Минкульте был срочно подготовлен ответ, где сообщалось имя молодого певца из оркестра Константина Орбеляна. Последний был весьма влиятельным человеком в музыкальных кругах страны, в **72-м году** уже заседал в жюри «Золотого Орфея» и рассчитывал на этот раз с помощью своего выдвиженца завоевать на конкурсе Большой приз. В Болгарию были высланы фонограммы с песнями в исполнении этого певца, и никто не сомневался, что именно он и отправится на конкурс. Как вдруг...

Фонограммы певца только-только достигли берегов Болгарии, но тут в Минкульте узнали, что фаворит Орбеляна имеет нетрадиционную сексуальную ориентацию. А сей грех в пуританском советском обществе карался весьма строго – в Уголовном кодексе на этот счет была статья, грозящая обвиняемому тюремным заключением на несколько лет. Но дело было даже не в уголовном аспекте этой проблемы, а скорее в идеологическом: как только в Минкульте представили, какая свистопляска может подняться в западной печати, если советский певец-гомосексуалист получит одно из призовых мест, тамошним чиновникам стало дурно. Так ведь можно было и карьеры своей лишиться. В итоге кандидатуру неблагонадежного певца забраковали. И стали искать другого исполнителя.

Когда Алла Пугачева узнала о ситуации вокруг «Золотого Орфея», она бросилась к Павлу Слободкину. К тому времени их отношения из категории рабочих перетекли в более интимные, поэтому Пугачева имела все основания просить Слободкина замолвить за нее словечко. Тот оказался рыцарем: ради любимой женщины готов был на многое. Однако его миссия имела мало шансов на успех, поскольку за спиной у Пугачевой, кроме него самого, никто не стоял. Даже то, что Пугачева участвовала в конкурсе эстрады и заняла там третье место, мало кого в Минкульте интересовало. Нужен был сильный протекже. И здесь на горизонте возник все тот же Константин Орбелян. Оказывается, увидев Пугачеву на конкурсе эстрады, он отметил ее певческие способности и проникся к ней большой симпатией. Кроме этого, им, видимо, двигало еще одно желание: он хотел хоть как-то загладить свою вину после прокола с певцом-гомосексуалистом. В итоге за Пугачеву в Минкульте ходатайствовали сразу два влиятельных человека: Орбелян и Слободкин.

По условиям «Золотого Орфея» конкурсанты должны были исполнить три песни: одну своей страны и две болгарского происхождения. С первой у Пугачевой проблем не было – ею стала песня молодого композитора Вячеслава Добрынина на стихи Наума Олева «**Помоги мне, дождик**». С одной из болгарских песен она тоже определилась быстро – это была композиция «**Я люблю тебя, Ленинград**» Ангела Заберского в оранжировке Алексея Мажукова. Однако обе песни никак не тянули на звание хитов, способных принести Пугачевой не то что Гран-при, но даже одно из призовых мест. Нужен был настоящий шлягер, который раскрыл

бы все грани таланта молодой певицы. Но где его взять? Поиски длились мучительно долго и могли закончиться ничем, если бы не счастливый случай. Кстати, их в жизни Пугачевой всегда происходило на удивление много, что свидетельствует о несомненном вмешательстве Провидения в судьбу певицы.

Апрель

На дворе стоял то ли конец **марта**, то ли начало **апреля**. В эти же самые дни Эльдар Рязанов работал в павильоне «Мосфильма» над «Иронией судьбы» и снимал эпизоды, где Надя Шевелева в исполнении Барбары Брыльской пела песни голосом Аллы Пугачевой (голос певицы звучал из магнитофона). Сама Пугачева тогда репетировала в одном из московских домов культуры с «Веселыми ребятами». За час до репетиции на полутемную сцену поднялся незнакомый мужчина, назвал свое имя (причем неразборчиво) и протянул певице ноты, пластинку и листок с зарифмованным подстрочником. При этом он сказал: «Я слышал, вы ищите песню? Посмотрите эту – «**Арлекино**». Может, пригодится». И так же быстро, как появился, этот человек ушел, не оставив после себя никаких координат, кроме неразборчиво названного имени.

Когда стали подробно разбираться с этим «Арлекино», выяснилось, что это была довольно старенькая песня болгарского автора Эмила Димитрова, с которой он стал победителем «Сопота-64». Текст в ней был не ахти какой, но музыка была вполне пригодной для шлягера. Сначала песню отдали поэту Борису Вахнюку, но его стихотворный вариант не удовлетворил Пугачеву. Тогда за дело взялся Слободкин. С «Веселыми ребятами» работал молодой поэт Борис Баркас, которому и было дано задание придумать добротный текст, который лег бы на новую ритмичную основу. Первые строчки родились чуть ли не сразу:

По острым иглам яркого огня...
Бегу, бегу – дороге нет конца...

На основе нового текста Пугачева придумала и свой сценический образ – грустного клоуна с неустроенной судьбой. Во время работы над песней озарение следовало за озарением. Был придуман знаменитый смех в паузах между куплетами, безвольно болтающиеся в локтях руки и т. д. Короче, при работе над этой песней Пугачева попала именно в ту стихию, в которой чувствовала себя наиболее комфортно. Это был сплав театра и песни, мимики и жеста. Как будет вспоминать потом сама певица:

«В «Арлекино» прекрасная музыка удивительно сочеталась с прекрасным текстом. Там все было слито воедино – и композиторский замысел, и аранжировка, и слова, – там был простор для приложения всех артистических сил. Кропотливо шла работа над аранжировкой, отрабатывалась пластика, жесты, интонация... Случай случаем, но, кроме фортуны, есть еще и каторжная работа артиста. Только это помогает ему понять, чего он хочет, что ищет в себе на сцене. Я старалась создать образ, когда повстречалась со своим «Арлекино». Нет образа – нет и счастливой встречи с Арлекино. Случай бывает конкретным, а певец без образа неконкретен...»

Май

В середине **мая** Алла Пугачева и «Веселые ребята» отправились в столицу Украины, где в те дни проходил музыкальный фестиваль «Киевская весна». Их выступление там строилось по стандартному сценарию: сначала выступал ансамбль, затем на сцену выходила Пугачева. Ее выступление длилось недолго, поскольку ее статус внутри коллектива был еще невелик:

она исполняла свои законные две песни и удалялась. Однако в Киеве ей не позволили спеть даже эти две песни. Устроители фестиваля усмотрели в сценическом поведении Пугачевой намек на излишнюю сексуальность и запретили ей появляться на сцене. Вернее, появиться ей разрешили, но с другими песнями. А другие она петь не хотела. Вот и получилось, что она зря прокатилась. Знай запретители Пугачевой, что до ее международного триумфа остается каких-то две недели, они наверняка вели бы себя совершенно иначе.

Вернувшись в Москву, Пугачева стала буквально считать дни до своего отъезда в Болгарию. С не меньшим нетерпением ждал ее отъезда и композитор Вячеслав Добрынин, одну из песен которого Пугачева отобрала для фестивального конкурса. Как вдруг в конце мая у Пугачевой появилась другая песня. Вот как об этом вспоминает виновник происшедшего композитор Алексей Мажуков:

«Моя песня попала на фестиваль совершенно случайно. Алла пришла ко мне вместе с Павлом Слободкиным и попросила сделать аранжировки к конкурсным песням. Я спросил: «Чьи песни ты будешь петь?» Она отвечает: «Добрынина». Я ее упрекнул: «А что же тогда за аранжировками ко мне пришла? Вот к нему и иди!» Алла Борисовна так заинтересованно: «А у вас есть для меня что-то?» Я предложил «**Ты снишься мне**», которая ей сразу понравилась, и она взяла ее на конкурс...»

Июнь

В начале **июня** в болгарский город Слынчев Бряг, где должен был состояться музыкальный фестиваль «Золотой Орфей», отправилась представительная делегация из Советского Союза. В нее вошли: заместитель начальника Управления музыкальных учреждений Минкультуры СССР Владимир Ковалев (член жюри), композитор Константин Орбелян (член жюри), Лев Лещенко (почетный гость), Алла Пугачева (участник конкурса). Всех прибывших на фестиваль поселили в гостинице «Сатурн», где также расположился и штаб фестиваля.

Как вспоминают очевидцы, Пугачева в те дни страшно переживала, хотя все, кто был с нею рядом, как могли ее успокаивали. Первым это сделал Лещенко. Как вспоминает сама певица: «В гостинице меня встречает Лев Лещенко. Лауреатом «Золотого Орфея» он уже был. Сейчас приехал как гость. Успокоил меня, сказал, что берет надо мной шефство. И, не откладывая в долгий ящик, сразу же преподал несколько уроков: во-первых, нужно выспаться, чтобы быть в хорошей форме; во-вторых, на репетициях не выкладываться. Просто вполголоса и вполсилы с дирижером «просмотреть» партитуру. В-третьих, соперники сильные. Гран-при – нереально. Но за первую или вторую премию поборемся. Он был для меня настоящим другом. Я соблюдала все пункты его строгого предписания...»

Другие члены делегации старались успокоить Пугачеву иными методами. Например, приятель Лещенко попытался было приударить за Аллой, заявившись ночью к ней в номер. Но она его быстренько «отшила». Так и сказала: «Ребята, все мы тут не мужики и бабы, а прежде всего – коллеги!»

Фестиваль стартовал вечером **3 июня** в Летнем театре с обязательного конкурса, где участники должны были спеть песню на болгарском языке. Пугачева исполнила «Я люблю тебя, Ленинград», которую до этого исполнял Бисер Киров. Последний, сразу после выступления Пугачевой, лично подошел к ней и признался, что теперь ему придется забросить свой оригинал и петь, как она. Но это было мнение, пусть авторитетного, но все же одного человека, поскольку на аудиторию в целом (за исключением советских туристов) эта песня большого впечатления не произвела. Да что там болгары: даже наша журналистка Н. Завадская из журнала «Музыкальная жизнь» по поводу этой песни написала следующее: «Честно говоря, на песне несколько сказалось общее увлечение «цыганочкой» как «обязательной» краской песни «а-ля рюсс» (что, впрочем, не мешает ей быть мелодичной и достаточно эффектной). Аранжировка

Алексея Мажукова, с лирической цитатой из песни Соловьева-Седого «Слушай, Ленинград, я тебе спою...», на мой взгляд, могла бы быть очень хороша, если бы не подчеркивала «цыганский» элемент. А вот русский перевод, увы, слабоват! Повезло еще, что, видимо, кроме нас, в него никто и не вслушивался...»

На третий день фестиваля определились возможные претенденты на главные призы. Среди них: англичанин Карл Уэйн, полька Богдана Загурска, гречанка Ксаники Пераки, русская Алла Пугачева. Эта четверка сошлась в решающем раунде конкурсной программы вечером **5 июня**. Первым выступил Уэйн, спевший песню Зорницы Поповой «Сколько радости в мире». Как пишет все та же Н. Завадская: «Уэйн выскакивает на сцену с фальцетным криком, словно не в силах сдержать бьющую в нем через край радость. Это так неожиданно и обаятельно, что невольно хочется кричать вместе с ним. Высокий, тонкий, прекрасно владеющий своим телом, артист чувствует себя на эстраде как рыба в воде. Он перекидывает микрофон из руки в руку, высоко подбрасывая его в воздух, – все это вполне в образе песни. При этом Уэйн беспредельно музыкален, заразителен. Да. Прекрасный артист. От него можно ожидать многого...»

Следом за англичанином выступала Богдана Загурска, которая спела совсем иную песню – лирическую. Затем настала очередь болгарина Петра Чернева, которого на сцене сменила Алла Пугачева с песнями «**Ты снишься мне**» и «**Арлекино**». И вновь обращусь к воспоминаниям Н. Завадской:

«Сегодня она особенно хороша – длинное черное платье оттеняет, подчеркивает ее хрупкость, женственность. И поэтому так поражает, буквально захлестывает экспрессия, сила чувства, которым наполняет артистка песню – любовное признание. А потом вдруг на наших глазах элегантная женщина превращается в циркового клоуна – маленького, смешного, несчастного. С деревянными руками, которые, словно на шарнирах, падая, сгибаются в суставах. Пугачева поет песню Эмила Димитрова «**Арлекино**». Из старой, запетой песни (русский текст Б. Баркаса) она создает новеллу. Перед нами проходит жизнь циркового артиста. Смех сквозь слезы. И когда характерный – клоунский – смех вдруг сменяется трагическими интонациями, когда снята маска – сжимается сердце... Мастерство Аллы Пугачевой в этой песне заставляло меня порой вспоминать знаменитую «Маленькую балерину» Вергинского.

А зал стонет, именно стонет, аплодируя... (Песню «Арлекино» публика попросит спеть на «бис». – *Ф. Р.*)

Все вокруг поздравляют нас. «Какая выразительная певица, не просто певица, а синтетическая артистка!» – говорит о Пугачевой заместитель ректора Софийской консерватории, композитор Бенцион Элиезер. «Алла Пугачева – открытие не только «Золотого Орфея», но и мировой эстрады». Это слова директора фирмы «Балкантон», композитора Александра Иосифова...»

Кстати, этот концерт транслировался на всю Болгарию (в Советском Союзе его покажут значительно позже, о чем еще будет идти речь впереди) и одним из его зрителей был 8-летний мальчик Филипп Киркоров. Много позже он будет об этом вспоминать следующее:

«Я тогда очень болел, и мать повезла меня к Ванге. А та сказала: «Первая женщина, которую увидит ваш сын сейчас, – будет его женой». Мать обалдела. Какая может быть женщина? Мы живем в доме, кроме мамы, бабушки, другой бабушки и тети, никаких женщин. Не на родной же бабушке я женюсь. А в этот вечер шел «Золотой Орфей». Я проснулся, и первое, что слышу: «Алла Пугачева, Советский Союз». Выходит девушка, и я понимаю, что мне она очень нравится...»

После завершения конкурсной программы никто из заинтересованных лиц не уходит домой. Все отправляются в ресторан гостиницы «Сатурн», где заседает жюри: международное – судит пение исполнителей, а болгарское – определяет победительниц среди песен. Пугачева не стала ждать вместе со всеми, а предпочла уединиться у себя в номере. Вскоре туда прибежал

возбужденный Лев Лещенко. Он еще не знал о решении жюри, но уже предчувствовал победу. Он долго смотрел на хозяйку номера изучающим взглядом, при этом все время приговаривал: «Ну и ну! Учил, показывал! Да ты же – звезда! Ты-то сама это понимаешь?» Выскочил на балкон и закричал: «Звезда! «Орфей» теперь наш!»

Минуло почти два часа, а от жюри не было ни слуху ни духу. Напряжение среди артистов постепенно нарастает. Наконец в дверях появляется советский представитель Владимир Ковалев, а следом за ним и остальные члены жюри. По счастливому лицу Ковалева можно понять, что наша страна внакладе не осталась. Но все полагали, что Пугачеву удостоили первой премии. И тут вдруг как гром среди ясного неба заявление Ковалева: «Золотой Орфей» присужден Алле Пугачевой!» Что тут началось: крики, овации.

Итак, Алле Пугачевой достался Гран-при фестиваля. Остальные премии распределились следующим образом: первую премию поделили между собой Карл Уэйн, Богдана Загурска, Ксанти Пераки, вторую – Стефка Оникян (Болгария) и Шинай (Турция), третья досталась восточногерманскому певцу Гансу Юргену Байеру. Премия за лучшее исполнение болгарской песни была присуждена Кончу Маркес.

Поздно ночью в ресторане гостиницы был дан банкет для лауреатов, на котором Пугачеву поздравил с победой болгарский министр культуры и другие высокопоставленные товарищи. Веселье длилось до раннего утра. Потом, уйдя к себе в номер, Пугачева как подкошенная рухнула на кровать и проспала без задних ног несколько часов подряд.

Вечером **7 июня** состоялся заключительный концерт победителей фестиваля «Золотой Орфей». Вот как вспоминает о том дне Лев Лещенко:

«Перед Аллой Пугачевой по программе идет обладатель первой премии фестиваля англичанин Карл Уэйн. Публика требует повторения (Уэйн пел песню «Сколько радости в мире». – *Ф. Р.*). Уэйн раскланивается, но публика не успокаивается. А Алла пока ждет своей очереди за кулисами, «заряженная» на выход. Причем выход не простой, как обычно, а с фокусом, когда из глубины сцены опускается некая громадная механическая «рука», на ладони которой и стоит певица. И тут происходит следующее. Режиссер, заправляющий этой механической «рукой», слышит, как стихли аплодисменты в честь Уэйна, делает из этого вывод, что певец сейчас уйдет со сцены, и дает команду, чтобы опускали «руку» с Аллой. Но это, оказывается, была всего лишь пауза перед началом песни, ибо Уэйн вдруг снова начинает петь. При этом он, естественно, не видит того, что происходит у него за спиной. А там в этот самый момент «рука» опускает на сцену Аллу.

Ситуация неординарная – на сцене сразу две звезды! Что делать? В данном случае это больше относится к Алле, которая явно не знает, как выйти из такой щекотливой ситуации. Тут телевизионный оператор, стоящий перед певцом, начинает показывать ему знаками – посмотри, мол, что там у тебя за спиной! Уэйн оборачивается, видит Аллочку, тут же все понимает и находит изящный, достойный истинного джентльмена выход. Он подходит к ней, берет ее за руку и начинает петь как бы для нее. Но Алла при этом понимает в свою очередь, что нельзя же ей вот так на протяжении всей песни стоять рядом с ним! Она с улыбкой освобождает свою руку и садится на ступеньки в глубине сцены. Публика в полном восторге, ибо неловкая ситуация разрешилась самым наилучшим способом. Но надо знать характер Аллы! Потому что когда Уэйн подходит к ней снова в финале песни и готовится спеть последнюю фразу, Алла как ни в чем не бывало вдруг берет из его рук микрофон и поет вместо него эту самую фразу: «О-о, май лав!» Естественно, сия неожиданная импровизация идет под восторженный рев публики. Создается впечатление, что все это было задумано и отрепетировано заранее. Вот так в самом начале своей звездной карьеры наша будущая примадонна показала во всем блеске свои самые лучшие стороны – ум, находчивость, талант актрисы. И когда она после этого исполняет «Арлекино», зал неистово требует бисировать снова и снова...»

После того как Пугачева закончила свое выступление, был объявлен перерыв. А после него второе отделение было отдано Льву Лещенко, югославской джаз-рок-группе и знаменитой американской четверке «Темптейшнз». Лещенко исполнил восемь песен, среди которых два новых хита: «Прощай» В. Добрынина – Л. Дербенева и «Соловьиная роща» Д. Тухманова – Л. Поперечного.

Той же ночью в гостинице устроителями фестиваля был дан прощальный ужин. На нем с Пугачевой произошел весьма неприятный инцидент. Вот как о нем вспоминает звезда болгарской эстрады Эмил Димитров (тот самый, что написал «Арлекино»):

«После ужина компания Ивана Славкова (он был в то время зятем руководителя Болгарии Тодора Живкова и занимал должность генерального директора болгарского телевидения) решила продолжить вечеринку в его апартаментах. Вместе с ним были заместитель министра культуры Иван Маринов и тогдашний шеф комитета по туризму. Мужчины начали приставать к Алле. Она попросила меня, чтобы мы покинули эту компанию, но они не пустили нас к лифту. И тогда нам пришлось спасаться бегством по запасной лестнице. Мы зашли в бар «Глобус», и там Алла расплакалась:

– Я не русская б... Что воображают себе эти господа? Я певица.

Очень много сил пришлось приложить мне, чтобы ее успокоить. После этого мы виделись с ней много раз...»

Между тем это было не последнее огорчение Пугачевой. Когда спустя несколько часов самолет Аэрофлота с советской делегацией на борту приземлился в Шереметьеве, выяснилось, что певицу, которая добыла своей стране Главный приз престижного музыкального фестиваля, не приехал встречать даже какой-нибудь заваливающийся клерк из Минкульту. Приехал только один человек – руководитель ВИА «Веселые ребята» Павел Слободкин. Он и поздравил певицу с победой и на своей машине отвез в ее однокомнатную квартиру на Вешняковской улице.

Июль

В пятницу **4 июля** по ТВ был показан заключительный концерт лауреатов музыкального фестиваля «Золотой Орфей» (в 21.30). Как мы помним, этот фестиваль проходил в болгарском городе Слынчев Бряг ровно за месяц до описываемых событий, но советское телевидение только в июле сподобилось показать эту запись. Почему же это не было сделано раньше? Говорят, таково было распоряжение самого председателя Гостелерадио Лапина, которому жутко не понравилась победительница конкурса Алла Пугачева. И он запретил при нем даже имя Пугачевой упоминать. Однако нашлись смельчаки, которые не побоялись послушаться председателя. Аргумент у них был убойный: мол, во всем соцлагере триумф Пугачевой был показан, и только на родине нет. Разве так можно? Возразить против этого Лапину было нечего.

Сама Пугачева смотрела эту трансляцию вдали от столицы – в Минеральных Водах, где она гастролировала с ВИА «Веселые ребята». По ее же словам: «Я была в гостях. Помню, все шутили, много смеялись, пока выступали другие исполнители. И вот показывают мое выступление. Я смотрю и сама не верю: мне кажется, это было так давно! И вдруг чувствую, какая-то в комнате установилась напряженная тишина. Закончилась трансляция. Выключили телевизор. И снова угощает нас всех гостеприимная хозяйка. Но смотрит на меня по-другому. Обращается ко мне по-другому. А на следующий день, на концерте, зрители встретили меня бурей аплодисментов и криками: «Арлекино»! Давай «Арлекино»! А у меня в программе не было этой песни. Пожалуй, вот тогда и пришла популярность...»

Тот концерт из Болгарии смотрели известный композитор Александр Зацепин и поэт Леонид Дербенев, которые в те дни отдыхали в одном из подмосковных домов творчества. После выступления Пугачевой Дербенев сказал: «Она неплохая актриса. Мне кажется, с ней можно было бы сделать хороший музыкальный фильм». «Ты прав, – согласился Зацепин. – А

то у нас или хорошая певица, но плохая артистка или наоборот. А тут – такое удачное сочетание». Рядом с ними у телевизора была и редактор киностудии «Мосфильм» Любовь Цицина, которая тоже не упустила случая отметить: «Ну, если бы ты, Саша, взялся написать музыку, то я бы у нас на «Мосфильме» нашла сценариста под такой фильм». «Для Аллы – напишу», – ответил Зацепин. Так родилась идея будущего фильма с участием Аллы Пугачевой – «Женщина, которая поет».

Между тем Алла Пугачева продолжает колесить по стране с гастролями: теперь она выступает в курортном Сочи. По этому случаю **12 июля** в газете «Черноморская здравница» была напечатана большая статья В. Быстрова под многозначительным названием «Золотой Арлекин». В нем автор рассказывал о блестящей победе Пугачевой на «Золотом Орфее» и предрекал ей и ВИА «Веселые ребята» еще более значительные успехи в будущем. Еще автор публикации отмечал скромность певицы: «Алла Пугачева работает на равных со всеми остальными «веселыми ребятами», и ее имя в афише не выделено красной строкой. Она скромна, очень немногословна и – твердое мое убеждение – никогда не будет заражена «звездной болезнью». Она ехала в Болгарию без афиш и цветных фотографий в буклетах, ее никто не знал на конкурсе, и сама она предполагать не могла, что путь домой будет в буквальном, а не то что в переносном смысле усеян розами...»

В Сочи с Пугачевой произошел забавный эпизод. Как-то утром, находясь в своем номере, она услышала, как в одном из соседних домов крутят песню «Арлекино» в ее исполнении. Она тут же выскочила на балкон и закричала своему коллеге по ВИА Александру Буйнову, жившему в соседнем номере: мол, включи радио, там меня передают. Буйнов врубил радиоприемник, однако сколько ни крутил ручку, так и не нашел «Арлекино». А песня тем временем звучит на всю улицу. И тут до Буйнова дошло: это же не по радио – это кто-то по магнитофону крутит! «Ну все, Алка, ты теперь знаменитость!» – закричал Буйнов своей коллеге по ансамблю.

На волне успеха Аллы Пугачевой в Болгарии фирма грамзаписи «Мелодия» проявила поразительную для себя оперативность. Уже в понедельник, **21 июля** (через полтора месяца после триумфа певицы), она выпустила в свет гибкую пластинку Аллы Пугачевой с тремя песнями: «**Посидим, поокаем**», «**Ты снишься мне**» и «**Арлекино**». Стоила пластинка 60 копеек и была раскуплена практически мгновенно, чему я сам был свидетелем: на Курском вокзале, у передвижного лотка, где ею торговали, выстроилась огромная очередь. Кстати, на самом Апрельском заводе, где печатался тираж миньона (14 миллионов), администрация выставила у выхода из цеха и заводской проходной милицейский кордон, поскольку знала – будут массовые кражи (рабочие проносили гибкие пластинки под одеждой, на животе). Думаете, помогло? Как бы не так: пластинки тырили даже сами милиционеры! Так будущая Примадонна отечественной эстрады вошла в каждый советский дом.

На этом же поприще отметился и звуковой журнал «**Кругозор**» (№ 7), где на одной из пластинок была помещена та самая песня, с которой Алла Пугачева должна была отправиться на «Золотой Орфей». Речь идет о песне Вячеслава Добрынина и Наума Олева «**Помоги мне, дождик**».

Сентябрь – ноябрь

В **сентябре** вышла гибкая пластинка Аллы Пугачевой и «Веселых ребят», на которой были записаны четыре песни композитора Р. Манукова: «**Вишня**» (слова – А. Прокофьев), «**Ясные, светлые глаза**» (В. Лазарев), «**Избранник**» (Т. Сашко), «**Не надо ждать**» (В. Харитонов). Эти песни певица и ансамбль исполняли на концертах 26–30 сентября, которые состоялись на сцене ДК имени Горбунова.

1–5 октября Пугачева и «Веселые...» перебазировались в ДК МИИТа, где дали еще несколько концертов. Скажем прямо, престижными эти площадки назвать было нельзя. Но последние в те дни оккупировали куда более раскрученные «звезды»: например, в ГЦКЗ «Россия» выступал французский певец Серж Лама, в Театре эстрады – Валерий Ободзинский. Однако в конце месяца очередь дошла и до Аллы Пугачевой: **31 октября** она с «Веселыми...» дала концерт в Театре эстрады на Берсеневской набережной.

Эти концерты продолжались и первые дни **ноября**. Затем на студии Александра Зацепина Пугачева записала песни для телефильма «Отважный Ширак». Эту картину снимал на «Таджикфильме» режиссер М. Махмудов, который специально привлек Зацепина к написанию музыки, чтобы придать фильму современное звучание. Для фильма Зацепин написал порядка десяти песен (общее время звучания музыки составит 46 минут 10 секунд), две из которых исполняла Алла Пугачева: **«Полно на свете мудрецов»** и **«Волшебник-недоучка»** («Песня Сезама»). В отношении последней еще на момент записи все были убеждены, что она станет шлягером. Однако эта же песня во многом станет и поводом к громкому скандалу, который разразится на «Таджикфильме» в скором времени.

Тем временем в жизни молодых меломанов Советского Союза произошло знаменательное событие: в субботу, **25 октября**, в газете «Московский комсомолец» появилась новая рубрика «Звуковая дорожка» (название придумал поэт Александр Аронов, за что удостоился от руководства газеты премии в сумме... 3 рублей). Сегодняшний молодой читатель может возразить: мол, эка невидаль! И будет неправ. Это сегодня о популярных исполнителях пишут все, кому не лень, а в те достопамятные годы даже приличной фотографии той же Аллы Пугачевой достать было трудно. А уж о статьях и говорить не приходится: если про официозных исполнителей они были во всех без исключения СМИ, то о так называемых альтернативных (вроде рок-групп «Цветы» или «Машина времени») практически ничего не писалось. «Звуковая дорожка» и должна была восполнить этот пробел, ориентируясь прежде всего на продвинутую (проще говоря, прозападную) молодежь (рубрика выходила два раза в месяц).

Кстати, появление «ЗД» не случайно совпало с подписанием Л. Брежневым за полтора месяца до этого – в начале **августа** – на Совещании по безопасности в Хельсинки документов так называемой «третьей корзины» – о сотрудничестве с Западом в гуманитарной области. С тех пор в СССР стал постепенно меняться идеологический климат в молодежной политике – стали осуществляться меры в сторону большего приобщения ее к западной культуре. В контексте этой политики и следует рассматривать появление на свет «Звуковой дорожки» (**октябрь 1975-го**). Далее последуют: первые гастроли в СССР настоящего рок-исполнителя из Великобритании Клиффа Ричарда (конец **августа 1976 года**), появление на ЦТ передачи «Мелодии и ритмы планеты» (или «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады»; **январь 1977-го**), открытие в крупных городах СССР студий звукозаписи, где можно будет записать на магнитофонную ленту альбомы как советских, так и западных исполнителей, начиная от «Битлз» и заканчивая «Пинк-Флойдом», «АББА», «Смоками», «КИСС» и др. (**1978 год**) и т. д.

Декабрь

В **декабре** Алла Пугачева и «Веселые ребята» отправились с гастролями в Горький. Ажиотаж от их приезда был таков, что все билеты на концерты, которые проходили во Дворце культуры имени Ленина, были распроданы задолго до приезда артистов (всего на концертах побывает 20 тысяч зрителей). Концерты начинались необычно – с «Марша веселых ребят» Исаака Дунаевского. Затем на сцену выбежала Пугачева и заводила публику песней **«Хорошо»** (речь идет о песне **«Посидим, поокаем»**. – Ф. Р.) (А. Муромцев – И. Резник). Затем следовали: **«Отчего»** Юрия Антонова, **«У той горы»** Давида Тухманова, **«Посреди зимы»** Павла Слободкина и др. Но бурей восторга встречался, конечно же, **«Арлекино»** Эмила

Димитрова. «Веселые ребята» исполняли песни: «Фигуристка» (солист А. Алешин), «Желтая ленточка» (солист – Р. Мушкамбарян) и даже песню Пола Маккартни «Миссис Вандебилт». Правда, последняя по темпераменту значительно уступала оригиналу.

10 декабря на «Таджикфильме» собрался худсовет, чтобы обсудить музыкальный материал, присланный из Москвы Александром Зацепиным: восемь песен и один танец, которые должны были звучать в телефильме «Отважный Ширак». То, что члены худсовета услышали, их потрясло. Но отнюдь не с положительной стороны. Собравшиеся хотели услышать нечто знакомое, национальное, а им представили песни и музыку в современных ритмах. Поэтому в итоговом документе было заявлено:

«1. Считать музыку, написанную А. Зацепиным к фильму «Отважный Ширак», не соответствующей жанру и стилистике будущей картины. В музыке отсутствует национальный колорит, манера исполнителей, в особенности А. Пугачевой, не соответствует характерам персонажей. Написанная А. Зацепиным музыка имеет право на самостоятельное существование, однако расходится с художественной концепцией фильма.

2. Отметить, что режиссер М. Махмудов не поставил конкретную задачу перед композитором или же плохо разъяснил, что от него требуется, не принимал участия в записи музыки.

3. Поручить М. Махмудову переговорить с композитором о внесении конструктивных изменений».

Поскольку путь от Душанбе до Москвы был долгий, Махмудов решил не тратить времени зря и ограничился письмом Зацепину, где изложил ему суть претензий, прозвучавших на худсовете: мол, в музыке отсутствует юношеское звучание (фильм-то был детский), нет таджикского колорита, простоты и ясности текста и т. д. Письмо было отправлено в Москву 16 декабря. Однако ответа на него режиссер ждал как соловей лета, о чем разговор еще пойдет впереди.

1975

- «Ясные, светлые глаза» (Р. Мануков – В. Лазарев),
- «Посидим, поокаем» (А. Муромцев – И. Резник),
- «Помоги мне, дождик» (В. Добрынин – Н. Олев),
- «Это очень хорошо» (А. Муромцев – И. Резник),
- «Не надо ждать» (Р. Мануков – В. Харитонов),
- «Посреди зимы» (П. Слободкин – Н. Олев),
- «Ты снишься мне» (А. Мажуков – Шумаков),
- «Я люблю тебя, Ленинград» (А. Зберский),
- «Арлекино» (Э. Димитров – Б. Баркас),
- «Избранник» (Р. Мануков – Т. Сашко),
- «Вишня» (Р. Мануков – А. Прокофьев),
- «Отчего» (Ю. Антонов – Т. Сашко),
- «У той горы» (Д. Тухманов).

1976

Январь

1 января, в 17.45 по московскому времени, по 1-й программе ЦТ состоялась премьера двухсерийной комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!». Буквально с первого же показа фильм имел оглушительный успех у зрителей. Достаточно сказать, что трансляция фильма закончилась в 21.00, а уже спустя несколько минут некоторые люди бросились на почту, чтобы отправить в столицу свои восторженные отзывы на ленту. Сам Рязанов с нескрываемой гордостью рассказывает, что несколько телеграмм были отправлены **1 января** в 21 час 03 минуты, 05 минут, 06 минут, 08 минут.

Не будет преувеличением сказать, что немалая доля в этом успехе принадлежит композитору Микаэлу Таривердиеву и певице Алле Пугачевой. Один написал к фильму гениальную музыку, другая так же гениально исполнила три проникновенных романса – «**Мне нравится**», «**У зеркала**», «**По улице моей**» – и веселый хит «**На Тихорецкую...**». Как напишет много позже критик А. Демидов: «Актерское дарование певицы – несомненно, и я, по правде, до сих пор не вполне понимаю, почему не она снималась в фильме Рязанова, образ героини которого в воображении связан именно с Пугачевой, возможно благодаря исполняемым ею песням, формирующим единое лирическое поле этой картины. Говоря о звучащих здесь песнях, мало сказать, что они проникновенны, доверительны или просто душевны. В них, в том, как исполняются они Пугачевой, есть выход в философскую лирику. Не только потому, что авторами текстов тут являются Цветаева, Ахмадулина и другие поэты, в самой манере пения присутствует особая раздумчивость, сосредоточенность – не на внешнем, а внутреннем. На сокровенном, на вечных вопросах бытия, жизни и смерти и парадоксально связанным с ними одиночеством, в котором она испытывает и странное блаженство, дарующее надежду, и главное – познает истинную мудрость природы...»

2 января Алла Пугачева вновь «засветилась» по ТВ: на этот раз ее показали в популярной передаче «Театральные встречи» (21.30). Поскольку в этой передаче собирались «звезды» из разных сфер деятельности, Пугачева была делегирована представлять эстраду. Кроме нее, там присутствовали: Михаил Жаров (ведущий), Юлия Борисова, Юрий Каюров, Сергей Юрский (театр), Савелий Крамаров (кино), Владислав Третьяк (спорт) и др. Каждый из присутствующих должен был исполнить какой-нибудь номер. Так, Крамаров и Юрский прочли небольшие интермедии, Третьяк рассказал какую-то спортивную байку, Пугачева исполнила песню из «Иронии судьбы» «**Мне нравится**».

3—11 января Алла Пугачева и «Веселые ребята» выступали в сборных концертах, которые проходили во Дворце спорта в Лужниках. Компанию им в тех представлениях составили: Нина Бродская, Жанна Бичевская, Владимир Шубарин, Евгений Петросян и др. Практически сразу после концертов Пугачева и «Веселые ребята» отправились в весьма престижный заграничный вояж: они представляли Советский Союз на Международной музыкальной выставке МИДЕМ-76, ежегодно проходившей в Каннах. Кроме них, от нашей страны туда отправились еще два коллектива: вокально-инструментальный ансамбль «Песняры» и трио «Ромэн». Особенно большой успех сопутствовал там «Песнярам»: после их выступления в небольшом зале, где присутствовали только импресарио из разных стран («Песняры» исполнили 6 народных песен), импресарио американской группы «Нью-Кристи Минстрельс» Сит Гэрисон сделал им лестное предложение посетить с гастролью Америку. Эта поездка состоится спустя десять месяцев. Что касается Аллы Пугачевой, то она пользовалась куда меньшим успехом, чем «Песняры», но чуть большим, чем «Ромэн».

Февраль

Начало месяца оказалось для Аллы Пугачевой и «Веселых ребят» по-настоящему ударным. **3–8 февраля** они приняли участие в сборных концертах, которые прошли на сцене ГЦКЗ «Россия», где, кроме них, также участвовали: Евгений Петросян, Жанна Бичевская и др. После этого Пугачева и «Веселые...» перебазировались на сцену Театра эстрады: там **8–10 февраля** они дали еще несколько концертов, но уже в компании с другими артистами: Аллой Абдаловой, Ниной Бродской, Геннадием Беловым и др.

В субботний день **7 февраля** по ЦТ повторили комедию «Ирония судьбы, или С легким паром!». Сделано это было по просьбе трудящихся – после первого показа те буквально завалили Останкино письмами и телеграммами. Однако будет неверным утверждение, что картина понравилась всем без исключения. К примеру, генерал армии Н. Лященко (он тогда командовал войсками Среднеазиатского военного округа) смотрел ее в первый раз с откровенной неприязнью, а во второй раз и вовсе не сел к телевизору, вслух удивляясь, как это руководители ТВ не видят вопиющую вредность данного произведения. Споры нет, генерал имел полное право на подобного рода выводы – вкусы у всех разные. Однако он свои мысли попытался донести до верхов. Вскоре Лященко засядет за стол и напишет гневное письмо министру культуры Демичеву, в котором раздолбает «Иронию судьбы» по первое число. Приводить это послание полностью нет смысла, поэтому ограничусь лишь некоторыми выдержками из него:

«Новогодняя сказка Эльдара Рязанова – это комедия, на мой взгляд, надуманная, безнравственная. Это скорее насмешка над подлинным человеческим счастьем. В этом фильме под видом «безобидных типовых поступков» зрителю преподносится пошлость, популяризуется пьянство, хамство, стяжательство и безнравственность...

Авторы с необыкновенной легкостью проповедуют с голубого экрана то, против чего следует восстать, чем нужно возмутиться. В самом деле. Солидные, образованные, со званием и положением люди, по так называемой «традиции», собираются в баньке и пьянствуют, как в кабаке.

Так завязывается сюжет «сказки». Один из «добрых», «вежливых» типов напивается до невменяемости, оказывается в другом городе, в чужой квартире, и начинается предновогодняя «кутерьма»...

Пьяному, непротрезвавшему «герою» вдруг понравилась незнакомая женщина, чужая невеста. И фильм поучает: «все бывает...»

Где же мораль? Задумался ли сочинитель сей комедии, какой вред он наносит молодежи? Удивляет, как вообще разрешили выпустить такой фильм на экран. В нем – отголоски чужой, не нашей морали. Подобные сочинения не несут в себе ничего полезного, поучительного...»

В те **февральские** дни в Москву приехала польская певица Анна Герман. На этот раз не на гастроли, а чтобы сняться на телевидении и записать несколько новых песен. Ее визит был ограничен по времени – всего три дня, поскольку она боялась оставлять надолго с мужем своего маленького сына Збышека. Прямо из Шереметьева Герман повезли в Останкино, на съемки передачи «Мелодии друзей». Там она впервые встретилась с восходящей звездой советской эстрады Аллой Пугачевой и казахской певицей Розой Рымбаевой. Каждая из певиц исполнила по одной песне (Герман спела «Возвращение романса» Оскара Фельцмана).

Март

На «Таджикфильме» продолжается подготовка к съемкам телефильма «Отважный Ширак». Как мы помним, непосредственное отношение к нему имеет Алла Пугачева: она исполняет две песни из восьми, написанные композитором Александром Зацепиным и Лео-

нидом Дербеневым: «**Полно на свете мудрецов**» и «**Волшебник-недоучка**». Однако присланная на студию фонограмма не удовлетворила худсовет, который посчитал песни и музыку слишком современными и лишенными национального колорита. В **декабре 75-го** на имя Зацепина было отправлено письмо с просьбой переписать музыку заново, но он на него так и не ответил. Новое послание было отправлено в Москву 3 марта. В нем сообщалось, что договорный срок ожидания истек и студия вынуждена частично расторгнуть заключенный договор с композитором и поэтом. (По нему Зацепину причиталось 3500 рублей, Дербеневу – 1200.) А в погашение произведенных авансовых и прочих затрат, будет использовано две песни, имеющие самостоятельное значение. (Речь шла о песнях «Волшебник-недоучка» и «Песня разбойников».)

На этот раз Зацепин на письмо ответил, видимо, испугавшись пункта о расторжении договора. Ответ он написал **12 марта**. В нем он оправдывал свое трехмесячное молчание объективными причинами: тем, что болел и лежал в больнице. Он также сообщил, что согласен внести все нужные исправления в музыку и, одновременно, категорически возражал против частичного использования его песен в фильме. Это письмо возымело свое действие: от услуг двух новых авторов – композитора Юрия Лядова и поэта Г. Регистана – «Таджикфильм» отказался.

Тем временем Алла Пугачева в очередной раз «засветилась» по телевидению: **8 марта** ее показали в «Голубом огоньке». Кроме нее, в той передаче участвовали: Игорь Старыгин, Александр Белявский, Юрий Гуляев, Сергей Захаров, Евгений Мартынов (дебют), Андрей Вознесенский, Юрий Яковлев, Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, Александра Пахмутова и др.

В середине **марта** Пугачева приняла участие в эстрадной программе «Эта неповторимая Москва», которая проходила на сцене киноконцертного зала «Россия». Она выступала во втором отделении, где исполняла песни: «**Это Москва**» (с «Веселыми ребятами») и «**Арлекино**», «**Очень хорошо**» и «**Мне нравится**» (сольно).

В том же месяце свет увидел очередной номер звукового журнала «**Кругозор**» (№ 3), где на одной из пластинок была представлена наша героиня: Алла Пугачева исполнила песню «**Мне нравится**» из телефильма «Ирония судьбы» (вторую песню спел Сергей Никитин).

Апрель – июнь

6 апреля Алла Пугачева с ансамблем «Веселые ребята» отправилась в зарубежные гастроли: их путь лежал в дружественную ГДР. Там они выступили в нескольких городах, посетили советскую воинскую часть, а также снялись на телевидении (в молодежной телепрограмме «Круг», в передаче «Алла Пугачева и «Веселые ребята»), выступили на радио, а также дали концерт в берлинском Дворце Республики. Успех был большой, хотя мало кто из зрителей догадывался, что это только внешняя сторона дела. Внутри ансамбль давно уже развела ржа недопонимания. Мужской состав ансамбля не признавал притязаний Пугачевой на лидерство, не хотел становиться ее аккомпанирующим составом. А ведь именно это в итоге и произошло. Говорят, в той поездке в ГДР ругань между артистами стояла страшная. Однажды Слободкин так осерчал на Пугачеву, что не нашел ничего лучшего, как запереть ее в номере – чтобы остыла.

Однако худо-бедно, но ансамбль отгастролировал в ГДР (последний концерт состоялся **1 мая** в знаменитом зале «Фридрихштатпалас») и **2 мая** переехал для продолжения концертов в Чехословакию. Пребывание там продлилось до **16 мая**. Причем все турне Пугачева... крутила любовь с Александром Буйновым. Много позже он так опишет тот период:

«В молодости у меня была не несчастная любовь, а любовь, которая не случилась. С Пугачевой мы в горячем комсомольском возрасте, в бытность «Веселых ребят», целовались-целовались целый месяц на гастролях в Восточной Германии и Чехословакии. Но не случилось. И, может, к лучшему...»

Вернувшись в Москву, ансамбль спустя две недели вновь отправился в очередной зарубежный вояж: в Болгарию, на фестиваль «Золотой Орфей». На этот раз Пугачева была там в качестве почетного гостя. Прием ей оказывали соответствующий тому положению, что еще сильнее распалило зависть мужской части ансамбля. Однако после «Орфея» ансамбль отправился на гастроли по Болгарии, которые продлились до **20 июня**.

25 июня Алла Пугачева в очередной раз объявилась в «ящике»: в популярной передаче «Артлото» она спела одну из своих новых песен. Кроме нее, там также приняли участие: Эдуард Хиль, квартет «Аккорд», Роксана Бабаян (это был ее дебют на ЦТ) и др.

Тем временем Пугачева и «Веселые ребята» вернулись на родину и принялись «окучивать» столицу. **22–27 июня** состоялись их концерты на ВДНХ. Мужской состав ансамбля выглядел следующим образом: Анатолий Алешин, Игорь Гатаулин, Валерий Дурандин, Роберт Мушкамбарян, Сергей Кукушкин, Александр Чиненков, Виталий Валитов, Александр Буйнов. Последний за несколько месяцев до этого со скандалом ушел из ансамбля (из-за Пугачевой, кстати) в другой коллектив – «Цветы». Однако и там долго не задержался и в итоге остался у разбитого корыта: ни там, ни здесь. Он сидел без работы, когда ему внезапно позвонил трубач «Веселых ребят» Александр Чиненков и позвал обратно. Буйнов с радостью принял это предложение. Приняли его хорошо, причем обрадовалась даже Пугачева. По словам самого Буйнова: «Я вернулся слегка приниженный, но в то же время и с высоко поднятой головой, потому что не сам пришел проситься назад, а меня позвали. Лъстило только то, что Алла Борисовна Пугачева была рада... Она в те дни как раз вернулась, кажется, из Германии и привезла какие-то подарки. И про меня не забыла...»

Вспоминает П. Слободкин: «Несколько наших музыкантов обвиняли меня в том, что я чрезмерно выделяю в группе Пугачеву. Так, в первую очередь, считал Саша Буйнов. В знак протеста они ушли, сказав, что хотят работать в ансамбле, а здесь все делается только для Пугачевой. Я тогда сказал Буйнову, что если он захочет вернуться, то ему придется от самого угла улицы идти и кричать: «Я не прав! Я не прав!», но Саша ответил, что этого не будет никогда. Вскоре он действительно вернулся и стал постоянным таким противовесом Алле, которой к тому времени все труднее было вписываться просто в рамки ансамбля – она была как бы отдельным номером в нашем сольном концерте...»

Тогда же Пугачева посетила встречу своих одноклассников. Встретились они в школе (№ 496 в Лавровом переулке возле метро «Пролетарская»), после чего отправились домой к Нине Беловой. Вот как об этом вспоминает А. Новиков:

«Алла очень не любит, когда в компании есть человек, который ее затмевает. А там присутствовал Александр Замотин: муж сестры Нины Беловой – Галины. Очень интересный мужик. На той встрече две-три песни спела Алла, а потом Замотин начал исполнять хиты Высоцкого, и большинство переключилось на него. Видимо, Алла болезненно это восприняла и покинула компанию самой первой...»

Август

Во вторник, **24 августа**, в польском городе Сопоте открылся традиционный Международный фестиваль эстрадной песни. От Советского Союза на него отправилась представительная делегация, в которую входили: композиторы Раймонд Паулс и Александр Колкер (оба входили в состав жюри), дирижер Станислав Горковенко, артисты Ирина Понаровская, Геннадий Бойко (оба представляли фирму «Мелодия»), вокальный дуэт из Риги Нора Бумбиере и Виктор Лапченко. В качестве почетного гостя на фестиваль была приглашена Алла Пугачева.

Главным исполнителем в этом списке была Понаровская, на которую возлагались особые надежды. В Сопот она повезла песню «Мольба» Александра Журбина и Ильи Резника. Вот как описывает те сопотские дни Александр Колкер:

«Чтобы добраться до Сопота, надо с варшавского аэродрома переехать на другой, маленький. Там погрузиться на допотопный самолетик. И, если количество взлетов будет равно количеству посадок, ты через час окажешься в столице международного песенного форума.

Стояла жара. Я был засупонен, как будто отправлялся в Гренландию. Строгий, застегнутый наглухо плащ. Строгий скучный галстук. Строгие черные полуботинки. Член международного жюри, представлявший великую державу, должен был выглядеть респектабельно. И я выглядел.

Вылет в Сопот задерживали. Член жюри от другой великой державы – США – закирял в каком-то варшавском кабаке. Найти его не удавалось. Я тихо плавился.

Но вот какой-то старомодный супер-«бьюик», вспомнив молодость, с шиком подкатил к аэропорту. Прибыл американец!

Я приготовился к чопорному знакомству с коллегой.

Из авто вылез человек лет шестидесяти с плойками редких волос, босиком, в трусах и в ситцевой мятой бобочке. На американской груди топоршились седые заросли.

– Дай закурить, – обратился он ко мне, – жара, как на Дерибасовской! Слушай, – продолжал он фамильярно, – твой фейс мне явно знаком. По-моему, мы встречались на Привозе в Одессе...

Скудные золотые, выданные представителю великой державы, были истрачены в первый день. Я купил в «комиссе» дочери вельветовый костюмчик. Она просила.

Вечером ко мне в номер пришла вся наша гопа. Они приехали сюда днем раньше. Возглавлял компанию Костя Щербаков. Сейчас он первый заместитель министра культуры России, человек, пользующийся заслуженным авторитетом у артистов и музыкантов, художников и библиотекарей, а тогда пил здорово!

Страшной пожирающей силы смерч пронесся над моим столом. Коньяк, водка, икра двух цветов, обязательная в загранпоездках копченая колбаса. Короче. Утром я случайно обнаружил на полу пачку хрустящих хлебцев.

Смерть отступила...»

Между тем после того, как в первый фестивальный день состоялись выступления хозяев – поляков, два других дня – **25–26 августа** – были отданы конкурсантам, которые соревновались в конкурсе студий и фирм грамзаписи. Вспоминает все тот же А. Колкер:

«По Сопоту ездил пикап. На его борту огромными буквами было выведено – «Алла Пугачева». Поляки произносили Пугачева, делая акцент на втором слоге. Наша звезда капризничала. То горло, то мигрень. Ее выступление в рецитале с Кшиштофом Кравчиком было под вопросом.

Конкурсные концерты проходили в Зеленой опере, вмещающей тысяч пять поклонников этого вида искусства. Жюри располагалось в центре зала. Нас было много, больше двадцати человек. Все мужики. Перед нами стоял легкий элегантный стол, на котором заранее разложили программу выступлений – «кто за кем» и «кто есть кто».

Я голосовал за наших изо всех сил. На концерте грамзаписей фирму «Мелодия» представлял Геннадий Бойко. Маленького роста, в смокинге с блестящими атласными лацканами, он смахивал на официанта. За оркестровый пульт встал Стасик Горковенко... Театр в виде огромного амфитеатра расположен на морском берегу. В вечерние часы море щедро делится своим теплом. Музыка, роскошные дамы (все – «экстры» и «полуэкстры»), приближение ночи. Зал наэлектризован. В воздухе витает любовь... И на зал обрушился громоподобный, кондовый марш. Бойко пел, нет, Бойко орал про красное знамя, про комиссара, про кровь и смерть! Оркестр закончил фортиссимо – та-та-та-та!

Певец стоял с высоко поднятой рукой, как рабочий, оторванный от колхозницы из знаменитой мухинской скульптуры. Взгляд его был устремлен в космос!

В зале была тишина. Гробовая. Низко опустив голову, я незаметно проглотил большую таблетку валидола. По сценарию, цокая каблуками, уходил за кулисы Бойко. Комиссар, рабочий, трибун.

Утром я не вставал. Я лежал в койке и неотрывно смотрел на авиабилет, который скоро унесет меня к моей Маше. Она накормит меня до отвала драниками со сметаной...

А сейчас надо было лежать, чтобы экономить энергию. Один хрустящий сухарик утром и один вечером, перед сном. Тень голодного обморока повисла над моей кроватью...

В тот же вечер состоялся последний конкурсный концерт. В длинной череде исполнительей, которые выходили на сцену, ярче всех выделялась наша певица Ирина Понаровская: она и песни спела вдохновенно («Мольбу» и «Была птица» на польском), и выглядела потрясающе сексуально – на ней было длинное платье с глубоким вырезом на спине, которое произвело ошеломляющее впечатление на мужской состав жюри. Да и мужчины из числа зрителей, которых в зале было предостаточно, тоже пали ниц перед Понаровской – ее аж девять (!) раз вызывали на бис. В итоге Гран-при фестиваля достался именно ей.

Вспоминает А. Колкер: «Вечером решили вмазать за нашу победу, сбросившись «на немецкий счет» по сто злотых. Сославшись на больную печень, я отказался и вышел на воздух.

Возле входа в отель стоял, держась двумя руками за стенку, бедолага Бойко (наш певец от «Мелодии». – Ф. Р.).

– Какие суки! – пьяно твердил он. – Какие суки! Обидно!..»

В том банкете участвовала и Алла Пугачева, которая преподнесла Понаровской красную розу и поздравила с победой. На следующий день они поехали в Варшаву, где их снимало тамошнее телевидение. Жили певицы в одном номере, причем это был «люкс» со всеми соответствующими прибабасами: фирменной едой, привозимой на тележке по первому требованию, великолепной ванной, прекрасным видом из окна и т. д. Понаровская могла себе позволить такую роскошь: вместе со статуэткой «Янтарного соловья» ей заплатили 25 тысяч злотых. Причем из этой суммы Госконцерт не взял себе ни гроша.

Сентябрь

Алла Пугачева грызет гранит науки в ГИТИСе, куда она поступила тем летом на факультет эстрадной режиссуры. Четырьмя годами ранее она уже собиралась поступить туда же, но тогда ее терпения хватило только на походы на консультации. Теперь же Алла была полна решимости получить профессию режиссера и довольно легко сдала все экзамены. Причем в ГИТИС Пугачеву постоянно сопровождала толпа фанатов, которая терпеливо ожидала ее у выхода и, когда она появлялась, встречала громкими аплодисментами и цветами. Руководителем курса, куда поступила Пугачева, был известный клоун Андрей Николаев, который, говорят, без особого энтузиазма встретил новость о том, что у него будет учиться Пугачева. Он даже сказал: «Не знаю, как я с ней полажу». В его практике уже были случаи, когда он выгонял с курса самых именитых артистов, казалось, что и в случае с Пугачевой может произойти то же самое. Но, как ни странно, учитель и ученик сумели поладить.

В это же время Пугачева приняла решение покинуть ВИА «Веселые ребята». Она устала бороться за свое лидерство в коллективе, да и отношения со Слободкиным у нее окончательно разладились. В эстрадной тусовке ходили слухи, что их связывали не только творческие отношения и что родители Слободкина очень не хотели видеть Пугачеву в качестве своей невестки. Поэтому, когда они узнали о том, что она уходит из «Веселых ребят», радости их не было предела. Как пишет А. Беляков:

«Слободкин впоследствии утверждал, что это он отказался жениться на Алле. На самом деле все было совсем не так, и их общие знакомые особо не таили, как он звонил им и умолял поговорить с ней, объяснить, что надо вернуться. А потом, когда уже понял, что Пугачева

никогда не вернется, отзывался о ней в самых неизящных выражениях, как о даме легкого поведения...»

Между тем родное телевидение продолжает пропагандировать Аллу Пугачеву. **25 сентября** в эфир вышла передача «Песня-76» (20.30), которая была целиком посвящена нашей героине. Она исполнила четыре песни из телефильма «Ирония судьбы, или С легким паром!». Интересно то, что аккомпанировали ей «Веселые ребята». Глядя в экран, никто из зрителей еще не знал, что дороги Пугачевой и «Ребят» разошлись в разные стороны – передача была записана накануне их разлада.

Ноябрь

1 ноября на экраны столичных кинотеатров вышла мелодрама «**Центровой из поднебесья**» Исаака Магитона с участием Сергея Кретьова, Людмилы Суворокиной и др. В картине звучали новые песни Александра Зацепина на слова Леонида Дербенева в исполнении Аллы Пугачевой: «**До свидания, лето**», «**Любовь одна виновата**», «**Бубен шамана**», «**Угу-гу**».

Вечером **7 ноября** по ЦТ был показан праздничный «Голубой огонек», в котором Пугачева исполнила две песни: одну из телефильма «Ирония судьбы» – «**Мне нравится**» (ей подпевала Барбара Брыльска) и одну новинку – песню «**Ты любил, и я любила**». Что было потом, вспоминает сама певица:

«Выступив на «Огоньке», я сделала промах. Алексей Зубов написал отличную аранжировку в стиле регтайма: самой интересно, но выходить с этой песней на многомиллионную аудиторию, думаю, было преждевременно. На следующий день спрашивала знакомых: «Ну как?» Они отвечали: «А что, ничего, ты была в порядке, прическа эффектная». – «А песня-то как?» – «А ты какую пела?» Вот это меня просто подкосило. Певица имеет право на телевизионное выступление, когда есть полная уверенность, что запомнят не ее прическу, а ее работу. А то появилась Пугачева, телезритель зовет соседа: «Вась, твоя поет». Вася садится перед телевизором и отмечает: она сегодня в новом платье (или, допустим, похудела). Разве это в пользу исполнительницы? Вот если Вася, или Петя, или, точнее, миллионы зрителей послушают и улыбнутся радостно, а может, завздыхают – значит, что-то хорошее личное вспомнили... Но главное – забудут, как выглядела певица, зато на завтра станут говорить: «Песня-то вчера была какая задушевная...»

Кроме Пугачевой, в том «Огоньке» также выступили София Ротару, Юрий Богатиков, Юрий Гуляев и др. Зарубежную эстраду представила Мирей Матье, которая на борту легендарного крейсера «Аврора» спела песню про Октябрьскую революцию. Гостями передачи были также две дочери чилийского коммуниста Луиса Корвалана: Вивиана и Мария-Виктория.

10 ноября состоялся очередной концерт, приуроченный к Дню милиции. Среди его участников: Алла Пугачева, Муслим Магомаев, Тамара Синявская, Юрий Никулин, Зиновий Высоковский и др.

Именно в те **ноябрьские** дни начался один из самых громких любовных романов того времени – между Аллой Пугачевой и кинорежиссером Александром Стефановичем. Возник он во многом благодаря поэту Леониду Дербеневу, с которым оба героя романа дружили. Их первая встреча состоялась в доме у поэта, на одной из вечеринок. Спустя какое-то время режиссер и певица встретились на Ленинградском телевидении: Пугачева снималась в музыкальной передаче, а Стефанович там же что-то снимал. После съемки Стефанович отвез Пугачеву на своей машине в аэропорт, и они договорились встретиться в Москве. Стоит отметить, что на тот момент оба они не были свободными: у певицы был роман с Константином Орбеляном – руководителем эстрадного оркестра Армении, в котором она работала и исполняла четыре песни, одна из которых – «**Сто часов счастья**» – принадлежала перу Орбеляна, а у Стефано-

вича – с молодой актрисой, с которой они уже подали заявление в ЗАГС. Однако эта встреча заставила обоих круто изменить свои планы.

В среду, **24 ноября**, Стефанович пригласил Пугачеву поужинать с ним в ресторане Дома кино. Однако певица от этого предложения отказалась, выдвинув встречное: посетить другое заведение – ресторан «Сосновый бор» (Пугачева называла его «Еловая шишка»), что на Рублевском шоссе. «Мне там больше нравится», – объяснила свое желание певица. Стефанович не стал артачиться. Через полчаса он встретил Пугачеву в условленном месте, и они поехали на Рублевку. И там, во время застолья, певица проделала впечатляющий трюк, который сразил режиссера в самое сердце: она взяла нож, разрешила себе палец, открыла записную книжку режиссера и, выдавив на страничку каплю крови, написала: «Определите на досуге мою «группу», потому как петь – это мое кровное дело». Определить «группу» Стефановичу пришлось той же ночью в гостинице «Мосфильма», где он тогда жил. А утром следующего дня, когда любовники отправились завтракать, режиссер сказал:

– Не знаю еще, как ты поешь, но артистка ты замечательная, это твоя самая сильная сторона, развей ее. Постарайся все свои песни обыгрывать, преврати это в театр.

Пугачеву это предложение чрезвычайно заинтересовало. Она остановилась и спросила:

– Как это – обыгрывать?

– Ну, делать из песен маленькие спектакли. У тебя должно быть такое платье, которое трансформируется в разные сценические костюмы, чтобы ты могла разыгрывать несколько разных ролей. Вообще, любой реквизит ты должна обыгрывать.

– Но у меня в руках только микрофон.

– Правильно. Но кто тебе мешает сделать из него, к примеру, скипетр или бокал?

– Да, точно! – всплеснула руками Пугачева. – Отличная идея, молодец!

Декабрь

В Останкине готовится к записи очередная «Песня года». В отличие от предыдущих лет эта «Песня года» была на удивление скромной – в ней должно было прозвучать всего 16 песен, причем подавляющая часть никакого отношения к хитам сезона не имела. Произведения в эту передачу отбирало лично руководство Гостелерадио, и декларируемый им же принцип отбора лучших песен по письмам на самом деле не действовал – песни отбирали не какие получше, а какие благонадежнее. У таких песен и авторы должны быть соответствующие – маститые и обязательно члены Союза композиторов СССР. Например, в течение года чуть ли не из каждого окна раздавались песни «Кто тебе сказал» и «Ты мне не снишься» в исполнении ВИА «Лейся, песня» и «Синяя птица», но их в «Песню года» даже и не подумали включить. А все потому, что их автор – композитор Вячеслав Добрынин – ни в одном из творческих союзов не состоял. Однако и хиты более именитых авторов тоже не звучали в «Песне-76». Взять того же Давида Тухманова (песня «Во французской стороне» («Из вагантов»)) в том году по хитовости обгоняла даже песни Добрынина, или Александра Зацепина («Волшебник-недоучка», «До свидания, лето» – последняя песня даже была отмечена призом на музыкальном фестивале в Америке). Так что как ни стремилась Алла Пугачева попасть на «Песню года», в **76-м году** ей это сделать не удалось.

Тем временем роман Пугачевой и Стефановича благополучно продолжается. Как мы помним, пару недель назад режиссер посоветовал своей возлюбленной играть свои песни как мини-спектакли. Той предложение понравилось, но осуществить его она была пока не в силах, поскольку, выступая в оркестре Константина Орбеляна, имела весьма скромный репертуар. Стефанович сам в этом убедился, посетив один из ее концертов в ГЦКЗ «Россия» (проходили **3–9, 11–12 декабря**). На нем Пугачева спела две серенькие песни, да еще была весьма неважно одета – на ней было парчовое платье, а на колене прикреплен большой искусственный

бумажная роза. Когда после концерта Стефанович высказал ей свое «фи», Пугачева с этим полностью согласилась. А потом попыталась объяснить ему ситуацию: мол, своего коллектива у меня нет, вот и выступаю с этим оркестром (вторым солистом был Ара Бабаджанян, сын популярнейшего композитора Арно Бабаджаняна). Более того, его руководитель – мой жених. «То есть я от него завишу, пою его песни и одеваюсь, как армянская девушка».

Между тем Орбелян вскоре узнал, что его возлюбленная у него за спиной крутит шашни с режиссером. А мужчина он был горячий – как-никак кавказец. И в один из дней так поговорил с Пугачевой, что та прибежала к Стефановичу жаловаться. Мол, помоги жениха образумить. И режиссер нашел выход: разыграл целый спектакль с привлечением своей собственной невесты Маши. Спектакль состоялся на нейтральной территории – на квартире Леонида Дербенева, куда был приглашен Орбелян. Увидев, что режиссер явился туда со своей невестой, тот поверил, что между его девушкой и Стефановичем нет ничего амурного. Говорят, глядя на это, Дербенев и его супруга буквально умирали со смеху.

В те же дни на «Мосфильме» зрел проект фильма, в котором главную роль должна была сыграть Алла Пугачева. Как мы помним, идея такой ленты созрела в голове сразу нескольких человек – редактора студии Любови Цициной, композитора Александра Зацепина и поэта Леонида Дербенева – полтора года назад: после того, как Пугачева победила на фестивале «Золотой Орфей». Именно Цицина нашла сценариста – Анатолия Степанова, который довольно быстро написал сценарий про молодую безвестную певицу, которая благодаря своему таланту становится звездой. Пугачевой сценарий понравился. Однако совсем иного мнения были представители Госкино, к которым этот сценарий попал на визирование – они его не приняли. Вот что они написали в своем заключении на него, датированном **20 декабря 1976 года**:

«Сценарий представляет собой драматургически слабо организованное произведение. Поступки главной героини лишены всяких мотивировок – все объясняется общей эксцентричностью ее характера: уход от мужа, уход из ансамбля, приход к поэту и т. д. Какова цель ее жизни, чем этот образ по-человечески должен заинтересовать и научить зрителя – сказать трудно.

Героиня лишена интеллигентности и душевной привлекательности. Она словно еще одно повторение вздорной певицы из фильма К. Воинова (речь идет о фильме **1970 года** «Чудный характер», где в роли начинающей певицы снялась Татьяна Доронина. – *Ф. Р.*). Сценарий рыхл, лишен темпа и темперамента. Он скучен...»

21 декабря по ЦТ была показана премьера телеспектакля «Когда-то в Калифорнии». Нас эта трансляция интересует по одной причине – в ней прозвучали две песни, исполненные Аллой Пугачевой (ее голос звучал за кадром): «**Веселый ковбой**» и «**Романс**». Кстати, точно так же (за кадром) Пугачева отметилась и в другом телеспектакле того года – «Волшебный фонарь» Евгения Гинзбурга: ею было спето опять же две песни.

Конец **1976-го** был знаменателен тем, что Пугачева окончательно разобралась со своими возлюбленными: она ушла от Орбеляна к Стефановичу. Вернее будет сказать, что Стефанович ушел к Пугачевой, поскольку жить они стали в однокомнатной квартире певицы на Вешняковской улице (дочь Кристина жила в квартире ее мамы на Рязанском проспекте). Правда, увидев жилище Пугачевой в первый раз, Стефанович едва не лишился дара речи – так убого оно выглядело. По его же словам, это была абсолютно пустая квартира, в углу которой лежал голый матрас, а весь пол был заставлен огромным количеством пустых бутылок. Когда Стефанович выносил эту «батарею» в мусоропровод, он любопытства ради пересчитал ее и ахнул – бутылок было 140 штук. Однако убожество жилища не отпугнуло режиссера – как говорится, с милой рай и в шалаше. Пока Пугачева что-то готовила на кухне, он нашел в пустой картонной коробке елочную мишуру и выстлал ею на полу дорожку, украсив ее по краям еще и игрушками. Когда Пугачева вошла в комнату с подносом в руках и спросила, что это, он ответил: «Это путь жизни Аллы Пугачевой». Метафора певице понравилась.

Отметим, что союз с Александром Стефановичем окажет весьма существенное влияние на формирование Пугачевой как популярной певицы. Именно Стефанович посоветует ей уделить первостепенное внимание не только своему внешнему облику (облачиться в балахоны), но также обыгрывать песни в форме мини-спектаклей и использовать скандалы как инструмент для раскрутки своей популярности. Все это было точной калькой с западных образцов, горячим приверженцем которых был Стефанович – представитель новой поросли советских кинорежиссеров (прозападных), которые приходили на смену прежним, просоветским. Не случайно, что и первые фильмы Стефановича были связаны с западной тематикой: «Вид на жительство» (1972) повествовал о советском враче, сбежавшем на Запад, «Дорогой мальчик» (1975) – о юном сыне советского дипломата, угодившего в руки западных гангстеров.

Однако вернемся к Алле Пугачевой.

Незадолго до нового года она отправилась на свои первые без «Веселых ребят» гастроли – в Харьков. Причем приехать туда ее уговорила дальняя родственница – тетя Муся, которая работала в тамошнем Театре музыкальной комедии. Театр терпел финансовые убытки и покрыть их решил с помощью столичной звезды – на Аллу Пугачеву народ должен был пойти толпами. Что и случилось. Между тем эта поездка станет для Пугачевой знаменательной: именно там она познакомится с участниками ансамбля «Ритм», который вскоре станет ей сопровождать. Вот как об этом вспоминает руководитель коллектива Александр Авилов:

«Нас Пугачевой сосватала дирекция филармонии. Я попросил предоставить мне клавиры ее песен, чтобы сделать оркестровку. Вместо этого мне передали обычную аудиокассету с записями. За ночь я на слух записал все песни нотами, и в течение дня мы с ребятами более или менее их отрепетировали. Причем «Арлекино» на кассете не было. Пришлось его восстанавливать по памяти. А уже на следующий день приехала сама Алла. Опасаясь, что ей подsunут каких-нибудь лоботрясов, она привезла с собой замечательного джазового музыканта Леню Гарина, в свое время записавшего знаменитые позывные радиостанции «Маяк». Вопреки опасениям Аллы Леня остался доволен нашей работой. В театре музкомедии мы дали с Аллой 16 концертов. Потом еще 18 концертов устроила филармония. Все прошли с аншлагами...»

Именно на тех гастролях Пугачева исполнила свою первую собственную песню – **«Женщина, которая поет»**. О ее появлении на свет сама певица вспоминает следующим образом:

«Как-то в одном из журналов я наткнулась на стихотворение Кайсына Кулиева «Женщине, которую люблю». Меня поразила простота, искренняя, неподдельная теплота в отношении к женщине. И мне захотелось, чтобы и ко мне так относились. Стихи мне понравились, и я показала их моему другу-композитору Лене Гарину. Когда я их ему читала, у него на глазах были слезы. Он сказал: «Если тебе страшно написать одной, давай вместе напишем музыку». Тогда я только начинала писать музыку...»

Кайсын Кулиев как бы написал для меня. Я рискнула поменять слово «люблю» на слово «поет». Песня сразу стала только моей. После того как она была оранжирована Л. Гариним, вызвали музыкантов ночью к себе в номер гостиницы (были гастроли в Харькове) и стали репетировать. Когда прошло первое выступление, меня не покидало чувство, что с этой песней будет что-то связано. Именно эта песня дала название будущему фильму...»

После того как Пугачева вернулась в Москву, их роман со Стефановичем продолжился. В один из тех предновогодних дней, по предложению режиссера, влюбленные отправились в Одинцово, в новый грузинский ресторан «Сакартвело», который открыл Торнике Копалелишвили (теперь он владеет целой сетью ресторанов в Москве). И там, во время ужина, Стефанович внезапно предложил Торнике переименовать его ресторан: мол, для русского слуха слово «сакартвело» непривычно. «А что ему привычно?» – спросил в свою очередь ресторатор. «Например, «Арлекино», – ответил Стефанович. «Это в честь кого?» – вновь спросил Торнике. «В честь вот этой девушки, – и Стефанович указал на Пугачеву. – Помнишь песню «Арлекино»? Это она ее поет». У Торнике аж челюсть отвисла. «Вай, какая удача!» – воскликнул

он. Чувствуя, что он на верном пути, Стефанович продолжил натиск: «Значит, мы делаем так. Здесь на стене вешаем ее портрет, на сцене размещаем музыкантов, а ты каждому из посетителей не забываешь повторять, что Пугачева поет в твоём ресторане чуть ли не каждый вечер. И публика повалит к тебе валом». Забегая вперед, отметим, что эта задумка полностью удалась – ресторан действительно за короткий срок станет чрезвычайно популярен у столичной богемной публики.

В декабре в продажу поступил звуковой журнал **«Кругозор»** (№ 12). На одной из его пластинок звучал голос Аллы Пугачевой: она исполняла песни **«До свидания, лето»** (А. Зацепин – Л. Дербенев) и **«Это очень хорошо»** (А. Мажуков – Д. Усманов).

1976

Песни из х/ф «Центровой из поднебесья» (А. Зацепин – Л. Дербенев):

«Любовь одна виновата»,
«До свидания, лето»,
«Бубен шамана»,
«Угу-гу-гу».

Песни из т/ф «Отважный Ширак» (А. Зацепин – Л. Дербенев):

«Полно вокруг мудрецов»,
«Друг друга мы нашли»,
«Волшебник-недоучка».

Песни из т/ф «Ирония судьбы, или С легким паром!»:

«По улице моей» (М. Таривердиев – Б. Ахмадулина),
«На Тихорецкую» (М. Таривердиев – М. Львовский),
«Мне нравится» (М. Таривердиев – М. Цветаева),
«У зеркала» (М. Таривердиев – М. Цветаева).

Отдельные песни:

«Очень хорошо» (А. Мажуков – Д. Усманов),
«Эй, мушкетеры» (В. Добрынин – Н. Олев),
«Посреди зимы» (П. Слободкин – Н. Олев),
«22+28» (В. Добрынин – В. Луговой),
«Ты любил, и я любила» (А. Зубов).

1977

Январь

В новогоднем «Голубом огоньке», который вышел в эфир сразу после боя курантов **1 января**, Алла Пугачева была не только одной из ведущих, но и спела две песни: «**Любовь одна виновата**» и «**Очень хорошо**».

В том же **январе** Пугачева успешно сдала сессию в ГИТИСе и в добром расположении духа отправилась на каникулы. В эти же самые дни в газете «Московский комсомолец» ее назвали лучшей певицей минувшего года. Дорогой сердцу певицы номер увидел свет в субботу, **8 января**. В нем был опубликован итоговый хит-парад лучших исполнителей, в котором Алла Пугачева, набрав самую большую сумму читательских голосов, заняла 1-е место (среди мужчин победителем стал Александр Градский). Лучшей певицей из дальнего зарубежья была признана звезда французской эстрады Мирей Матье, что придавало победе Пугачевой дополнительный шарм: стать на одну ступеньку с Матье – это многого стоило. Тем более что сама Пугачева всегда называла Мирей Матье одной из своих любимых исполнительниц.

На следующий день после выхода в свет номера «МК» Пугачева вышла на сцену концертного зала «Россия», чтобы выступить в сборном концерте, где, помимо нее, участвовали куда более раскрученные исполнители: Лев Лещенко, ВИА «Голубые гитары». Пугачева исполнила всего четыре песни, хотя могла бы спеть в три раза больше – на тот момент в ее репертуаре уже были написанные ею собственноручно будущие шлягеры вроде «Сонета Шекспира». Однако их Пугачева приберегла для следующего случая – февральских концертов во Дворце спорта в Лужниках.

14 января Пугачева была уже в Харькове, где дала сольные концерты в Доме культуры ХЭМЗа. А когда спустя несколько дней вернулась в Москву, ее супруг Александр Стефанович устроил для нее запись в тон-ателье на «Мосфильме». На тот момент у Пугачевой были написаны две собственные песни: «**Женщина, которая поет**» и «**Сонет Шекспира**» (обе песни певица впервые «откатала» на публике в Харькове). Однако записать их в профессиональной студии тогда возможности не было: Пугачева не являлась членом Союза композиторов, да и звания никакого не имела. Тогда свои услуги и предложил Стефанович. Причем запись песен проходила в ночное время, поскольку Стефанович наврал руководству студии, что он собирается записывать песни для своего документального фильма про «Песняров» под названием «Диск». Благодаря Стефановичу Пугачева разжилась и новым сценическим платьем, взамен старого, которое похитили неизвестные в конце **76-го**. Стефанович познакомил жену с художником по костюмам фильма «Диск» Мариной Левиковой, та сняла с певицы все необходимые мерки, и вскоре платье было готово.

Между тем в популярном журнале «Огонек» созрела идея взять интервью у стремительно восходящей звезды. Раздобыли телефон ее квартиры в Вешняках, позвонили. Пугачева, естественно, с радостью согласилась, но, едва положила трубку, как тут же схватилась за голову: где принимать гостей? Журналисты сказали, что хотят снять ее в естественной домашней обстановке, но они не знали, что Пугачева проживает в более чем скромных «хоромах». Решение проблемы пришло неожиданно. Пугачева позвонила Александру Зацепину, который жил в более роскошных условиях, и рассказала ему о своей беседе с журналистами. Композитор сразу понял, что от него требуется, и с удовольствием согласился предоставить свою квартиру под фотосессию Пугачевой.

Спектакль был разыгран впечатляющий. Пугачева встретила дорогих гостей в роскошном шелковом халате, который ей одолжила жена Зацепина. Последняя тоже принимала непо-

средственное участие в спектакле, играя роль... домработницы Пугачевой. Здесь же была и дочка певицы 5-летняя Кристина, которая с радостными визгами носилась по огромной квартире. Умилению гостей не было предела. Они расположились с «хозяйкой» в гостиной и долго мучили ее всевозможными вопросами. Уже перед самым уходом поинтересовались у певицы: мол, а что у вас в соседней комнате? Та небрежно отмахнулась: «Там моя домашняя студия». Материал о Пугачевой в «Огоньке» увидит свет спустя два месяца.

В конце **января** наконец-то сдвинулась с мертвой точки история с фильмом «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). Как мы помним, за месяц до этого сценаристу фильма Анатолию Степанову был дан от ворот поворот – его сценарий не приняли, найдя в нем массу недостатков. Материал назвали скучным и предложили либо серьезно переработать, либо... выбросить в корзину. Степанов выбрал первый вариант. В результате его кропотливого труда на свет явился существенно переделанный вариант, который **25 января** был рассмотрен в Главной сценарно-редакционной коллегии Госкино СССР. И хотя и в этом варианте были найдены очередные недостатки, однако их автору было рекомендовано доработать по ходу режиссерской разработки, а в целом сценарий был принят.

Февраль

В **феврале** Пугачева «грызла» гранит науки в ГИТИСе, но все ее помыслы были о другом: о предстоящих концертах на самой масштабной площадке столицы – Дворце спорта в Лужниках, вмещавшем с дополнительными местами в партере почти 14 тысяч зрителей (с ледовым катком зал вмещал 12 тысяч). В этих концертах Пугачевой выделили самую престижную часть – последнюю в заключительном отделении (первая была отдана Льву Лещенко) и доверили исполнить аж девять песен, три из которых исполнялись впервые. Причем одна новинка была ее собственного сочинения, но скрытая под псевдонимом Бориса Горбоноса (так звали школьного приятеля Александра Стефановича), поскольку называть себя композитором Пугачевой пока было несподручно: во-первых, стеснялась, во-вторых – опасалась за судьбу песен. К новинкам принадлежали: «**Сонет Шекспира**» (А. Пугачева – В. Шекспир), «**И кто виноват**» (А. Зацепин – Л. Дербенев), «**Синие глаза**». Ну и назову шесть остальных песен: «**Арлекино**» (без него Пугачева пока никак не может обойтись, поскольку многим была обязана ему, да и зрителям песня чрезвычайно нравилась), «**Посидим, поокаем**», «**Хорошо**», «**Мне нравится**», «**Волшебник-недоучка**», «**По улице моей**».

Концерты в Лужниках начались в среду, **16 февраля**, в семь часов вечера (длились до **21-го**). Пугачева, как я уже упоминал, выступала во втором отделении, а в первом зрителей «разогревали» Жанна Бичевская, Геннадий Белов, Светлана Резанова, Юлий Слободкин, Алла Абдалова (на тот момент уже не супруга Льва Лещенко), ВИА «Москвички» (как мы помним, несколько лет назад Пугачева имела счастье в нем работать). Однако подавляющая часть зрителей пришли посмотреть в первую очередь именно Пугачеву, поскольку слава о ней уже всюду гуляла по России. На одном из тех концертов оказался преподаватель Пятигорского пединститута Н. Прокопец, к впечатлениям которого я и обращаюсь:

«Алла вышла на сцену собранная, волевая и сразу же заставила зал подчиниться себе. Такой «диктат» актера или певца рискован – он вызывает у зрителя подсознательный протест, сопротивление. И если искусство исполнителя невысоко, его поведение на сцене выглядит претенциозным. Не то с Пугачевой. Зал насторожился, но, покоренный обаянием певицы, перенес энергию взрыва на восприятие ее искусства, продуманного, выверенного, покоряющего. Прием оправдал себя. Зал слушал с обостренным вниманием, а ведь Алла выступала последней в двухчасовой программе...»

Из услышанного в тот вечер ошеломляющее впечатление произвела песня молодого композитора Бориса Горбоноса «**Сонет Шекспира**». Свет красных прожекторов, стекая струями

с широкого одеяния певицы, обволакивает ее фигурку, стоящую спиной к залу. Ее одиночество еще более усиливают размеры сцены в Лужниках. Руки выброшены над головой, кисти и пальцы напряжены, будто бы пытаются остановить неминуемо надвигающуюся беду. Вдруг резкий поворот к зрительному залу, подчеркнутый музыкальным акцентом.

Уж если ты разлюбишь, как теперь,
Теперь, когда весь мир со мной в раздоре.
Будь самой горькой из моих потерь,
Но только не последней каплей горя! —

произносит речитативом Алла, как вопль отчаяния, вырываются из ее груди бессмертные шекспировские строки.

Богатейшие голосовые модуляции, виртуозность интонационных красок, пластическое решение – все создает театр высоких страстей периода позднего Возрождения. Наверное, так и играли в шекспировском «Глобусе». Мастерство, прежде всего, и интуиция художника помогли Алле подняться до трагического в искусстве...

Говоря о творческом диапазоне того или иного артиста, обычно анализируют одно из русел его индивидуальности: трагическое, комическое, лирическое и т. п. Алла Пугачева с этой точки зрения обладает завидным дарованием, позволяющим вторгаться как в область трагического, так и комического. Тончайшие нюансы иронии и сарказма, с одной стороны, и вдохновенные откровения в показе человеческого страдания, с другой, – вот пределы ее диапазона...»

На те концерты Пугачевой пришли многие известные люди из творческой среды, которым было интересно творчество певицы. Самым заинтересованным среди них оказалась кинорежиссер Татьяна Лиознова. После одного из первых концертов она не постеснялась прийти в гримерку Пугачевой, поблагодарить ее за выступление и дать несколько советов. В частности, Лиознова сказала: «Алла! Я хочу дать вам один совет как режиссер. Я чувствую, что вы впервые поете для четырнадцати тысяч человек и стараетесь захватить всех сразу. Вам это удастся, но самые трепетные минуты концерта не те, когда по мановению вашей руки многотысячная толпа скандирует, а те, когда вы тихим голосом поете о самом сокровенном, как это происходит в песне «Сонет Шекспира» или в «Кто виноват».

Совет окажется дельным. После этой встречи Пугачева изменит акцент в исполнении некоторых песен и увидит, как была права Лиознова: публика действительно будет захвачена гораздо больше, чем на первых концертах. Она станет петь для каждого из четырнадцати тысяч в отдельности, а не для всех сразу.

Успех выступлений Пугачевой в Лужниках был огромный. Телевидение предложило ей записать «Сонет Шекспира» на пленку, Москонцерт стал уговаривать отправиться на гастроли по стране. Но Пугачева тактично отказала и тем, и другим. Телевизионщикам сказала, что с записью именно этой песни пока повременит, а чиновникам из Москонцерта сослалась на свою занятость в ГИТИСе, а также на работу над новыми песнями. «Вот освобожусь – тогда пожалуйста», – заявила певица. Представить себе подобное год или два назад было просто невозможно. Но Пугачева начала **1977-го** представляла собой уже совершенно иного человека – она могла откровенно диктовать свои условия. И это доставляло ей огромное удовольствие, поскольку именно к такому положению она всегда и стремилась.

Март

Прошел почти месяц после концертов Пугачевой в Лужниках, и она отправилась в свои очередные гастроли. На этот раз местом ее выступлений стала столица солнечного Узбекистана город Ташкент. В нем Пугачева оказалась впервые и была буквально околдована его красотой.

Когда они ехали из аэропорта в гостиницу, певица то и дело вертела головой и удивлялась: «Ну и красотища!» После памятного землетрясения в **апреле 66-го** Ташкент действительно преобразился – стал еще более современным и величественным. Настоящая Звезда Востока, как пелось в популярной в те годы песне Давида Тухманова.

На тех концертах побывал журналист газеты «Правда Востока» А. Тахнельсон. Он собирался взять у гостыи большое интервью для своей газеты, но вышло иначе – практически на все приготовленные им вопросы певица ответила в ходе концерта, в паузах между песнями. Однако впечатленный ее выступлением, журналист не мог не отдать дань уважения гостье и все-таки поместил в газете материал об этих концертах. Там он, в частности, писал:

«Мы узнали о том, что в Ташкенте певица впервые, и ей очень понравился город, что ее мечта иметь хоть одну свою неумирающую песню, как «Синий платочек» Клавдии Шульженко, что ей много пишут и советуют, вплоть до того, какую носить прическу, что она очень любит детей и дети отвечают ей взаимностью, что хорошо сознавать, когда зритель видит в тебе не только певицу, но и друга и товарища...»

Было много цветов и аплодисментов. Она исполнила уже знакомые, полюбившиеся нам и новые песни «Сонет Шекспира», «Волшебный миг», «Почему так получилось», «Ясные, светлые глаза», «Женщина, которая поет». И каждая песня была ее песней, проникнутой ее, «пугачевской», искренностью и темпераментом, согретая ее большим сердцем...»

Вернувшись в Москву, Пугачева встретилась с авторами будущего фильма «Третья любовь» режиссером Александром Орловым и сценаристом Анатолием Степановым. Те показали ей новый вариант сценария с просьбой прочитать и дать свое согласие на участие в этом проекте. Однако Пугачевой прочитанное снова не понравилось. «Какие-то сопли у вас здесь, – сказала она авторам, имея в виду не слишком вразумительно прописанные мелодраматические ходы сюжета. – Меня же зрители на смех поднимут». «Алла Борисовна, не беспокойтесь, в процессе съемок мы многое изменим, – принялись горячо уверять ее авторы. – Нам главное запуститься. К тому же сценарий уже принят в Госкино». «Ну, не знаю, не знаю, – развела руками певица. – Я своего согласия пока давать не буду».

Апрель

Месяц своего рождения Алла Пугачева встретила на больничной койке – в клинике на Новом Арбате. Палата, где она лежала, была крошечная, там даже стула не было. Поэтому все посетители, навещавшие ее, обычно либо стояли, либо присаживались на краешек кровати. В те дни ее, например, навестил молодой военный журналист Михаил Захарчук. Он вспоминает:

«Ты предложила присесть на койку. И еще сказала:

– Что ты, старлей, мне все «выкаешь», как учительнице!

Мы сидели рядышком, тесно соприкасаясь друг с другом благодаря вялости панциря больничной койки, и это будоражило мое воображение. Ты на коленках правила мой хвалебный опус, и единственное, о чем я тогда жутко сожалел, – никто из моих знакомых и близких нас не видит. Так и подмывало сказать тебе:

– Ведь не поверят же!

И таки подмыло. Ты раскатисто рассмеялась, одарив меня сразу несколькими роскошными, чудными, витиеватыми автографами с сердечиками и капельками крови на них...»

9 апреля в «Московском комсомольце» вышел очередной выпуск «Звуковой дорожки», где вновь фигурировала Алла Пугачева: сообщалось, что в списке лучших отечественных дисков на 1-м месте находится «гигант» с музыкой Александра Зацепина к фильму «Между небом и землей». На этом диске Пугачева исполняла песню «**И кто виноват**».

Выйдя из больницы, Пугачева погрузилась в привычную рутину: днем она училась, вечером репетировала, поскольку вскоре ей предстояли новые концерты в Москве. Дочку Кристину

видела редко: та продолжала жить у бабушки на Рязанском проспекте, там же ходила в детский сад. Кстати, к новому мужу своей мамы – Александру Стефановичу – Кристина практически с первых же дней стала питать самые теплые чувства. Он называл ее ласково Кристаллик, а она однажды назвала его папой. На этой почве однажды случился курьез. После очередного посещения настоящего отца Кристины Миколаса Орбакаса девочка подошла к маме и шепотом спросила: «А мы скажем папе (имелся в виду Стефанович), что отец приходил?» Пугачева потом долго смеялась над этой фразой.

Между тем на мамин день рождения – **15 апреля** Пугачевой исполнилось 28 лет – Кристина тоже не приехала. Однако там были коллеги певицы по ансамблю. Вот как вспоминает о том дне один из них – музыкант Александр Литвиненко:

«День рождения Аллы мы праздновали в ее однокомнатной квартире. Все было по-простому: котлеты, картошка. Гостей тоже было немного: Дербенев с женой, ее родители и наш ансамбль...

Алла отменно готовила. Во всяком случае, мясо, приготовленное по ее рецепту, я ел с удовольствием. И настойка «Пугачевка» (так она ее назвала) получалась у нее отменно...»

На следующий день после своего дня рождения Пугачева вышла на сцену киноконцертного зала «Октябрь» в сборном концерте: в первом отделении выступали Жанна Грошечня (она стала известна после того, как побыла некоторое время ведущей популярной телепередачи «Артлото») и пародист Юрий Григорьев (он мастерски имитировал голоса из радиоприемника), а практически все второе отделение было отдано Алле Пугачевой. Концерты шли в течение нескольких дней (**17, 22–23 апреля**). А конец месяца Пугачева «добила» уже на другой сценической площадке – в ДК МИИТа (**29–30 апреля**).

Май

Продолжаются подготовительные работы по фильму «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). За это время была проделана большая работа: написан режиссерский вариант сценария, утвержден композитор. Правда, с исполнительницей главной роли вопрос был еще не решен, но авторы надеялись, что Пугачева все-таки даст свое согласие, когда поймет, что материал вполне может удовлетворить ее честолюбивые помыслы. Тем более что ни одна из других рассмотренных кандидатур руководство студии так и не удовлетворила. А было таких кандидатур много.

Исполнительницу на роль певицы Анны Стрельцовой киношники выбирали тщательно. Идеи при этом высказывались разные. Например, предлагалось снять в главной роли профессиональную актрису, а песни за нее должна была пропеть любая из популярных певиц. Но эту идею кто-то назвал «пропахшей нафталином». Дескать, в то время как на Западе в музыкальных фильмах снимаются реальные звезды эстрады, у нас опять будет звучать «фанера» (то есть рот будет открывать одна, а петь другая). Тогда стали перебирать всех отечественных звезд эстрады. Кто-то предложил кандидатуру Эдиты Пьехи, но на него тут же зацыкали: дескать, она уже не в таком фаворе, как несколько лет назад. Да и последний фильм с ее участием – «Неисправимый лгун» (**1974**) – ничего, кроме разочарования, не принес.

Вспомнили про Софию Ротару, но она считалась пришедшей – с Украины, а связываться с ее «куратором» – Владимиром Щербицким – ни у кого большого желания не было. В итоге ничего путного придумано не было. Вот почему авторы фильма надеялись, что Пугачева все-таки даст свое согласие на участие в их проекте.

3 мая неудачу постиг и режиссерский вариант сценария: цензоры вернули его авторам, сказав, что примут его только тогда, когда будут устранены все недостатки. «Но мы же многое исправили», – попытались оправдываться авторы. «Исправили, да не все, – последовал ответ. – Короче, работайте, если хотите запуститься». Сценарист с режиссером работали три недели.

27 мая переработанный вариант сценария был вновь направлен в Госкино. И, о чудо, его там приняли. Теперь дело было за малым: надо было уговорить Пугачеву. Но тут авторы не сомневались в положительном исходе дела, поскольку знали: несмотря на все свои претензии к материалу, Пугачева сниматься жуть как хотела.

В тот же день, когда новый вариант сценария был отправлен в Госкино, случилось еще одно событие, которое имело пусть косвенное, но все же отношение к героине нашего рассказа. В Москве состоялся Пленум ЦК ВЛКСМ, на котором поменялось руководство: вместо Евгения Тяжельникова кресло 1-го секретаря ЦК ВЛКСМ занял Борис Пастухов. А Тяжельников пошел на повышение: стал заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС. Должность самая что ни на есть ответственная – надзирать за идеологией. А с Аллой Пугачевой я связал это событие потому, что именно Тяжельников был в те годы одним из активных противников певицы. Вот как об этом вспоминает очевидец – Анатолий Станков:

«Пугачеву жутко невзлюбил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Тяжельников, прямо белел весь от злости, когда Алла выходила петь, да еще в мини-юбке. «Шестеркам» дали задание: «Певичку задвинуть!» А я как молодой представитель органов (Станков служил в МВД. – *Ф. Р.*) входил тогда в бюро ЦК ВЛКСМ и оказался в курсе интриги. Думаю, что делать? Надо Аллу выручать, ведь и правда могут подгадить. Ну не сломать, конечно, не такой она человек, но нервы бы потрепали. Был у меня выход на первого заместителя Андропова – Филиппа Денисовича Бобкова, он занимался также экономическими преступлениями (но главным для него было идеологическое направление – он возглавлял 5-е управление КГБ, отвечавшее за идеологию. – *Ф. Р.*), и по службе мы иногда пересекались. Ну я ему все и рассказал. Оказалось, генерал Бобков – самый настоящий поклонник Пугачевой, кто бы мог подумать! «Ладно, – говорит, – не беспокойся, мы ее в обиду не дадим». И не дали...»

Июнь – июль

В **июне** руководство «Мосфильма» приняло окончательное решение, что в роли певицы Анны Стрельцовой в фильме «Третья любовь» будет сниматься Алла Пугачева. Когда это стало известно певице, она загорелась желанием пристроить в картину и свои песни, благо фонограмма их была уже записана на том же «Мосфильме» благодаря Стефановичу. Однако было одно «но»: даже несмотря на то что режиссер фильма Александр Орлов хорошо относился к Пугачевой, он не смог бы добиться разрешения включить ее песни в картину. Против этого выступили бы и Александр Зацепин, и руководство студии. Но и здесь выход был найден сообща, то бишь на семейном совете дома у певицы. Пугачева и Стефанович решили приписать эти песни все тому же мифическому композитору Борису Горбоносу. Как мы помним, имя придумал Стефанович: так звали его одноклассника. Он же придумал ему и душещипательную биографию, согласно которой Горбонос был юношей, прикованным к инвалидной коляске. Трюк сработал: сначала на него клюнул Орлов, потом и другие деятели, причастные к запуску фильма.

1 июля Александр Орлов начал подготовительный период фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). Смета у фильма была выше средней – 383 тысячи рублей. Однако полотно задумывалось грандиозное по замыслу, поскольку главной героиней должна была стать Алла Пугачева. По задумке авторов проекта, народ должен был повалить на такое кино толпами.

4 июля Алла Пугачева приехала на «Мосфильм», чтобы участвовать в первых репетициях. Обе стороны остались довольны друг другом. Пугачевой понравился доброжелательный настрой режиссера, а тому актерские способности певицы. Это же отметил и сценарист Анатолий Степанов. По его же словам: «Я видел Аллу в пробах – она прекрасная драматическая актриса».

Однако буквально сразу после проб участие Пугачевой в этом фильме едва не сорвалось. Причем виной всему была она сама, а вернее, ее несдержанный характер. Вот как об этом вспоминает сам А. Орлов:

«Когда пробы были сделаны, мы собрались на худсовет. В зале – видные режиссеры, гордость «Мосфильма». И тут один из них – Леонид Оскарович Арнштам позволил сказать что-то критическое в адрес Пугачевой. Она вспыхнула: «Да кто вы такой, чтобы мне замечания делать, что вы понимаете?»

Сизов (гендиректор «Мосфильма». – *Ф. Р.*) ей в ответ: это легендарный режиссер фильма «Зоя» о Космодемьянской, между прочим, лента представляла нашу страну в конкурсной программе первого Каннского фестиваля.

– Ну и что дальше? И этот фильм плохой, и другие тоже.

Арнштам вышел из зала. Николай Трофимович (Сизов) побагровел: «Да что ты себе позволяешь? Как ты смеешь? Это «Мосфильм», а не какая-то там драная эстрада». Тут Алла тоже вскакивает и выбегает, громко хлопнув дверью.

– Снимать фильм будем, но с другой актрисой! – подытоживает Сизов. – Хватит нам этих выкрутасов. Пугачеву – никогда! Слышите – никогда!

Пытаюсь его переубедить, он непреклонен. Неделя проходит, другая, он – ни в какую. Лишь где-то через месяц Сизов оттаял, он понял, что Пугачева незаменима...»

Отметим, что это была не последняя трудность в работе. Когда Орлов начал подбирать актеров на главные и второстепенные роли, внезапно высветилась неожиданная ситуация. Оказалось, что в актерской среде у Пугачевой было больше недоброжелателей, чем сторонников. Большинство исполнителей (а среди них были очень известные имена), едва узнав, с кем им предстояло сниматься, наотрез отказывались от такого «счастья». Причем если некоторые говорили это завуалированно, то другие резали правду-матку открытым текстом: мол, «сами пляшите под дудку этой вульгарной девицы».

В то время как решался вопрос ее участия в фильме, Пугачева времени даром не теряла: она отправилась в Эстонию, чтобы принять участие в Днях литературы и искусства РСФСР. В Таллине местом ее выступления была одна из самых вместительных площадок – Дворец спорта «Калев». Народу туда набивалось, что называется, под самую завязку, поскольку в концертах участвовали лучшие московские артисты: Пугачева, Хазанов и др.

В первый день Пугачева участвовала в сборном концерте, в котором приняли участие все артисты, а в последующие дала несколько сольных выступлений. На них звучали как старые ее песни, так и новые. Среди последних были и новые вещи вымышленного композитора Бориса Горбоноса, под именем которого скрывалась сама Пугачева. Среди них две песни на стихи поэта, репрессированного в конце 30-х – Осипа Мандельштама. Это: «**Ленинград**» и «**Музыкант**». Причем идея обратиться к стихам этого поэта принадлежала мужу певицы Александру Стефановичу. Как мы помним, он считал, что Пугачевой пора перестать строить свой репертуар исключительно на легких песнях и пора замахнуться на что-то серьезное. Поэзия Шекспира и Мандельштама была из этого ряда. Так на свет появились сначала «**Сонет Шекспира**», а затем и «**Ленинград**» с «**Музыкантом**». Правда, как и в случае с шекспировскими стихами, Пугачева и здесь позволила себе отсебятину. Например, в первой песне мандельштамовский Петербург заменила на Ленинград, а во второй «еврейского музыканта» заменила на «чудесного музыканта».

Между тем эстонская пресса откликнулась на приезд московской звезды самым доброжелательным образом. К примеру, журналистка Б. Славина писала:

«...Шел концерт Аллы Пугачевой.

– Песню «**Приезжай**», – сообщила зрителям артистка, – я сегодня исполняю впервые. Слова и музыку написал композитор Борис Горбонос. Я привезла ее в Эстонию и отдаю на ваш суд.

... Сцена – в полутьме. Высвечен только рояль в самой ее глубине. За роялем – Алла Пугачева. В двух ролях – аккомпаниатора и певицы. «Приезжай хоть на день... Приезжай хоть на час... Приезжай хоть на миг!» Зов одинокой, тоскующей женщины. Зов отчаяния, зов любви.

Последний аккорд – и Алла уходит от рояля. Теперь мелодию ведет ансамбль. У Пугачевой – проход без слов. Но монолог продолжается. Безмолвный, внутренний, проигранный лишь в пластическом рисунке. Движения, выражение лица и глаз передают все ту же напряженность, муку тоски и отчаяния...»

Вернувшись в Москву, Пугачева продолжила работу в фильме «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). Прошла ее встреча с композитором Александром Зацепиным и поэтом Леонидом Дербеневым, которые показали ей песни, которые они написали для фильма. Тогда же Пугачева съездила в Дом моделей Вячеслава Зайцева, где примерила костюмы, в которых ей предстояло выйти на съемочную площадку. Костюмы ее вполне удовлетворили.

Между тем в двадцатых числах Пугачевой предстояло отправиться на гастроли в Пермь. Но пока она только готовилась к этим гастролям, город, что называется, сходил с ума. События, которые происходили вокруг приезда Пугачевой в этот город, наглядно демонстрируют, каких высот достигла слава певицы. Судите сами. **15 июля**, в 10 часов утра, в цирке, где должна выступать Пугачева, началась предварительная продажа билетов, на которую сбежался чуть ли не весь город. Вот как об этом писала газета «Вечерняя Пермь»:

«Алла Пугачева может гордиться своей популярностью: у нас в Перми столько поклонников ее таланта, что администрация цирка, где, как известно, будут проходить концерты певицы, вынуждена была обращаться за помощью в милицию.

– А что оставалось делать? – сказали нам по телефону. – Началась такая давка, что треснули стекла в дверях. Если бы мы не прекратили продажу билетов, то могли бы даже быть жертвы...

К нам в редакцию пришли двое молодых людей – Андрей Мурашов и Александр Кузнецов. Один из них работает слесарем-сборщиком, другой – сменный мастер одного из пермских заводов. Оба они, узнав из объявлений в газетах и радио о том, что предварительная продажа билетов на концерт с участием Аллы Пугачевой начнется 15 июля в 10 часов, отработали накануне две смены подряд и в половине седьмого утра были возле цирка. Один из них оказался в очереди 839-м, другой – 841-м (они показали нам эти номера, написанные химическим карандашом на ладони). И что же? Простояв полдня в очереди, они так и ушли ни с чем, потому что по громкоговорителю объявили: «Расходитесь, граждане! Сегодня билеты продавать не будут!»

– А когда будут? – совершенно справедливо возмущаются молодые рабочие. – Что же нам теперь, специально отгул брать или с работы отпрашиваться? Плохо организовали руководители цирка продажу билетов! Разве они не могли предполагать, сколько желающих будет попасть на концерты Аллы Пугачевой? Можно было продавать билеты прямо на предприятиях, в магазинах, в учебных заведениях. Не было бы никакой давки возле касс, и все стекла в цирке остались бы в целости...»

Пугачева успела дать в Перми всего лишь несколько выступлений, а тамошняя пресса уже откликнулась на них целым рядом положительных публикаций. Вот что писала, к примеру, Л. Лаврова:

«Пугачева не лицедействует на сцене. «Я практически показываю самое себя, каждая песня – это раскрытие моего человеческого «я», моего образа. Я песню подыскиваю под грани своего характера», – признается она. Поэтому-то так важно для нее, чтоб ее поняли – через песню, через слово. После «Арлекино», сразу принесшего ей популярность и ставшего сегодня своего рода визитной карточкой певицы, в ее творчестве наступил переломный момент, когда она появилась перед зрителем в новом качестве – с песнями иного звучания, идущими от собственного «я», с песнями, в которых появились уже не клоунадные образы, а чисто человеческие, – Арлекино сорвал маску, и перед нами предстал человек со всем тем, что наполняет его

жизнь, с тем, что есть в жизни каждого из нас, – любовь и разлука, тоска и горечь, безудержная радость и тихая улыбка.

И в программе, с которой Пугачева выступает в Перми, она предстала перед нами актрисой разностороннего дарования – от комического до трагического звучания. Калейдоскоп настроений в песне Р. Манукова «**Ясные, светлые глаза**» – это лишь прелюдия к действию, в котором будет и острый гротеск «**Почему так получилось**», и «яростный трагизм» «**Сонета Шекспира**», и щемящая тоска «**Приезжай**», и удивительная человечность и доброта «**Найди друга**»...

Говоря о Пугачевой, невозможно умолчать об ансамбле «Ритм», сопровождающем ее выступления. Зрители, которым удалось попасть на первые концерты, смогли оценить «Ритм» (руководитель А. Авилов) и как сольный коллектив. Года полтора назад ансамбль гастролировал в Перми, и за это время он значительно вырос и стал достойным партнером Пугачевой...»

22 июля по ЦТ был показан таджикский телефильм «Отважный Ширак», в котором Алла Пугачева исполнила три песни, в том числе супершлягер «**Волшебник-недоучка**».

Август

В столице в те дни установилась небывалая жара: воздух прогрелся до плюс 34 градусов. Подобное пекло в последний раз в Москве наблюдалось в душное лето **1972 года**. Но, несмотря на столь тяжелые погодные условия, жизнь в городе не замирала. Например, на «Мосфильме» всюю шла подготовка к съемкам фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет»).

С понедельника, **1 августа**, начались пробы актеров на главные и второстепенные роли. Особенно тщательно подыскиваются актеры, которые могли бы сыграть мужа певицы и поэта. Как мы помним, ряд актеров, к которым обратились с этой просьбой, послали приглашавших куда подальше. Так и сказали: «Делать рекламу этой певичке не собираемся!» Однако были и такие, кто согласился пройти пробы. Среди них актеры: Александр Кайдановский, Владислав Дворжецкий. Подругу главной героини – певицы Анны Стрельцовой – Машу практически сразу согласилась играть супруга режиссера, снимающего фильм, Алла Будницкая.

Пугачева в очередной раз объявилась на съемочной площадке **17 августа**: во 2-м павильоне «Мосфильма» прошла ее репетиция с Владиславом Дворжецким. На следующий день репетиция продолжилась. Ввиду загруженности Пугачевой длились они недолго – четыре часа (с 13.30 до 17.45).

В пятницу, **19 августа**, в домашней студии Александра Зацепина Пугачева записала первые несколько песен для фильма. Все песни принадлежали перу хозяина студии, а слова к ним написал Леонид Дербенев. С самого начала предполагалось, что в фильме будут звучать только песни этого тандема. Но, как мы помним, у Пугачевой были иные планы: она собиралась пристроить в картину и свои песни, которые она выдавала за песни вымышленного композитора Бориса Горбоноса. Но на тот момент про желание Пугачевой знал только режиссер фильма Орлов. Что касается Зацепина, то ему Пугачева сообщила другую информацию: открывшись, что под именем Бориса Горбоноса скрывается она, певица попросила композитора разрешить ей записать в его студии еще несколько песен. «Я ведь не член Союза композиторов, и под своим именем мне не разрешат их выпустить. Эти песни я хочу отдать на радио и петь в концертах». Зацепин оказался человеком не жадным и пошел навстречу просьбе Пугачевой. Это случилось **22–24 августа**. Впоследствии именно эти записи станут поводом к большому скандалу, который разведет в разные стороны двух талантливых людей. Впрочем, об этом рассказ пойдет впереди, а пока продолжим знакомство с августовскими событиями.

23 августа Алла Пугачева примерила все костюмы, которые были сшиты для нее в Доме моделей Вячеслава Зайцева. Примерка прошла под девизом «Ничего гардеробчик». Короче, все примеренное певицу удовлетворило.

В субботний вечер **27 августа**, в 21.30 по московскому времени, Пугачева в компании со своим мужем Александром Стефановичем смотрела первую трансляцию из Сопота (вторая состоится **2 сентября**), где проходил очередной конкурс эстрадной песни. Из всех музыкальных конкурсов, проводившихся в социалистических странах, он считался самым продвинутым: не случайно на него съезжались многие звезды поп- и рок-музыки тех лет, включая и представителей Запада. К примеру, «Сопот-77» почтил своим вниманием женский вокальный дуэт «Липс» из Англии (он занял 2-е место).

Вообще, по количеству исполненных шлягеров «Сопот-77» был одним из самых интересных фестивалей за все годы. Чего стоит хотя бы маленькое шоу, устроенное польской певицей Марылей Родович, исполнившей песню Я. Ласковского «Разноцветные ярмарки» (приз зрителей Интервидения), или песня «Не отдыхая» в исполнении группы «Червоны гитары» (2-я премия), или «Хризантемы» в исполнении болгарской певицы Лили Ивановой (3-я премия).

Советские исполнители большого успеха на том Сопоте не добились, удостоившись лишь утешительных призов. Так, Роза Рымбаева и Владимир Мигуля получили награду Польского комитета по ТВ и радиовещанию. Рымбаева также была награждена призом как самая молодая участница конкурса. Единственной нашей удачей можно было считать Главный приз «Янтарная антенна» в конкурсе на лучшую развлекательную передачу ТВ (он проходил впервые), которого удостоилась передача советского ТВ «Бенефис Ларисы Голубкиной» (реж. Е. Гинзбург).

В понедельник, **29 августа**, когда Алла Пугачева в очередной раз приехала на «Мосфильм», первое, что у нее спросили коллеги: ну как вам Сопот? Пугачева отделалась шуткой, что-то вроде: «Меня бы туда, я бы не подкачала». Самое интересное, что это окажется сущей правдой: через год именно Пугачева вернет нашей стране утраченные в Сопоте с **1975 года** (тогда победил Сергей Захаров) позиции. Но не будем забегать вперед.

В тот понедельник на съемочной площадке сошлись именно те актеры, которым, собственно, и предстоит сыграть в картине главные роли: две Аллы – Пугачева и Будницкая и актер Театра на Малой Бронной Николай Волков (ему предстояло сыграть маститого композитора, песни которого и сделают Анну Стрельцову знаменитой). Как вспоминает сам Н. Волков: «Я сразу согласился сниматься, как только узнал, что передо мной отказались «обслуживать взбалмошную Пугачеву» несколько известных актеров. Я же был поражен ее внутренней силой, даже несмотря на некоторую вульгарность. Она вовсе не выглядела высокомерной приемой. Очень веселенькая...»

Сентябрь

Начало осени съемочная группа встретила интенсивной работой. Так, **1 сентября** в студии «Б» киностудии «Мосфильм» прошло сведение музыки. Ассистенты режиссера ведут интенсивные переговоры с рядом артистов, пытаясь уговорить их сыграть роль мужа певицы Стрельцовой Валентина. В итоге соглашаются двое: москвич Олег Янковский и ленинградец Александр Хочинский. **2 сентября** Янковского вызывают на первую пробу. Правда, началась она с накладки: артист приехал, а в павильоне внезапно вырубился свет. Поэтому проба состоялась только в шесть вечера. Все сочли это дурной приметой и не ошиблись: в последующем кандидатура Янковского отпадет.

5 сентября состоялись две пробы: Янковского и Хочинского, которые все и решат. На следующий день на роль мужа Стрельцовой был утвержден Хочинский. Пугачева, конечно же, знала этого актера по ряду киношных работ (особенно ей нравилась его роль в «Бумбараше»),

но лично знакома с ним не была. Их первая встреча на съемочной площадке состоялась **7 сентября** во время кинопроб. На следующий день пробы были продолжены. Пугачева осталась довольна своим партнером и сказала, что он, как киношный муж, ее вполне удовлетворяет.

Съемки фильма начались в пятницу, **9 сентября**, в 9 часов утра. Съемочной площадкой для киношников в тот день стала территория Останкинского телецентра. Перед началом съемки, как и положено, была разбита тарелка – на удачу. Осколки тарелки разобрали себе участники съемок. Работа продолжалась до семи вечера и была весьма плодотворной: за 10 часов были отсняты несколько важных эпизодов с участием Аллы Пугачевой (ее ежедневная ставка равнялась 40 рублям).

12 сентября работа продолжилась: на этот раз снимали на натуре – в одном из выселенных домов в Черкизове. По сюжету, в этом доме Анна Стрельцова когда-то провела свое детство. Как вспоминает автор сценария А. Степанов, этот эпизод он просто угадал: когда писал его, даже не догадывался, что Пугачева провела детство в точно таком же старом домике у Крестьянской заставы.

13 сентября снимали на двух площадках: в том же домике в Черкизове и в Останкине. В съемках принимали участие: Алла Пугачева, Александр Хочинский и Алла Будницкая. В этот же день из Харькова приехал ансамбль «Ритм», чтобы тоже участвовать в съемках в качестве аккомпанирующего коллектива. Чуть позже именно этот ансамбль Пугачева возьмет под свое крыло.

14 сентября съемки переместились на Белорусский вокзал. Там снимали эпизод проводов Анны Стрельцовой на гастроли. Состав актеров тот же: Пугачева, Хочинский, Будницкая, ну и массовка, конечно. На следующий день съемка была назначена там же, но не состоялась: с утра зарядил дождь, и, сколько киношники ни ждали, просвета так и не появилось. Из-за тех же погодных условий была отменена съемка и на другой день.

18 сентября, в 13.30, по телевидению показали эстрадный концерт «В вашем доме». Концерт начался традиционно для тех лет – с серьезного жанра, с балета (показали «Умиряющего лебедя» в исполнении Майи Плисецкой). Затем выступил популярный юмористический дуэт двух милых старушек Авдотьи Никитичны (Борис Александров) и Вероники Маврикиевны (Вадим Тонков). Потом задушевную песню спела Ольга Воронец. И на «десерт» показали выступление Аллы Пугачевой. Она спела песню «**Волшебник-недоучка**».

Тем временем короткий перерыв в съемках фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет») закончился в среду, **21 сентября**. В тот день снималась одна Пугачева. Съемки проходили на Воробьевском шоссе и Кутузовском проспекте. На следующий день съемки перенесли в центр города: сняли проходы Пугачевой по Малой Молчановке и у Никитских ворот. **23 сентября** к Пугачевой присоединилась Алла Будницкая: съемочной площадкой стал вход в Театр эстрады на Берсеневской набережной. Там сняли короткий эпизод – разговор Анны с ее подругой Машей. Но начать съемки долго не могли: на этот раз нужна была пасмурная погода, а с утра, как назло, светило солнце. Пугачева с Будницкой удалились в тонателье, а съемочная группа расположилась на улице. Когда к обеду солнце так и не скрылось, стали сворачивать аппаратуру. Но тут набежали тучи и заморосил дождик. «Снимаем, снимаем!» – разнеслось по площадке. Актрисы выбежали из тонателье и заняли исходные позиции на аллее. Остальные спрятались от дождя под деревья. Спустя несколько минут нужный эпизод был благополучно отснят. Когда прозвучала фраза: «Стоп! Снято!», режиссер Александр Орлов внезапно подпрыгнул и дернул за ветку дерева, окатив спрятавшихся под ним коллег дождевой водицей. Так была восстановлена справедливость по отношению к двум актрисам, которые, пока снимались, уже успели промокнуть.

В субботу, **24 сентября**, по первой программе ЦТ состоялся показ очередного выпуска передачи «Артлото». Передача появилась на свет в **1971 году** и быстро обрела популярность у зрителей: в ней участвовали практически все звезды отечественной эстрады, которые испол-

няли самые модные шлягеры. А молодые артисты, впервые показанные в «Артлото», на следующее утро просыпались знаменитыми. Пугачева тоже имела счастье один раз показаться в «Артлото» – это случилось на заре ее триумфа, в **75-м**. Пригласил ее туда режиссер передачи Евгений Гинзбург, с которым Пугачева, как мы помним, случайно познакомилась осенью **74-го**, перед самым открытием Всесоюзного конкурса артистов эстрады. С тех пор много воды утекло, дорожки Пугачевой и Гинзбурга пересекались редко, но каждый раз, когда по ТВ показывали «Артлото», Пугачева обязательно выкраивала время, чтобы ее посмотреть. Ведь в те годы на телевидении было не так много передач, где можно было познакомиться с молодыми эстрадными исполнителями, услышать в их исполнении новые песни. Однако никто из тех, кто в тот день, **24 сентября**, уселся перед своими телевизорами, не мог предполагать, что видит любимую передачу в последний раз.

Дело в том, что после этого «Артлото» закроют. Говорят, распорядился это сделать сам председатель Гостелерадио Лапин, который эстраду вообще недолюбливал, считая ее низким жанром. Он и Пугачеву не любил, но вынужден был давать «добро» на ее показ по «ящику» только в силу того, что она была суперпопулярна. Причем не только у простого зрителя (с ним бы Лапин как-нибудь разобрался), а и у самой что ни на есть «верхушки»: ею восторгалась дочь генсека Галина Брежнева и другие отпрыски сановных особ. А против этого, как говорится, не попрешь.

Но вернемся к съемкам фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). **26 сентября** съемочная группа работала в 50 километрах от Москвы – в деревне Марфино. Там сняли несколько эпизодов с участием Аллы Пугачевой. На следующий день на студии состоялся просмотр всего отснятого материала, после чего группа начала паковать вещи, чтобы ехать в Сочи, снимать на тамошней натуре. А Пугачева пока отправилась на короткие гастроли в Ригу, где должна была участвовать в записи передачи о себе любимой на Латвийском ТВ. Там она даст интервью газете «Советская молодежь», в котором заявит: «В последнее время у меня, кажется, идет полоса удач. Но я – человек в общем-то суеверный и никогда не загадываю, что будет завтра. Я глубоко убеждена в том, что успех нельзя эксплуатировать: чаще записываться на радио, сниматься на телевидении. Я стремлюсь к тому, чтобы зрители и слушатели радовались не столько встрече со мной, сколько с моей новой работой, о которой могли бы сказать: «О! Молодец Пугачева! Опять интересно!» Вот чего я хочу добиться, а не того, чтобы стать популярной...»

В этом же интервью Пугачева упомянула имя своей главной «соперницы» – Софии Ротару. С тех пор как Пугачева ворвалась на отечественную эстраду, в народе постоянно курсировали слухи о том, что эти певицы не любят друг друга и находятся в постоянных контрах. Дыма без огня не бывает: антагонизм действительно существовал. Однако публично никто из певиц этого не показывал. Вот и в упомянутом интервью Пугачева упомянула Ротару исключительно в благожелательном тоне: «Из современных исполнителей как «голосовая» певица мне нравится София Ротару. Она не близка мне по своим творческим устремлениям, но я считаю, что она занимает достойное место на эстраде. Из зарубежных вокалистов мне близки Катарина Валенте, Барбара Стрейзанд, французские шансонье. Но идеалом для меня была и остается Эдит Пиаф...»

Однако вернемся к Ротару и словам Пугачевой о том, что ей «не близки ее творческие устремления». Судя по всему, речь шла о приверженности Ротару не только к современной, но также и народной песне. У Пугачевой последнее начисто отсутствовало. Кроме этого, она не исполняла и гражданственно-патриотических песен, в то время как Ротару позволяла себе подобные эксперименты. И они в ее устах, кстати, неплохо звучали. Например, в том **77-м** она со всем темпераментом исполняла песню Давида Тухманова «Родина моя» («Ты, я, он, она – вместе целая страна»).

И еще одно существенное отличие было между Пугачевой и Ротару. Последняя никогда не делала ставку на скандал как инструмент для раскрутки своей популярности. В этом плане певицы были полными антиподами друг друга. Если Пугачева на протяжении всех лет своего присутствия на эстраде была замешана в сотнях различных скандалов (сюда входят не только ее творческие конфликты, но и многочисленные замужества и любовные романы), то Ротару на этом поприще слыла невинной овечкой, в послужном списке которой было не более десятка творческих скандалов, а муж у нее был лишь один, и с ним она прожила в мире и любви почти четыре десятка лет.

Октябрь

В Сочи Пугачева приехала утром **3 октября** вместе с ансамблем «Ритм» и балетной группой. В тот день снимали объект «хутор», но Пугачева в съемках не участвовала – отдыхала с дороги. На съемочную площадку она вышла на следующий день: снимали ее песню «Да» на берегу моря, в 56 километрах от Сочи. Однако работа велась до обеда: потом погода резко испортилась, на море начался шторм, и киношники вынуждены были прекратить съемки. Все актеры на чем свет стоит ругали администрацию, которая выбрала крайне неудачное место для съемок: добраться до него можно было только на катере. Но для того чтобы выбрать новое место, времени уже не было.

5 октября работа велась непосредственно в Сочи. На этот раз погода не подкачала: было солнечно, безветренно. В тот день сняли проход Пугачевой по набережной города. За кадром в этот момент должна была звучать одна из ее песен.

6 октября киношники вновь переместились на побережье. Но из-за пасмурной погоды удалось снять всего лишь один план Пугачевой и Хочинского. После этого съемки на побережье решили временно приостановить и переключились на городские эпизоды. Так, **7 октября** в Сочи сняли эпизоды с участием Пугачевой, Будницкой и Александрова, 8-го в ЦПКиО сняли исполнение Пугачевой песни. **10 октября** съемочной площадкой стал сочинский пляж: там сняли проход Пугачевой и Николая Волкова. Поскольку в эти самые часы пляж был заполнен отдыхающими, вокруг съемочной группы собралась огромная толпа. О том, что было дальше, вспоминает режиссер А. Орлов:

«Однажды во время перерыва вокруг Аллы собралась большая толпа, и все стали просить у нее автографы. Но поскольку на пляже у многих людей просто не нашлось, на чем писать, стали подбирать гальку и Алла расписывалась на камушках. В конце концов, когда мы вернулись на берег продолжать съемку, то, к нашему ужасу, обнаружили, что гальки на пляже просто не осталось...»

11–13 октября съемочной площадкой стал уютный ресторанчик «Кавказский аул», где сняли эпизоды с участием все тех же Пугачевой и Волкова. **14 октября** съемки переместились в Зеленый театр ЦПКиО, где сняли танцы и песню «У черты» в исполнении Пугачевой.

15 октября киношники вновь вернулись на берег моря, надеясь, что на этот раз им повезет. Им повезло, но только наполовину: с утра и до самого обеда зарядил дождь и начать съемки не было никакой возможности. И только после двух дня наконец стихия успокоилась. В тот день сняли несколько кадров с участием Пугачевой и Хочинского.

В этот же субботний день в «Московском комсомольце» был опубликован очередной выпуск «Звуковой дорожки». Читателей этой рубрики ждал приятный сюрприз: к привычному хит-параду лучших дисков теперь добавился и хит-парад лучших отечественных и зарубежных песен, звучащих на территории СССР. Возглавляла список хитов песня в исполнении главной конкурентки нашей героини Софии Ротару «Родина моя» (Д. Тухманов – Р. Рождественский). Песня действительно очень популярная в те дни – этаким первым советский хит-хоп. Однако Пугачева тоже внакладе не осталась: в отличие от Ротару в этом хит-параде при-

существовало сразу две песни в ее исполнении. Впрочем, чего зря говорить, лучше взглянуть самим. Итак, песни расположились в следующем порядке: 2. «Из вагантов» (Д. Тухманов) – Игорь Иванов; 3. «Соловьиная роща» (Д. Тухманов – А. Поперечный) – Лев Лещенко; 4. «**Не отрекаются, любя**» (М. Минков – В. Тушнова) – Алла Пугачева; 5. «Все, что в жизни есть у меня» (В. Добрынин – Л. Дербенев) – «Самоцветы»; 6. «Белоруссия» (А. Пахмутова – Н. Добронравов) – «Песняры»; 7. «За полчаса до весны» (О. Фельцман – Н. Олев) – «Песняры»; 8. «Ты мне не снишься» (В. Добрынин – М. Рябинин) – «Синяя птица»; 9. «**Волшебник-недоучка**» (А. Зацепин – Л. Дербенев) – Алла Пугачева; 10. «Облака в реке» (А. Днепров – И. Кохановский) – «Поющие сердца».

И вновь вернемся в Сочи. **16 октября** там снимали прогулку Анны Стрельцовой с мужем по пляжу Ривьеры. В тот же день Александр Хочинский на время покинул группу и съемки продолжились без него. **18-го** снимали заплыв Пугачевой в бассейне, **20-го** – ее проходы по Сочи.

В эти же дни в газете «Петровка, 38» появилась идея опубликовать в праздничном номере **10 ноября** (к Дню милиции) интервью с Аллой Пугачевой. Дело это поручили журналисту Эдуарду Попову. Тот раздобыл домашний телефон певицы, но ее мама Зинаида Архиповна сообщила, что дочь находится на съемках в Сочи. Тогда Попов позвонил в сочинскую гостиницу «Приморская». Портье продиктовал ему телефон в номере Пугачевой, но журналист звонил туда до глубокой ночи, и все безуспешно. Отчаявшись, работник пера перезвонил портье и попросил передать Пугачевой, что журналист Попов из «Петровки, 38» будет звонить ей в 10 часов утра, дескать, пусть ждет. Знай он, во что обойдется певице и всей съемочной группе этот звонок, он бы, может, и не стал бы все это затевать. А так вышло следующее. Получив записку от портье, Пугачева ударилась в панику: раз звонят из милицейской газеты, значит, случилось что-то нехорошее. Обокрали ее квартиру? Что-то с дочерью Кристиной? Пожар? Короче, съемки в тот день были отменены. Не смыкавшая всю ночь глаз Пугачева со страхом ждала звонка из Москвы. А когда дождалась и узнала, в чем суть, смеялась до слез. И на радостях согласилась дать интервью настырному журналисту. Они проговорили по телефону аж полтора часа.

В эти же дни в Москве решалась судьба фильма, который многое значил в судьбе Аллы Пугачевой. Речь идет об «Иронии судьбы, или С легким паром!». Тогда шли жаркие дебаты в секции кино и телевидения, где обсуждалось выдвижение лучших фильмов года на соискание Государственных премий. Было выдвинуто сразу 9 фильмов (пять художественных фильмов, три документальных плюс программа «Время», без которой было нельзя – ее обожал Брежнев). А премий в этой номинации было всего три. Главным конкурентом «Иронии судьбы» был не менее прекрасный фильм «Афоня» Георгия Данелия. Здесь мнения в секции разделились: кто-то предлагал вообще убрать их из списка (мол, год-то юбилейный, не до комедий), кто-то предлагал перенести на следующий год, а кто-то настаивал на том, чтобы оставить хотя бы одну комедию. Решающее заседание произошло **21 октября**, где все присутствовавшие единогласно выступили за выдвижение на премию рязановскую «Иронию судьбы», а «Афонию» перенесли на следующий год.

Но вернемся на съемочную площадку фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). **22 октября** сняли проходы Пугачевой по Сочи. **23-го** группа переехала в Адлер, где на тамошнем вокзале сняли эпизод с участием двух Алл – Пугачевой и Будницкой – и Александра Хочинского. В тот же день Пугачева покинула съемочную группу и вернулась в Москву. Вся группа сделала то же самое спустя два дня.

26 октября Пугачева вышла на сцену Дворца спорта в Лужниках, чтобы выступить в концерте-«солянке», где, помимо нее, также выступали Людмила Зыкина, Геннадий Хазанов, Валерий Ободзинский, ВИА «Пламя» и др. Вот ведь парадокс: каких-нибудь пять лет назад Пугачева и Ободзинский выступали в одном коллективе – оркестре Олега Лундстрема, – и

тогда бесспорным фаворитом был Ободзинский, а Пугачева была всего лишь на подпевках. Теперь ситуация поменялась: большая часть публики пришла в Лужники послушать прежде всего Аллу Пугачеву, а Ободзинский, да и другие артисты выступали чуть ли не «довеском».

Ноябрь

7 ноября, в 18.15, по первой программе ЦТ показали традиционный «Голубой огонек». Среди двух десятков популярных исполнителей в нем фигурировала и Алла Пугачева. Впрочем, с недавних пор ее присутствие в подобного рода передачах стало традиционным – певица прочно заняла место в сонме эстрадных звезд Советского Союза.

В этот же день в газетах были напечатаны имена лауреатов Государственной премии СССР. В области киноискусства наград были удостоены создатели фильма «Ирония судьбы». И хотя среди них не было имени Аллы Пугачевой, однако ее лепта в этой победе тоже была значительной. Если по справедливости, вместе с композитором Михаэлом Таривердиевым, написавшим гениальную музыку, Госпремии должны были удостоиться и те, кто эти песни исполнил: Алла Пугачева и Сергей Никитин. Но, как тогда говорили, премия не резиновая.

9 ноября возобновились съемки фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). Правда, Пугачеву в тот день не снимали: обошлись съемкой фонов Москвы (съемки велись на Беговой улице). Зато на следующий день Пугачева на съемочной площадке объявилась: сняли ее проход по Кутузовскому проспекту. В этот же день сделали сведение музыки. Вечером Пугачева участвовала в концерте, посвященном Дню милиции, который проходил в Колонном зале Дома союзов.

11 ноября в Марфине пересняли эпизод с участием Пугачевой, который первоначально был снят в конце сентября. Пересъемка была вызвана браком пленки.

14–17 ноября съемки переместились в 4-й павильон «Мосфильма», где была построена декорация «квартира Валентина». Там были сняты эпизоды, где Стрельцова выясняет отношения со своим мужем, который ну никак не хочет понимать ее устремлений стать эстрадной звездой.

18 ноября группа перебазировалась на натуру – на Белорусский вокзал. Но подвела погода: с утра зарядил дождь со снегом, который продолжался весь день. Не наладилась погода и на следующий день. Однако, чтобы не простаивать, съемки решено было перенести под крышу: в ДК завода ЗИЛ с 8.30 до 18.30 снимали выступление Анны Стрельцовой на телевизионном конкурсе. Она исполнила песню, название которой стало потом названием фильма – «Женщина, которая поет». В съемках участвовали: Алла Пугачева, Николай Волков, Алексей Панькин и несколько десятков человек массовки, изображавшей зрителей.

Кстати, в эти же дни Пугачева приняла участие в настоящем телевизионном конкурсе – «С песней по жизни» (он проводился впервые), в котором она была членом жюри. Тогда же на ТВ она записала две песни: «**Волшебник-недоучка**» и «**Найди себе друга**».

22–23 ноября съемки «телевизионного конкурса» для фильма «Третья любовь» продолжились. Правда, теперь они проходили не на сцене ДК, а в 4-м павильоне киностудии «Мосфильм». Здесь уже вместе с Пугачевой снимались и ансамбль «Ритм», и оркестр «Современник». Была снята песня «Приезжай». **24-го** в столовой «Мосфильма» сняли эпизод с участием Аллы Пугачевой, Леонида Гарина (он был соавтором песни «Женщина, которая поет» и через три года погиб по нелепой случайности) и участников ансамбля «Ритм». **25-го** Пугачева со своим ансамблем перебралась в тон-ателье студии, где были записаны музыка и песни к фильму. Как зацепинские, так и ее собственные, выдаваемые за песни мифического композитора Бориса Горбоноса. Всего в фильме должно было звучать 9 песен: пять Александра Зацепина на стихи Леонида Дербенева («Да», «У той черты», «Песенка про меня», «Песенка

про эстраду», «Этот мир») и четыре Аллы Пугачевой («Приезжай», «Сонет Шекспира», «В роще калиновой», «Женщина, которая поет»).

Как мы помним, первоначально предполагалось, что песни Пугачевой (а Зацепин единственный из непосвященных знал, кому именно принадлежат эти песни) в фильме использованы не будут. Как вдруг в конце ноября композитор внезапно узнает, что ситуация изменилась. И хотя его песен в фильме было представлено больше, но он не пожелал терпеть рядом с собой присутствие композитора Аллы Пугачевой. Зацепин отправился к директору «Мосфильма» Сизову и заявил, что уходит из картины. Но Сизов буквально взмолился: «Александр Сергеевич, не губите! Вы же на студии 20 лет работаете и должны войти в наше положение. У нас одна картина уже закрылась. Если мы закроем и эту, нам сотрудникам зарплату будет нечем платить. К тому же этот Горбонос – парализованный юноша. Неужели вы не хотите ему помочь?» Зацепин поступил по-джентльменски: хоть и знал всю правду про Горбоноса, но Пугачеву не выдал. Из картины он не ушел, но дал зарок с Пугачевой больше дел никаких не иметь. Исходя из этого, он отказался предоставлять свою студию для записи финальной музыки к фильму, из-за чего эта запись и проходила на «Мосфильме». Срочную партитуру для оркестра подготовил руководитель ансамбля «Ритм» Александр Авиллов, который в те дни вместе со своей женой жил у Пугачевой. Поскольку квартирka была малогабаритная, гостям приходилось спать на полу: они раскладывали пуфики от дивана.

Когда разразился скандал с Зацепиным, Сизов отдал команду узнать конкретно, кто такой Борис Горбонос. Ведь «Мосфильм» был крупным государственным предприятием и не мог себе позволить дать промашку: а вдруг этот инвалид был каким-нибудь диссидентом? Разобраться с этим вопросом было поручено заместителю главного редактора студии Нине Глаголевой. Та вызвала к себе мужа Пугачевой Стефановича. «Ну, Саша, рассказывай, кто такой этот Горбонос?» – обратилась к нему Глаголева. Тот точь-в-точь повторил историю, которую уже рассказывала Пугачева: мол, юноша-инвалид, пишет замечательную музыку, живет в Люберцах. «С ним можно встретиться?» – спросила Глаголева. Стефанович похолодел: он-то думал, что одними расспросами все и закончится. «Можно, но...» – замялся режиссер. «Что но?» – «На предмет чего?» – «Как чего?! Мы хотим заключить с ним договор, ведь его песни будут звучать в нашем фильме», – объяснила Глаголева. «Давайте я сам с ним встречусь и все улажу», – нашел наконец что ответить Стефанович. На его счастье, Глаголева согласилась.

Далее режиссером и его женой была проведена очередная блестящая мистификация. Прихватив с собой фотографа Вячеслава Манешина и гримершу, четверка заперлась в кабинете художественного руководителя объединения музыкальных и комедийных фильмов (там работал Стефанович) и провела тайную фотосессию. Надев на Пугачеву свою рубашку, галстук и пиджак, Стефанович усадил ее за рояль. Гримерша наклеила на певицу усы, тем самым придав ей окончательно мужской вид. После этого фотограф щелкнул несколько раз фотоаппаратом. Эти фотографии на следующий день и были представлены Глаголевой. Она отнесла их Сизову. Тот сказал: «Симпатичный юноша» – и дал окончательное «добро» на использование его песен в фильме.

Но вернемся на съемочную площадку. **26 ноября** ею стала сцена учебного театра ГИТИСа: там снимали выступление Анны Стрельцовой и ее кордебалета. Съемки в ГИТИСе велись также **28–29 ноября**.

30 ноября работа опять переместилась в 4-й павильон «Мосфильма»: в декорации «квартира Валентина» сняли кульминацию в отношениях Стрельцовой с мужем: после того как супруг усомнился в ее таланте, она приняла решение уйти от него. Примирить супругов не удалось даже присутствовавшей при разрыве близкой подруге певицы Маше (Алла Будницкая).

Между тем в **ноябре** свет увидел очередной номер звукового журнала «Кругозор». В нем были помещены несколько гибких грампластинок, из которых выделю одну, поскольку она имеет непосредственное отношение к героине моего повествования – Алле Пугачевой. На

ней была помещена ее песня **«Женщина, которая поет»**. Другая половина пластинки была отдана Анне Герман, которая исполнила песню «Любви негромкие слова».

Декабрь

Продолжаются съемки фильма «Женщина, которая поет». **1 декабря** снимали на натуре: во дворе знаменитого «дома на набережной», что возле Театра эстрады, запечатлели на пленку короткий эпизод, где Анна Стрельцова вместе с мужем Валентином выходят из подъезда и беседуют во дворе. После съемки Пугачева уехала домой, а спустя несколько часов уже выступала на сцене Дворца спорта в Лужниках в сборном концерте, где, помимо нее, участвовали Владимир Винокур, Галина Улетова и др.

По воспоминаниям многих, Пугачева на съемках вела себя как полновластная хозяйка: во-первых, фильм был про нее, во-вторых, она имела непосредственное отношение к написанию многих сцен сценария и вмешивалась в ход съемок как соавтор. Порой на этой почве возникали разного рода конфликты. Вот как об этом вспоминает А. Будницкая:

«У нас на съемках случилась небольшая стычка с Аллой. В одном эпизоде мне очень захотелось прочесть стихи Ахматовой – в тот момент я увлекалась ее поэзией. «Это совершенно ни к чему!» – отрезала Алла. «А мне кажется, что здесь это будет к месту», – упрямилась я. Конечно, в итоге она оказалась права, но тогда мне было обидно – эпизод даже снимать не стали. В этот же день у Аллы проходил концерт. Я на него пошла, хотя в душе все еще очень обижалась на подругу. Но как только она запела, я тут же забыла о своей минутной обиде!..»

2 декабря в «Женщине...» снимали выступление Пугачевой на сцене Дворца культуры. И опять после съемок Пугачева уехала в Лужники на концерт. Два других дня певица была занята исключительно в концертах, а съемки в те дни не проводились. Они возобновятся **5 декабря**. В тот день в аэропорту Домодедово сняли эпизод отъезда Стрельцовой. В съемках участвовали: Пугачева, Волков и Исаев. Однако отснять удалось не много. В два часа дня Пугачева сослалась на плохое самочувствие и уехала домой. А утром следующего дня, как ни в чем не бывало, вновь вышла на съемочную площадку. Ею в тот день стал 4-й павильон «Мосфильма», где была построена декорация «репетиционный зал». Снимали эпизоды из начала фильма: на репетицию Стрельцовой и ее ансамбля приходит маститый поэт (Николай Волков). На следующий день съемки продолжились в той же декорации: сняли **«Песенку про эстраду»**. **8–9 декабря** состоялась запись фонограмм к фильму.

Затем у Пугачевой в съемках наступил перерыв, который она использовала для участия в одной из самых престижных телепередач – «Песня года». В отличие от предыдущего выпуска, который был весьма скуден на песни (всего 16 штук), на этот раз песен звучало гораздо больше – 30. И хотя подавляющая часть из них не имела прямого отношения к подлинным хитам (на которые приходят мешки писем), но прогресс был налицо – последний раз такое изобилие песен было отмечено в **1973 году**, когда в финальном выпуске прозвучало 33 произведения.

Для Пугачевой это выступление на «Песне года» было дебютным. Еще одной дебютанткой в том году была и Анна Герман, которая обрела популярность на несколько лет раньше. Но ее не брали из-за принадлежности к другой, пусть и социалистической стране. С Пугачевой дело обстояло иначе: ее туда не пускал сам председатель Гостелерадио Лапин, который считал певицу вульгарной. Однако чуть ли не с каждым месяцем популярность Пугачевой росла, и игнорировать ее так долго было уже невозможно. В финал она пробилась с двумя безусловными хитами: **«Не отрекаются, любя»** Марка Минкова и Вероники Тушновой и **«Волшебник-недоучка»** Александра Зацепина и Леонида Дербенева.

В эти же дни в том же Останкине проходили съемки новогоднего «Голубого огонька». Там Пугачева исполнила хит, которому суждено будет покорить не только Советский Союз, но и страны социалистического лагеря – **«Все могут короли»** Бориса Рычкова и Леонида

Дербенева. Правда, записывая его для «Огонька», Пугачева не была до конца уверена, что руководство Гостелерадио в самый последний момент не вырежет песню из эфира: уж больно смелым он казался. Под «королем» цензорам мог померещиться сам Брежнев.

12 декабря продолжились съемки фильма «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). В тот день съемочная группа вернулась в «репетиционный зал», а **13-го** перебралась в другую декорацию – «квартира Стрельцовой», где прошло ее освоение. Съемки там прошли **14–16 декабря**. Снимали следующие эпизоды: Стрельцова нянчит ребенка; коллеги забирают Стрельцову на гастроли, а ребенка оставляют на попечение одного из своих коллег (кстати, это реальная история из жизни Пугачевой: когда она в начале 70-х уезжала на гастроли, с ее Кристинкой нянчился Юрий Непомнящий). **19 декабря** вновь снимали «репетиционный зал».

17 декабря в «Московском комсомольце» появился очередной хит-парад «Звуковой дорожки» – лучшие песни прошлого месяца (**ноября**). В нем произошли значительные изменения. На первое место вместо «Родины моей» в исполнении Софии Ротару вырвалась хит от ВИА «Самоцветы» под названием «Все, что есть у меня» Вячеслава Добрынина. «Родина моя» переместилась на 2-е место. На 3-м разместился шлягер Раймонда Паулса «Последний лист» («Листья желтые»). Затем шли: «Из вагантов», «Белоруссия». Песня в исполнении **Аллы Пугачевой** «**Не отрекаются, любя**», которая в течение трех последних месяцев стабильно удерживала 3—4-е места, теперь опустилась на 6-ю строчку. А другой хит от Пугачевой – «**Волшебник-недоучка**» и вовсе вылетел из списка. Вместо него пришли другие песни: 7. «Ты мне не снишься» – «Синяя птица»; 8. «Старый рояль» – Группа Стаса Намина; 9. «Сентиментальная прогулка» – Сергей Беликов; 10. «За полчаса до весны» – «Песняры».

Помимо съемок, Пугачева в те дни выступает с концертами в Театре эстрады. Концерты шли восемь дней: с **13 по 20 декабря**. На всех представлениях был аншлаг.

20 декабря день Пугачевой сложился следующим образом: утром она приехала на «Мосфильм», где в 4-м павильоне снялась вместе с Николаем Волковым в декорации «квартира Стрельцовой». Отснявшись, она отправилась в Театр эстрады, чтобы провести на его сцене свой последний в том году концерт.

22 декабря состоялось последнее появление Пугачевой в том году на телевидении: песню в ее исполнении показали в концерте к Дню энергетика (18.45). Компанию ей в том концерте составили Майя Плисецкая, Нани Бреговдзе, Геннадий Хазанов, «Песняры», Клифф Ричард.

А съемки «Женщины...» продолжают. **21–23 декабря** Пугачева продолжила съемки в декорации «квартира Стрельцовой».

25 декабря, в 19.20 по московскому времени, по ЦТ была в очередной раз показана комедия Эльдара Рязанова «Ирония судьбы». С декабря предыдущего года это стало доброй традицией – показывать этот фильм накануне Нового года. И вновь, как и в прошлый раз, у голубых экранов собралось рекордное число зрителей: фильм смотрели практически во всех уголках необъятной страны. Смотрела его и Пугачева, которая имела самое непосредственное отношение к фильму. В который раз, слушая песни в своем исполнении, она вспомнила, в каких муках проходила их запись.

26 декабря в «Женщине...» начался монтажно-тонировочный период, однако шел он параллельно со съемками. **27-го** на Аэровокзале, что на Ленинградском шоссе, Пугачева снялась в очередном эпизоде с Николаем Волковым. **29-го** на «Мосфильме» сняли эпизод «шоу» с участием Анны Стрельцовой и ее кордебалета. Сразу после съемок их участники собрались на банкет, где бурно проводили уходящий год. Встретиться теперь им предстояло в следующем году.

Год закончился под песни Аллы Пугачевой. Началось все **30 декабря**, когда в 21.30 по московскому времени по ТВ показали фильм Павла Арсенова «Король-Олень», где Пугачева исполнила несколько песен за главную героиню ленты Анжелу. На следующий день состоялась

премьера 1-й серии телефильма «Фантазии Веснухина» (2-ю покажут на следующий день), где за кадром вновь звучал голос нашей героини – она исполнила 5 песен: «Голубой кот», «Колыбельная», «Куда уходит детство», «Найди себе друга», «Рисуйте, рисуйте» (все песни принадлежали перу тандема Александр Зацепин – Леонид Дербенев).

Новый год Алла Пугачева встречала со своими родителями и дочерью Кристиной. С последней тогда случился конфуз. Вот как она сама об этом вспоминает: «Знакомые мамы прислали под Новый год арбуз. В новогоднюю ночь я ходила вокруг арбуза кругами и ждала боя курантов. У меня слипались глаза, но я стойко ждала. Почти гипнотизировала взглядом то часы, то огромный арбуз, и дождалась! Раздался бой, мы разрезали подарок, я надкусила ломоть и... чуть не заплакала от обиды: арбуз оказался соленым!..»

1977

Песни из х/ф «Женщина, которая поет»:

- «Женщина, которая поет» (А. Пугачева, Л. Гарин – К. Кулиев, Н. Гребнев),
- «У черты» («Ты не стал судьбой») (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Не отрекаются, любя» (М. Минков – В. Тушинова),
- «Песенка про меня» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «О любви не говори» (Феркельман – Лабковский),
- «Про эстраду» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Этот мир» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «В рощи самшитовой» (А. Пугачева),
- «Да» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Сонет Шекспира» (А. Пугачева),
- «Приезжай» (А. Пугачева).

Песни из х/ф «Повар и певица»:

- «Если долго мучиться» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Мы не любим друг друга» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Лунная вода» (А. Зацепин – Л. Дербенев).

Песни из т/ф «Фантазии Веснухина»:

- «Куда уходит детство» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Найди себе друга» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Рисуйте, рисуйте» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Голубой кот» (А. Зацепин – Л. Дербенев),
- «Колыбельная» (А. Зацепин – Л. Дербенев).

Отдельные песни:

- «Ленинград» (А. Пугачева – О. Мандельштам).

1978

Январь

Спустя пять минут после наступления Нового года по ЦТ запустили новогодний «Огонек». Начался он традиционно: с патетической оды, которую мало кто смотрел. Ведь в эти минуты миллионы советских граждан еще допивали шампанское и налегали на салат «оливье». Все знали: самое интересное в «Огоньке» начнется ближе к половине первого ночи. Так оно и вышло: после нескольких оперных арий и сцен из балетов сплошным косяком пошли выступления звезд отечественной эстрады. Выступали: Эдита Пьеха, Лев Лещенко, София Ротару, Михаил Боярский, Татьяна Доронина, ансамбль «Апельсин», Алла Пугачева. Последняя в ту ночь исполнила новый шлягер – песню Бориса Рычкова и Леонида Дербенева **«Все могут короли»** (а также песню **«Друг друга мы нашли»** Александра Зацепина и Леонида Дербенева).

Как мы помним, до последнего момента у авторов «Королей» не было уверенности, что ее в самый последний момент не вырежут из эфира, сочтя крамольной: ведь в короле Луи люди могли разглядеть Брежнева. Сама Пугачева следила за «Огоньком» из подмосковного ресторана «Арлекино», куда она приехала вместе со своим гражданским мужем Александром Стефановичем. Зал ресторана был забит, что называется, под завязку, гости от души пили и веселились. Пугачева спела с эстрады несколько новых песен, однако большую часть времени провела вместе с мужем у маленького черно-белого телевизора, который обнаружился на кухне ресторана. Тамошние повара долго не могли взять в толк, зачем это Пугачева вперилась в маленький экранчик телевизора и так нетерпеливо чего-то ждет. Загадка вскоре раскрылась: едва в эфире зазвучала песня «Все могут короли», Пугачева с мужем радостно зааплодировали в ладоши.

Сразу после «Огонька» был показан концерт Ленинградского мюзик-холла (правда, без его главного солиста Сергея Захарова, который в это время отбывал срок), после чего эстафету подхватили «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» с участием Карела Готта, Клиффа Ричарда, Сдиславы Сосницкой и других звезд заграничной эстрады. Однако Пугачева со Стефановичем этого уже не видели: сразу после окончания «Огонька» они отправились в Переделкино, на дачу друга детства Стефановича известного фотографа Валерия Плотникова. Он тогда был женат на дочери писателя Льва Кассиля, поэтому и обретался в писательской вотчине. Там Стефанович уговорил своего друга сделать несколько фотографий Пугачевой, которые совпали бы с ее сценическим образом. Эти снимки затем будут распахиваться куда только возможно: в газеты, журналы и даже на пластиковые сумки для покупок. Однако на обложку первого пугачевского диска «Зеркало души», который уже был отпечатан на «Мелодии» и готовился к поступлению в продажу, попала фотография другого фотографа – Вячеслава Манешина. Вышло это случайно.

Стефанович заехал на «Мелодию», чтобы узнать, как идут дела с диском, и увидел на сигнальном экземпляре безыскусную фотографию певицы в сарафане. И уговорил Пугачеву написать письмо протеста руководству фирмы грамзаписи. В итоге те вынуждены были приостановить печать пластинки, чтобы заменить фотографию на обложке. Кстати, создавалась она оригинально: Пугачева распустила волосы, Стефанович положил ее животом на стол, схватил за ноги, а Манешин лег на пол и снизу фотографировал певицу, словно парящую в небе.

Поскольку на одну пластинку все новые песни Пугачевой не уместились, первый альбом певицы сделали двойным. Первый назывался **«Зеркало души»**, второй – **«Арлекино и другие»**. О песнях, которые звучали на этих дисках, разговор пойдет ниже.

Вечером **1 января** по ЦТ была показана финальная «Песня года», где **ВПЕРВЫЕ** нашлось место и для Аллы Пугачевой. Как мы помним, она исполнила две песни: «**Не отрекаются, любя**» и «**Волшебник-недоучка**».

2 января в «Женщине, которая поет» прошла запись музыки. А два дня спустя возобновились съемки. В тот день на «Мосфильме» сняли эпизод, где Анна Стрельцова (Алла Пугачева) участвует в искрометном шоу. Партнером Пугачевой по этой сцене впервые стал популярный танцор Владимир Шубарин. Встреча с певицей настолько потрясла танцора, что он... Впрочем, почитаем лучше рассказ его супруги Галины Шубариной:

«Володя и Алла практически не пересекались на съемках. Только в сцене, где поют вместе. Он вошел на площадку, а она ему с ходу: «Может, ты хоть им скажешь, что петь надо так, как я хочу?» Он предложил спеть вместе. Спел выше ее и фактически ее вытянул. После съемок Пугачева устроила банкет. И Володя вместе со всеми там надрался. А я не выносила, когда он выпивал и пьяный садился за руль. Его допоздна не было. Тут звонок в дверь – на пороге стоят поддатые Пугачева и Алла Будницкая. Пугачева говорит: «Галь, мы заехали, Володя там машину закрывает». Я ей: «В принципе, я гостей не ждала. Ну раз уж пришли – садитесь». Алла боком вошла в квартиру, и тут Володя поднимается веселенький. Я его отвела в другую комнату и устроила выволочку за то, что пьяный за руль сел. «Ну, я на радостях, что с Пугачихой спел!» – оправдывался он. Будницкая и Орлов жили в соседнем с нами доме, и Будницкая позвонила своей маме: «Мы сейчас придем». Мне, если честно, не хотелось, чтобы веселье у меня в квартире продолжалось. Поэтому я спокойно пошла с ними гулять к Алле. Позже Пугачева возмущалась: «Да все за счастье почитают, если я к ним в гости приду, а она меня из своего дома выставила!» Потом мы с ней помирились...»

5–6 января съемки «шоу» продолжились с теми же участниками. А потом над фильмом сгустились первые тучи. Вышло это совершенно неожиданно. **8 января** в «Труде» вышло интервью Аллы Пугачевой, где она, помимо прочего, рассказала и о съемках фильма «Женщина, которая поет». Вот ее слова:

«С тех пор, как я стала петь в кино, я все время хотела выйти из-за кадра и войти в кадр, самой не только петь, но и играть. Эта мечта сбылась – теперь я снимаюсь в фильме «Женщина, которая поет»... Фильм музыкальный, я играю певицу, можно сказать, саму себя, но в фильме меня зовут не Алла Пугачева, а Анна Стрельцова. Это фильм о взлете певицы на эстраде, о том, как удачи на сцене приводят к неудачам в личной жизни. Героиня фильма – обыкновенная женщина со своими горестями и радостями, но в то же время она не просто женщина – она женщина, которая поет. Вот такой фильм».

Стоит отметить, что до этого в прессе уже были публикации, касающиеся съемок этого фильма. Например, в начале **декабря** в «Московском комсомольце» был помещен целый репортаж со съемочной площадки. Однако «Комсомолец» был газетой сугубо молодежной, а вот профсоюзный «Труд» относился к более солидным изданиям, которое «верха» читали в обязательном порядке (наравне с «Правдой», «Известиями», «Советской Россией» и т. д.). Поэтому многие высокие начальники узнали о том, что Алла Пугачева снимается не просто в кино, а в главной роли и на главной киностудии страны, только из «Труда». И были глубоко возмущены этим фактом, поскольку относились к тому, что делала Пугачева на сцене, отрицательно.

В понимании таких людей советский артист должен был демонстрировать предельные эмоции исключительно в одном случае: когда объяснялся в любви к своей Родине. В иных случаях эти эмоции должны были быть приглушены. Однако на дворе уже были иные времена: конец 70-х. К тому времени в жизнь входило иное поколение – не столько более эмоциональное, сколько более нервное и возбудимое, чем их предшественники. И оно относилось к тому пафосу, который присутствовал в советской официальной идеологии, уже не столь снисходительно – оно откровенно его презирало и по возможности старалось избегать. Алла Пугачева

была именно из этого нового поколения: нервного и аполитичного. Отсюда и ее «неправильное» поведение на сцене и полное отсутствие гражданственно-патриотических песен в репертуаре.

Поскольку именно Алла Пугачева была одним из ярких представителей этого нового поколения, интерес к ее творчеству рос в обществе стремительно. Причем у нее была масса сочувствующих как в самих «верхах», так и около них, например, на том же телевидении. Там ее песни крутили во многих передачах, правда, чаще всего это были развлекательные произведения: тот же **«Волшебник-недоучка»** или **«Хорошо»**.

В конце 70-х к огромной армии поклонников певицы добавились и кинематографисты. И именно интерес к певице последних сильнее всего напугал определенных людей во власти. Ведь кино в СССР считалось не только самым массовым искусством (в год советские кинотеатры посещали примерно 4 миллиарда (!) человек), но и самым действенным орудием пропаганды. И вот теперь получалось, что это орудие будет пропагандировать Аллу Пугачеву. Однако остановить этот процесс было невозможно – фильм к тому времени уже практически закончили. В итоге единственное, что попытались сделать противники ленты, – отдали распоряжение Госкино усилить контроль на стадии ее выпуска на экран.

В пятницу, **13 января**, в Свердловском зале Кремля состоялось вручение Государственных премий СССР. Среди награжденных были создатели фильма **«Ирония судьбы»**: режиссер Эльдар Рязанов, композитор Микаэл Таривердиев, актеры Андрей Мягков и Барбара Брыльска.

Тем временем в **«Женщина, которая поет»** в самом разгаре монтажно-тонировочный период. Пугачева в нем пока не участвует – у нее очередные гастроли. На этот раз она уехала в Киев, где должна была выступить еще в ноябре, но из-за занятости в съемках фильма вынуждена была перенести концерты. Кстати, билеты на них были полностью раскуплены тогда же, в ноябре, и ни один не возвращен – люди надеялись, что встреча с любимой артисткой все-таки состоится. И не ошиблись.

Те концерты Пугачева, как всегда, отыграла на большом эмоциональном накале. Может быть, даже больше, чем в других случаях. За что и поплатилась. По установке «сверху» по ней был дан залп из критических орудий. В киевском издании под названием **«Рабочая газета»** была помещена большая статья про эти выступления под характерным заголовком **«Если долго мучиться...»**. Статья была выдержана не в привычном зубодробительном тоне, а как бы в поучительном: дескать, что же вы, такая талантливая, и так себя ведете? Хотя нельзя исключать варианта, что автором публикации – журналисткой Л. Петровой – действительно двигали хорошие чувства. Впрочем, лучше послушать ее саму.

«Певица Алла Пугачева может нравиться или не нравиться, но равнодушными не оставляет – в этом со мною, наверное, согласятся все, – пишет Л. Петрова. – Вполне вероятно, что желающих попасть на концерты, где ей принадлежит целое отделение, было хоть отбавляй. Действительно, одно дело песню услышать по радио, по телевидению, а другое – лично присутствовать при том, как певица создает номер, как она, преображаясь, входит в образ, увлекая огромный зал за собой.

Нет, мы не обманулись. Все это было. Были и аплодисменты, и цветы. Легко и непринужденно обращается Алла Пугачева к зрителям, затрагивая самые разнообразные темы...

Но... Если все так хорошо, то почему же меня охватывает это неприятное чувство неловкости за актрису? Во всей этой легкости и непринужденности уж очень много «чересчур», какого-то нарочитого желанья заинтриговать и подчеркнуть: **«Я не такая, как все»**. А где начинается нарочитость, там кончается искренность и душевность – то есть то, к чему, по словам самой певицы, она стремится.

– Ах, как ты красив, – говорит она парню из первого ряда. – Тебя как зовут? Гена? Будешь вдохновлять!

Примем это милое заигрывание с залом. Но зря она так старательно доказывает нам свое право на свой экстравагантный костюм – мы и в нем ее любим.

Глядя, как красивая тетя так нелепо ведет себя на сцене и даже валяется по полу, исполняя их любимую песенку «Волшебник – недоучка», дети (а их много в зале) недоумевают. Да и многие взрослые тоже.

И уж совсем странно поступает певица, когда в конце незатейливой лирической песенки с припевом «Если долго мучиться, что-нибудь получится» кричит одному из музыкантов: «Софрон, давай!» – и смачно провозит Софрона физиономией по электрооргану.

Алла Борисовна, дорогая, да за что же вы так с бедным Софроном, с нами, любящими вас зрителями, и с собой поступаете?

Зачем вам, талантливой актрисе, это дешевое трюкачество, эти вызывающие жесты? Правда, мне приходилось как-то слышать от одного знатока эстрады, что эстрадный артист должен зрителя поразить, заинтриговать, даже раздражить и вообще эпатировать.

Я с этим не согласна. Таковую позицию еще можно простить бесталанному – ему нечем «бравать» публику. Но для настоящего артиста – это не путь к успеху.

Мне кажется, в душе и сама Алла Пугачева чувствует это свое «чересчур». Иначе зачем ей так упорно доказывать во время выступления и во многих интервью, что зря некоторые зрители упрекают ее в вульгарной манере исполнения, что на самом деле она стремится не к вульгарности, а к свободе и раскованности общения...

У Аллы Пугачевой есть все – и голос, и талант, и сценическое обаяние. И ни к чему ей изменяться...

В заключение скажу: концерт мне все-таки понравился. Да, понравился. Хоть и хотелось бы мне, говоря о нем, обойтись без этого «все-таки». Да и не только мне. Потому и пишу».

Чтобы соблюсти принцип справедливости, стоит выслушать и противоположную сторону. Вот как эти же события описывает еще один непосредственный участник тех событий – руководитель ансамбля «Ритм» Александр Авилов:

«Про Пугачеву вечно писали черт знает что! Ведь любой факт можно перевернуть с ног на голову. Был у нас случай на гастролях в Киеве. В конце песни «Если долго мучиться» наш органист сделал такую фитюльку: положил руки на орган и несколько последних тактов проиграл носом. На том же концерте в первых рядах расплакался маленький ребенок. Родители ничего не могли с ним сделать. «Симпатюлочка мой, – обратилась к нему со сцены Алла. – Сиди тихо, будешь меня вдохновлять». И на следующей песне ребенок замолчал. А потом Алле прислали из Киева местную партийную газету. В ней была разгромная статья о том, что Пугачева, мол, разнузданно вела себя на сцене, тыкала пианиста лицом в рояль, а молодому человеку из первого ряда сказала: «Сиди здесь, красавчик, будешь меня вдохновлять». Полный бред!..»

В те же дни серьезный скандал разразился вокруг хит-парада «Звуковой дорожки» в газете «Московский комсомолец». Поводом к нему стал номер от **21 января**, где был опубликован очередной хит-парад лучших песен месяца. На 1-м месте в нем продолжала находиться песня Вячеслава Добрынина и Леонида Дербенева «Все, что есть у меня» в исполнении ВИА «Самоцветы». На эту строчку песня вырвалась еще в **декабре**, но скандал разразился только месяц спустя. Какая-то большая «шишка» из московского горкома партии случайно взяла в руки «МК», увидела этот хит-парад и чуть со стула не рухнула. Как это так: песня какого-то Добрынина, который даже в членах Союза композиторов не состоит, занимает 1-е место, а песня члена этого Союза Александры Пахмутовой «Белоруссия» (прекрасная, кстати, песня) ютится аж на 7-м месте. Короче, «шишка» распорядилась с этим делом разобраться.

Разборки назначили на следующий день. В горком вызвали главного редактора «МК» и вставили такой пистон, что он вернулся в редакцию весь зеленый от злости. Тут же вызвал к себе ведущего «Звуковой дорожки» Юрия Филинова и потребовал объяснений. Тот ответил честно: дескать, как люди написали в своих письмах, так мы хит-парад и составили. Главред: ты

что, дурак, что ли?! У тебя голова есть на плечах или нет? При чем здесь письма, самому надо соображать, какие песни на какие места ставить. В итоге Филинова поставили перед фактом: еще один такой прокол – и он вылетит с работы к чертовой матери.

Полностью крамольный хит-парад выглядел следующим образом: 1. «Все, что есть у меня» (В. Добрынин – Л. Дербенев) – «Самоцветы»; 2. «Последний лист» (Р. Паулс – Петерс, И. Шаферан) – Н. Бумбиере и В. Лапченко, М. Вилчане и О. Гринберг; 3. «Родина моя» (Д. Тухманов – Р. Рождественский) – София Ротару; 4. «Из вагантов» (Д. Тухманов) – Игорь Иванов; 5. «**Не отрекаются, любя**» (М. Минков – В. Тушнова) – Алла Пугачева; 6. «Ты мне не снишься» (В. Добрынин – М. Рябинин) – «Синяя птица»; 7. «Белоруссия» (А. Пахмутова – Н. Добронравов); 8. «Как молоды мы были» (А. Пахмутова – Н. Добронравов) – Александр Градский; 9. «Старый рояль» (А. Слизунов, К. Никольский – В. Солдатов) – Группа Стаса Намина; 10. «Крик птицы» (В. Мулявин – Ю. Рябчинский) – «Песняры».

Февраль

В начале **февраля** Пугачева отправилась в Киев, где в рамках гастролей артистов Московской эстрады выступила в сборном концерте. Она исполняла три песни: «**Сонет Шекспира**», «**Волшебник-недоучка**» и «**Если долго мучиться**».

11 февраля в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен «Звуковой дорожки». **Февральский** хит-парад существенно отличался от предыдущего. Так, теперь на 1-е место вышла песня Марка Минкова и Вероники Тушновой «**Не отрекаются, любя**» в исполнении **Аллы Пугачевой**. Зато на 2-е место переместилось произведение «обиженной» в прошлый раз Александры Пахмутовой и ее супруга Николая Добронравова «Как молоды мы были» (Александр Градский). Третью строчку заняла песня «Последний лист» (Р. Паулс, Я. Петерс, И. Шаферан), а возмутительница спокойствия песня Вячеслава Добрынина и Леонида Дербенева «Все, что есть у меня» («Самоцветы») скромно притулилась на 4-й позиции.

Далее места распределились следующим образом: 5. Крик птицы (В. Мулявин – Ю. Рябчинский) – «Песняры»; 6. «**Все могут короли**» (Б. Рычков – Л. Дербенев) – Алла Пугачева; 7. «Вероника» (И. Лученок – Богданович) – «Песняры»; 8. «Остановите музыку» (Д. Тухманов – В. Харитонов) – Тынис Мяги; 9. «Родина моя» (Д. Тухманов – Р. Рождественский) – София Ротару; 10. «Старый рояль» (А. Слизунов, К. Никольский – В. Солдатов) – Группа Стаса Намина.

13 февраля Алла Пугачева вновь вернулась к работе над фильмом «Женщина, которая поет»: в тот день в тон-ателье № 1 «Мосфильма» она начала озвучание своей роли (она работала в паре с Аллой Будницкой). «Озвучка» продолжалась до **15 февраля**.

В тот же день из-под пера Пугачевой на свет родился документ, который вбил последний гвоздь в крышку гроба, где было похоронено творческое содружество певицы и композитора Александра Зацепина. В этом документе, направленном на имя главного редактора музыкальной редакции «Мосфильма» Е. Птичкина и режиссера фильма А. Орлова, Пугачева писала следующее:

«1. В к/к «Третья любовь» используются четыре написанные мной песни. Эти произведения зарегистрированы в ВААП под моим псевдонимом «Борис Горбонос». Кроме того, в фильме используются песни, написанные А. Зацепиным.

На основе законов об авторских правах, действующих в СССР; учитывая, что в интересах производства картины я выполнила беспрецедентное требование А. Зацепина о раскрытии моего псевдонима; чтобы определить в документе вклад каждого из нас в создание песен для фильма и исключить возможность конфликтов в будущем, прошу включить в титры картины

«Третья любовь» титр, строго разграничивающий работу, выполненную мной, от работы А. Зацепина... (Далее Пугачева перечисляет четыре свои и шесть зацепинских песен.)

...Я даю согласие на использование моих песен в фильме только при условии, что моя работа и работа А. Зацепина будет разделена специальным титром...

2. Учитывая, что А. Зацепин, ранее взявший на себя обязательство по созданию фоновой музыки, несколько раз то «давал», то «забирал» назад свое разрешение на использование моих песен в фильме, выставляя все новые и новые условия; учитывая также то, что в окончательный монтаж фильма вошли мои песни, я полагаю, что наступило время заключить со мной договор на использование моих песен для фильма.

Это исключит возможность конфликтов между съемочной группой и А. Зацепиным в будущем, так как опыт работы показывает, что установленная договоренность с А. Зацепиным непрочна и наши взаимоотношения по созданию песен для фильма должны быть оформлены юридически...»

16 февраля Пугачева снова была на «Мосфильме»: там прошла досъемка новых эпизодов для фильма, которые съемочную группу вынудил сделать худсовет. Снимали сцены с участием Анны Стрельцовой и ее мужа Валентина. **21 февраля** была сделана досъемка еще нескольких эпизодов.

В этом же месяце в продажу поступил дебютный двойной альбом **Аллы Пугачевой** под названием «**Зеркало души**». В первую пластинку (она называлась «Зеркало души – 1») вошли следующие песни: «**Бубен шамана**» (А. Зацепин – Л. Дербенев), «**Верю в тебя**» (А. Зацепин – О. Гаджикасимов), «**Сонет Шекспира**» (Б. Горбонос – В. Шекспир), «**Приезжай**» (Б. Горбонос), «**Не отрекаются, любя**» (М. Минков – В. Тушнова), «**Песенка про меня**» (А. Зацепин – Л. Дербенев), «**Женщина, которая поет**» (Б. Горбонос, Л. Гарин – К. Кулиев); во вторую («Зеркало души – 2»): «**Все могут короли**» (Б. Рычков – Л. Дербенев), «**Куда уходит детство**» (А. Зацепин – Л. Дербенев, из х/ф «Фантазии Веснухина»), «**Волшебник-недоучка**», «**Полно вокруг мудрецов**» (обе – А. Зацепин – Л. Дербенев, из х/ф «Отважный Ширак»), «**Мы не любим друг друга**», «**Если долго мучиться**» (обе – А. Зацепин – Л. Дербенев, из х/ф «Повар и певица»), «**До свидания, лето**», «**Любовь одна виновата**» (обе – А. Зацепин – Л. Дербенев, из х/ф «Центровой из поднебесья»), «**Найди себе друга**» (А. Зацепин – Л. Дербенев, из х/ф «Фантазии Веснухина»).

В феврале вышел еще один диск-гигант, где звучал голос Аллы Пугачевой. Речь идет о пластинке, где были собраны 9 лучших песен разных авторов. На диске звучали: «За полчаса до весны» (О. Фельцман – Н. Олев) – «Песняры»; «Желтый лист» (Р. Паулс – Я. Петерс, И. Шаферан) – Галина Бовина и Владислав Лынковский; «Как молоды мы были» (А. Пахмутова – Н. Добронравов) – Александр Градский; «**Все могут короли**» (**Б. Рычков – Л. Дербенев – Алла Пугачева**); «Соловьиная роща» (Д. Тухманов – А. Поперечный) – ВИА «Красные маки»; «Всегда и снова» (М. Фрадкин – Е. Долматовский) – ВИА «Поющие сердца»; «Мольба» (А. Журбин – И. Резник) – Ирина Понаровская; «Твои следы» (А. Бабаджанян – Е. Евтушенко) – София Ротару; «Все, что есть у меня» (В. Добрынин – Л. Дербенев) – ВИА «Самоцветы».

Март

В среду, **1 марта**, генеральная дирекция «Мосфильма» принимала фильм «Третья любовь» («Женщина, которая поет»). Главная виновница происходящего Алла Пугачева тоже здесь была и волновалась не меньше других. Но волнения оказались напрасными: генеральный хоть и соорудил пару-тройку раз недовольную мину, в целом остался доволен увиденным. Да и что ему оставалось делать: фильм был уже закончен, и надо было поскорее снимать с него «пенки». Как говорится, с плохой овцы хоть шерсти клок. Но интрига на этом не закончилась, о чем речь еще пойдет впереди.

Вечером **8 марта** по ЦТ транслировали праздничный вечер в Останкине. Среди его участников было множество звезд советской эстрады, в том числе и Алла Пугачева. Она исполнила одну из своих новых песен – «**Не привыкай ко мне**» (А. Журбин – Ромм), однако многомиллионную публику Пугачева поразила не этим – наверное, впервые за долгое время она выступала в обыкновенном платье, вместо столь привычного балахона от Вячеслава Зайцева. На следующий день чуть ли не все женское население страны только и делало, что обсуждало новый наряд артистки.

У Пугачевой платье было не самое эффектное, но на фоне балахона, в котором она чаще всего появлялась на голубом экране, выглядело просто чудом. Самое интересное, но сама Пугачева к своей обновке отнеслась без должного пиетета и уже в следующем своем тэвэшном выступлении вновь облачилась в балахон, который очень любила, – он помогал ей создавать на сцене образы ее песен. Но многие зрители этого не понимали. Один из них в своем письме на имя певицы даже напишет: «Вам самой-то не стыдно выступать в таком балахоне? Был у Вас какой-то проблеск, когда Вы выступали 8 марта в Останкино, но Вы снова взяли за старое. Неужели Вам самой не хочется нравиться не только голосом, но и внешностью? У кого ни спросишь, все говорят – Пугачева прекрасная певица, ее можно поставить на один уровень с выдающимися мастерами мировой эстрады. Но вот насчет внешности всегда слышишь отрицательный ответ. Неужели так трудно сшить нормальное платье с рукавами, а не брать пестрый кусок материала и прорезать в нем дыру для головы? Другие могут скрывать под таким платьем свои физические недостатки – а у Вас же очень красивые руки и фигура...»

10 марта фильм «Третья любовь» («Женщина, которая поет») отвезли в Госкино СССР, а три дня спустя в тамошнем просмотровом зале с ним лично познакомился глава ведомства Филипп Ермаш. В отличие от руководителя «Мосфильма» он недовольно кряхтел куда больше, но когда в зале наконец зажегся свет, сказал: «Ну что ж, не шедевр, конечно, но и не дерьмо последнее. Бывает и похуже. Правда, название надо поменять. Что значит «Третья любовь»? Пусть уж лучше будет «Женщина, которая поет».

Кстати, практически весь съемочный период вся киностудия потешалась над этим названием – «Третья любовь». Но больше всех это забавляло Пугачеву. Каждый раз, когда она звонила режиссеру фильма по телефону, свой разговор она начинала с коронной фразы: «Алло, это сто тридцать шестая любовь? Или сто тридцать седьмая?» Так что изменение названия в группе было встречено если не с ликованием, то с радостью, это точно. Но это была чуть ли не единственная радость киношников.

16 марта фильм смотрели в Главной сценарно-редакционной коллегии Госкино СССР и, в отличие от Ермаша, остались крайне недовольны увиденным. Свои претензии участники просмотра зафиксировали документально. Цитирую:

«Фильм сделан на низком художественном уровне, режиссура его крайне примитивна, что сказалось на общей стилистике фильма, подборе актерского ансамбля, работе с исполнительницей главной роли – актрисой А. Пугачевой, чьи творческие возможности использованы плохо. Музыкальное решение фильма бледно и не отражает масштабы незаурядного дарования этой популярной певицы. В фильме допущены серьезные отступления от сценария...»

Высокая комиссия вынесла свой вердикт: в фильм должны быть внесены существенные правки, некоторые сцены необходимо доснять. Режиссеру не оставалось ничего иного, как согласиться с этим решением. Новый срок сдачи фильма был определен **24 мая**.

19 марта в «Комсомольской правде» были подведены итоги опроса на лучшие фильмы прошедшего года. В адрес редакции пришло 84 тысячи писем со всех концов страны, на основе которых и были выявлены лидеры отечественного проката. Бесспорным победителем из 140 картин, выпущенных на экраны Союза в **1977 году**, стала лента Станислава Ростоцкого «Белый Бим Черное ухо», вторую строчку в списке лидеров занял фильм Владимира Меньшова «Розыгрыш», третью – «Несовершеннолетние» Владимира Рогового. В десятку победи-

телей также вошли: «Безотцовщина», «Легенда о Тиле», «Аты-баты, шли солдаты...», «Мелодии белой ночи» и «Центровой из поднебесья».

Последний фильм угодил в десятку лучших не без помощи двух людей, которые на тот момент находились в жутких контрах друг с другом. Речь идет об Александре Зацепине и Алле Пугачевой: один написал две прекрасные песни (на стихи Леонида Дербенева) – «**До свидания, лето**» и «**Любовь одна виновата**», другая их исполнила. Хитрые прокатчики использовали ловкий трюк: на афишах к фильму они крупными буквами выводили: «Песни исполняет Алла Пугачева». И народ шел на, в общем-то, вполне заурядную картину про юных баскетболистов рядами и колоннами. В итоге в прокате фильм собрал 17 миллионов 800 тысяч зрителей.

В тот же день в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен (за **февраль**). Львиная доля шлягеров переключалась в него из **январского** списка: так, песня «**Не отрекаются, любя**» в исполнении **Аллы Пугачевой** по-прежнему занимала в нем 5-е место. На 1-м месте стоял забойный «медляк» от Давида Тухманова и Владимира Харитоновича «Остановите музыку», на 7-е место угодила песня Александры Пахмутовой и Николая Добрынина «Беловежская пуца» в исполнении «Песняров», а замыкала хит-парад (10-е место) душщипательная песня про неразделенную любовь Вячеслава Добрынина, Леонида Дербенева и Игоря Шаферана «Горько» в исполнении ВИА «Синяя птица».

Апрель

Вокруг фильма «Женщина, которая поет» продолжают бушевать страсти. Как мы помним, в предыдущем месяце фильм не был принят в Госкино и отправлен на доработку. Режиссер Александр Орлов, что называется, в поте лица трудился над поправками, однако и они не удовлетворили руководство. **4 апреля** приказом по «Мосфильму» Орлову за нерасторопность был объявлен выговор и снижен размер его постановочного вознаграждения на 20 %. Срок сдачи фильма был снова продлен.

Среди новых претензий к фильму звучал и такой: дескать, в нем слишком много Пугачевой и мало народа, простых зрителей. Этот недостаток требовалось устранить. Но как? Тогда директор «Мосфильма» Николай Сизов придумал такой ход: он отправил Орлова в Тольятти, где в те дни гастролировала Пугачева, и приказал ему снять зрителей там. «Тольятти – город рабочий, а представители рабочего класса нам в фильме не помешают», – напутствовал директор режиссера. Съёмочная группа работала на двух концертах Пугачевой в Тольятти (в 5-тысячном Дворце спорта) **6–7 апреля**.

На этих же гастролях оказался и композитор Эдуард Ханок, песни которого звучали в репертуаре Пугачевой. Он вспоминает:

«Мы работали над песней «То ли еще будет» и уже назначили день записи. Я собрал музыкантов, оплатил студию – сидим, ждем. А Алла забыла о записи и не явилась! После этого уехала на гастроли в Тольятти и неожиданно вызвала туда меня. Встретили меня просто по-королевски, поселили в шикарном номере. А тут и она приехала с концерта. Я рванул к ней. Она меня сразу остудила – взглядом, отношением. Молча так посмотрела, что я отскочил, как ошпаренный. Больше я к ней не подходил, и никаких репетиций, естественно, не было.

Уже перед окончанием гастролей я зашел к ней в номер. Она приехала с какого-то приема и была настроена очень благодушно. На столе лежало огромное по тем временам количество денег – сиреневые двадцатипятирублевки. Вдруг Алла поворачивается ко мне и спрашивает: «Ханок, ты сколько дней уже здесь?» Я отвечаю: «Семь!» Она говорит: «У нас в коллективе рабочий день стоит 25 рублей». С этими словами берет со стола деньги и отсчитывает мне семь бумажек по двадцать пять...»

Этот эпизод хорошо демонстрирует то, как изменилось материальное положение Аллы Пугачевой за каких-нибудь семь-восемь лет. Если в начале 70-х она была малооплачиваемой артисткой, получавшей всего 7 рублей за концерт, то теперь, что называется, «купалась в деньгах». Поэтому смешно слышать сегодня расхожую басню о том, что, дескать, советская власть недоплачивала поп-звездам. Да, с нынешним «денежным развратом» то время, конечно, не сравнить. Однако по советским меркам эстрадные звезды получали большие гонорары. Достаточно привести лишь несколько примеров. Об Алле Пугачевой мы уже говорили, поэтому послушаем других.

Александр Градский: «Начиная с **1975 года** я был одним из, может быть, двух-трех самых высокооплачиваемых артистов во Дворцах спорта. Мне платили 400–500 рублей за концерт (средняя зарплата в СССР тогда равнялась 130–150 рублям, причем цены на товары были довольно низкие. – Ф. Р.). Я получал полторы тысячи рублей в день за три двухчасовых концерта в трехоктавном диапазоне...»

Игорь Гранов (руководитель вокально-инструментального ансамбля «Голубые гитары»): «Грех жаловаться – зарабатывали мы по советским меркам очень и очень прилично. Я до сих пор внутренне возмущаюсь, когда заводят разговоры про партийную власть, что всех она душила и «не пустила»... Да не было этого! Мы и зарабатывали, и жили хорошо, и за границу ездили. Да, за такую жизнь надо было бороться, но нужно было немного головой думать...»

Но вернемся к Алле Пугачевой.

Приехав с гастролей в Москву, она узнала последние подробности баталий вокруг фильма «Женщина, которая поет» и **13 апреля** села писать письмо главному редактору ГСРК Далию Орлову. В нем сообщалось:

«Я полностью согласна с той оценкой, которую Вы и Госкино СССР дали фильму. Все опасения, которые я высказывала Вам перед запуском картины, в сожалению, оправдались.

На мой взгляд, необходимо кардинально переделать фильм и прежде всего:

1) Убрать или значительно сократить эпизоды, художественное решение которых отдает «пошлостью» (шоу, репетиция шоу, телеинтервью);

2) найти пристойное драматургическое решение взаимоотношений героини фильма с мужем и Андреем, учитывая хотя бы фактуру актеров, снимавшихся в этих ролях (или переснять эти роли с другими актерами);

3) включить в фильм еще одну или две веселые песни, чтобы в музыкальном материале не возникало ощущение монотонности.

Есть у меня и другие предложения, но это главное.

Так как «Мосфильм» поручает переделывать фильм тем же автору и режиссеру, которые уже сняли один печально известный вариант, я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой взять под свой личный контроль их предложения по переделке. Новые съемки выбивают меня из графика моей основной работы на эстраде, и я бы хотела использовать свое время действительно на дело».

В день рождения Пугачевой – в субботу, **15 апреля** – в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад «Звуковой дорожки» (за **март**). Первое место в нем продолжал удерживать «медляк» Давида Тухманова «Остановите музыку». Единственной новинкой хит-парада была песня Стаса Намина и Владимира Харитоновца «Рано прощаться» в исполнении Группы Стаса Намина. Несмотря на то что песня была очень популярна на всех танцплощадках огромной страны, она почему-то скромно притулилась на последнем, 10-м, месте упомянутого хит-парада. Песня в исполнении **Аллы Пугачевой** «**Не отрекаются, любя**» продолжала удерживать позицию в середине списка. Здесь же был и другой ее хит – «**Все могут короли**». Это был не самый плохой подарок для певицы, которой в тот день исполнилось 29 лет. Дата не круглая, но отмечена была с большой помпой. Вот как об этом событии

вспоминает дочка именинницы Кристина Орбакайте, для которой этот мамин день рождения стал первым, который она запомнила:

«Мне тогда было почти семь лет, но я все очень хорошо запомнила. Я тогда жила у бабушки в Кузьминках. Вернулась из детского сада – а в доме полно людей. Квартира небольшая, двухкомнатная. Огромный стол поставили в гостиной. В гости к маме пришли музыканты из группы «Ритм», она тогда с ними работала. Я помню, что именно тогда, в 7 лет, на дне рождения мамы, я поняла, что такое эстрадная община, и то, что, возможно, с такими веселыми, добрыми и талантливыми людьми я свяжу в дальнейшем всю свою жизнь. Помню, маме в тот день подарили смешного пузатого человечка, напоминающего Будду. Таких раньше в огромном количестве продавали. Ему в руки вложили плакат с какой-то прикольной надписью – что-то забавное о маме, не помню что. У мамы тогда были длинные волосы, одета она была в коричневую юбку в клеточку, которую потом на меня перешили. Юбка была до полу, а тогда девочки не носили длинных юбок, так что я модничала...»

Вечером того же дня именинница имела счастье лицезреть себя по телевизору: в 21.30 был показан документальный фильм «Композитор Никита Богословский», где она сказала несколько теплых слов о герое ленты. Конечно, лучшим подарком Пугачевой в такой день был бы фильм о ней самой, но для подобной ситуации время еще не пришло – это станет возможным только в 80-е.

Между тем продолжается работа над фильмом «Женщина, которая поет». Письмо Пугачевой, которое она написала накануне своего дня рождения, было внимательно рассмотрено в Госкино. Кое-что из него было принято: пошлые куски из картины выкинули, разрешили доснять новые эпизоды, которые вносили новые штрихи в драматургическое решение взаимоотношений Анны Стрельцовой с мужем и автором песен. Эти досъемки были проведены в 4-м павильоне «Мосфильма» **21–22 апреля. 24-го** съемочной площадкой стал Аэровокзал, где сняли сцену с участием Аллы Пугачевой и Николая Волкова.

В те дни в продажу поступил очередной номер (4-й) журнала «Кругозор», где была помещена пластинка с двумя песнями в исполнении Аллы Пугачевой: «Сонет Шекспира» и «Что вы, плакать? Никогда!».

Май

Сразу после Первомайских праздников продолжились досъемки фильма «Женщина, которая поет»: **3 мая** в аэропорту Внуково сняли эпизод расставания Анны Стрельцовой с мужем. Это был последний съемочный день в картине. **10 мая** прошла запись музыки к нему, а на следующий день состоялся ее просмотр в генеральной дирекции «Мосфильма». В отличие от предыдущих просмотров, здесь были высказаны менее существенные претензии, на устранение которых режиссеру понадобилось чуть больше недели.

Тем временем Пугачева отправилась на гастроли в Казань. Как и везде, концерты там проходили на самой вместительной площадке – Дворце спорта. Но даже этот огромный зал не смог вместить всех желающих попасть на концерт звезды. В первый же свой выход на сцену Дворца спорта Пугачева обратилась к зрителям со следующими словами: «Вот это место, эта площадка, – святое для меня место. Я вижу ваши глаза, вашу реакцию, я чувствую вас, и это дает мне силы, а когда я вижу, что вы радуетесь вместе со мной и грустите, негодуете и смеетесь, переживаете то же, что и я, – это счастье. Ради этого стоит петь, стоит жить...»

В перерыве одного из выступлений Пугачева дала интервью журналистке газеты «Советская Татария». Вопросов было задано несколько, в том числе ее спросили и о том, не задумывалась ли она над тем, чтобы писать песни самой. Пугачева предпочла схитрить: не стала говорить правду, а повторила миф о Борисе Горбоносе. Рассказала, что есть такой неизвест-

ный широкой публике композитор, который пишет ей песни. А насчет своих композиторских планов отделилась короткой фразой: «Время покажет».

Последним в интервью прозвучал вопрос «Что дальше?». Певица ответила следующее:

«Дальше – работа... Как-то я проговорила перед журналистами, что мечтаю сделать моноспектакль, – вот одно из направлений того, что «дальше». Пока это мечта, реализовать ее мешает, как ни странно, отсутствие элементарно необходимых технических средств – аппаратуры, но ничего, мы терпеливы, будем, как говорится, надеяться и верить».

Что до вершин и «звездных часов», то я не знаю, как здесь судить. Я думаю, что после долгих мучений мой «звездный час» все же наступил, но сколько он будет длиться... Боюсь загадывать и потому, наверное, на каждый свой концерт выхожу так, будто это последняя моя «звездная минутка».

Следующим гастрольным городом после Казани для Пугачевой стал Минск. Эти концерты тоже прошли в переполненных залах, подходы к которым приходилось перекрывать значительными силами милиции. Между тем там произошел инцидент, когда в номер к Пугачевой пытался забраться почти голый мужчина. Произошло это следующим образом.

Несмотря на уже огромную популярность, столичную знаменитость поселили в двухместном номере, где жила еще одна женщина – Любовь Аксенова. Да еще к тому же номер располагался чуть ли не на первом этаже. Ночи тогда уже были теплые, и по этому случаю окна в номере были распахнуты настежь. Этим, видимо, и решил воспользоваться злоумышленник – некий мужчина, на котором из одежды были только трусы в клеточку, называемые в народе «семейными». Взобравшись на подоконник, он легко проник в номер певицы, явно преследуя нездоровые цели. К счастью, соседка Пугачевой по номеру оказалась женщиной бдительной. Едва мужчина появился в проеме окна, она проснулась, но не испугалась. Во все горло она стала орать якобы своему мужу: «Вася, просыпайся, на нас нападают!» Самое удивительное, но Пугачева, вымотанная концертом, проснулась только наполовину и издала из-под одеяла звук, похожий на мычание: у-у-у! Однако этого оказалось достаточно, чтобы злоумышленник испугался и спешно ретировался с подоконника.

А в Москве подходят к концу мытарства многострадального фильма «Женщина, которая поет». **24 мая** на «Мосфильме» ленту наконец-то приняли и в тот же день отправили в Госкино. Там фильм смотрели два дня спустя и, хотя хорошего впечатления он на присутствующих так и не произвел, однако его судьбу решили положительно: ведь никакой идеологической крамолы в нем не было, зато он сулил прокату хорошие прибыли. Кстати, сама Пугачева с проката ничего не получит, удовлетворившись гонораром за съемки, составившим 3740 рублей (за 53 съемочных дня). Это были вполне сносные деньги, если учитывать, что другие партнеры певицы по фильму получили куда меньшие суммы (Алла Будницкая заработала 683 рубля (11 дней), Николай Волков – 538 рублей (15), Александр Хочинский – 458 рублей (12)).

В тот же день, когда в Госкино принимали «Женщину...», в судьбе одного из главных участников этой истории – Аллы Пугачевой – произошла знаменательная встреча: певица познакомилась со своим очередным будущим мужем – Евгением Болдиным. Тот тогда работал директором программ фестивального отдела Росконцерта, и именно ему поручили переманить к себе Пугачеву. Идея эта появилась неспроста. Дело в том, что до этого Пугачева числилась за Москонцертом, но в последнее время ее отношения с этой организацией сильно испортились. Главная причина крылась в чисто финансовой области: певице платили там мизерные деньги – 21 рубль 50 копеек за концерт, хотя она была уже суперпопулярной. И сколько она ни просила повысить ей ставку, все ее просьбы разбивались как о стену горох. Вот тогда-то на ее горизонте и возник Росконцерт.

В тот знаменательный день Болдин навестил Пугачеву в ее квартире на Вешняковской улице. Они просидели на кухне три часа, потягивая из высоких фужеров вино и обстоятельно беседуя о будущей совместной работе. В предложениях, которые высказал ей Болдин, Пугачеву

устроило практически все: и размер ставки, и гастрольные графики, и то, что директором у нее будет ее нынешний гость. Как вспоминает сам Е. Болдин: «У Аллы не было тогда ни своего коллектива (ансамбль «Ритм», с которым она выступала, ей не принадлежал и был приписан к Харьковской филармонии. – Ф. Р.), ни своего звукорежиссера, ни своего костюмера, ни своей аппаратуры – ничего не было. Все это она должна была получить в Росконцерте...»

Однако до замужества Пугачевой за Болдиным еще далеко, а пока у нее другой муж – Александр Стефанович. Он в те дни не сидел сложа руки и находился в подготовительном периоде работы над фильмом «Пена», в основу которого была положена одноименная сатирическая пьеса знаменитого баснописца Сергея Михалкова. Подготовка к съемкам длилась уже почти два месяца (с **31 марта**), и за этот период были проведены пробы с актерами, претендовавшими на главные и второстепенные роли. На главную роль Стефанович собирался пригласить замечательного актера Анатолия Папанова, а на роль его дочери свою жену Аллу Пугачеву. А чтобы у худсовета не возникло подозрений в том, что он умышленно тянет жену в картину, Стефанович поставил ей в пару Марианну Вертинскую. Однако худрук Объединения музыкальных и комедийных фильмов, где должен был сниматься фильм, Георгий Данелия все прекрасно понял. Отсмотрев пробы, он бросил лукавую фразу: «А что касается роли дочери главного героя, то это, конечно, на усмотрение режиссера».

Фирма грамзаписи «Мелодия» продолжает ковать деньги на Алле Пугачевой. После того как в мгновение ока был распродан первый тираж ее дебютного двойного альбома под названием «Зеркало души», было принято решение выпустить дополнительный тираж. Причем на этот раз пластинки решили «раздробить» – то бишь выпустить по отдельности тиражом 10 тысяч экземпляров каждая. Первая называлась «**Зеркало души**» (песни А. Пугачевой), вторая – «**Все могут короли**» (песни А. Зацепина).

Тем временем на том же «Мосфильме» режиссер Леонид Квинихидзе готовился к съемкам мюзикла, которому вскоре предстоит стать хитом, – «31 июня» по мотивам одноименной пьесы Джона Б. Пристли (парадокс, но эта вещь считалась у него самой неудачной). Музыка к фильму написал Александр Зацепин, который первоначально намеревался отдать ее для исполнения Алле Пугачевой. Однако после их громкого скандала на съемках «Женщины...» композитор от этой идеи отказался. В итоге была найдена другая исполнительница – никому не известная певица 23 лет от роду Татьяна Анциферова из Ужгорода (ее сосватали Зацепину знакомые музыканты, которые были на гастролях в Западной Украине и были поражены вокалом Анциферовой). На майские праздники певицу вызвали в Москву, где Зацепин сделал с ней черновые записи песен «Ищу тебя» и «Мир без любимого».

И все же в этом проекте нашлось место и для Аллы Пугачевой. Из нескольких песен, написанных к фильму, она в итоге споеет одну – «**Что было однажды**», которая впоследствии выйдет на отдельном миньоне, посвященном этому телехиту.

Июнь

4 июня ЦТ повторило телеспектакль «Когда-то в Калифорнии», премьера которого состоялась в **декабре 76-го**. Как мы помним, в нем Алла Пугачева озвучила за кадром две песни: «**Веселый ковбой**» и «**Романс**».

Первый месяц лета наша героиня решила использовать для отдыха, поскольку впереди ее ждала сплошная работа: в конце июня она должна была отправиться в гастрольное турне по маршруту Ростов-на-Дону – Свердловск – Таллин – Ереван, а в конце августа ее ждал фестиваль в Сопоте. Вот и получалось, что свободным оставался только июнь. Но куда конкретно поехать отдыхать, не знали ни Пугачева, ни ее тогдашний супруг, кинорежиссер Александр Стефанович. Помощь пришла, как это часто бывает, неожиданно. Известный творческий дуэт в лице композитора Леонида Гарина и поэта Наума Олева отправлялся в творческий круиз

по Черному морю на теплоходе «Иван Франко». Узнав о проблеме звездной четы, они с удовольствием пригласили ее присоединиться к ним. Условия были отменные: за два концерта и творческую встречу Пугачевой и Стефановичу гарантировались комфортабельная каюта и бесплатная кормежка на протяжении всего двухнедельного круиза.

До Одессы Пугачева и Стефанович добрались поездом. Но поскольку они приехали туда рано утром, а пароход отплывал в четыре часа дня, им надо было как-то убить оставшееся время. Но как? Ничего путного в голову не шло. В итоге они сдали вещи в багаж и присели на скамеечку возле гостиницы «Лондонская». Причем Пугачеву по дороге так разморило, что она закинула ноги на скамейку, голову положила мужу на колени и задремала. А в это время по бульвару экскурсовод вел группу туристов. И Стефанович слышит следующее:

– Товарищи, слева от нас – знаменитая Потемкинская лестница, известная нам по фильму «Броненосец «Потемкин». Справа – гостиница «Лондонская». А прямо перед вами на скамейке лежит певица Алла Пугачева.

Но на этом курьезы не закончились. Часа за два до отплытия Пугачева с мужем отправились в ресторан «Лондонской». Едва они пообедали, как к ним подошел администратор ресторана и обратился к Пугачевой с неожиданной просьбой. Оказывается, у него есть сын Изя, которому он купил скрипку, но он совершенно на ней не занимается, предпочитая слушать пластинки Пугачевой. И администратор просил певицу зайти к нему домой – благо это было рядом с рестораном – и сделать его сыну внушение. «Вас он обязательно послушает», – объяснил свою странную просьбу администратор. Делать было нечего: звездная чета отправилась по указанному адресу, и Пугачева лично попросила мальчика учиться играть на скрипочке.

В четыре часа дня «Иван Франко» отчалил от причала одесского порта. А спустя еще час Пугачева закатила истерику. Она узнала, что ей досталась каюта хуже, чем у Гарина с Олевым (у них было два иллюминатора, а у нее всего один), и потребовала себе другое жилище. Алла так разволновалась, что к ней пришлось вызывать врача, который сделал ей укол. Потом примчался директор круиза и попытался внести ясность в возникшую проблему. Он объяснил, что «Иван Франко» – не круизный пароход, а бывший танковоз, поэтому кают типа «люкс» всего три. Но в одном плавает секретарь ЦК, в другом – министр, а в третьем – семья начальника пароходства. Однако Пугачеву это объяснение не удовлетворило, и она стала вновь требовать свое. Тогда пришел капитан и сурово сообщил: дескать, будете шуметь – отправитесь жить в трюм. Это заявление подействовало на певицу отрезвляюще: она успокоилась, но пообещала, что во время первой же остановки сойдет с теплохода. И свое обещание выполнила: на следующее утро, когда «Иван Франко» пришел в Ялту, Пугачева и Стефанович покинули борт судна. Но на этом их приключения не закончились.

Когда они стали подыскивать себе гостиничное жилье, выяснилось, что свободных мест нигде нет, причем даже для Пугачевой. «Совсем охренели!» – ругалась звезда, но поделаться ничего не могла. В итоге ей пришлось позвонить своей коллеге и негласной сопернице Софии Ротару. Та помогла: выбила для них номер в престижной гостинице. Но только на одну ночь. «Больше ничего сделать не могу!» – сочувственно сообщила Ротару. Короче, отпуск Пугачевой летел в таргарах. Как вдруг...

Все произошло в тот момент, когда они отнесли свои вещи в гостиницу и вышли на набережную подышать свежим воздухом. Тут к ним подбежал плотного телосложения мужик и, представившись директором круизного теплохода «Леонид Собинов», предложил отправиться с ним в круиз. Пугачева, естественно, послала мужика куда подальше, но тут в дело вмешался ее супруг Стефанович. Он взял мужика под локоть и вежливо сказал: дескать, если вы сделаете нам каюту «люкс» и обеспечите другими удобствами, то мы согласимся. «Об чем речь? – расплылся в довольной улыбке директор. – Все будет по высшему разряду. Наш теплоход хоть и староват, но обслуживает заграничные круизы и ходит по линии Гонконг – Австралия.

Директор не соврал: «Собинов» действительно оказался комфортабельным теплоходом, не чета предыдущему танковозу. Звездной чете выделили комфортабельную каюту, а сам капитан теплохода Николай Сопильняк пригласил их на капитанский мостик, где устроил фуршет с отменным французским шампанским, да еще под музыку Нино Рота из фильма «Крестный отец». И с этого момента все у Пугачевой и ее супруга пошло как надо.

11 июня Алла Пугачева вновь объявилась в «ящике». В 15.45 в эфир вышел очередной выпуск передачи «По вашим письмам», составленный по заявкам работников легкой промышленности. Заявок на Аллу Пугачеву пришло больше всего, причем в большинстве писем содержалась просьба включить в концерт ее свежий суперхит «Все могут короли». Однако просьба была невыполнимой: у теленачальства эта песня была не в чести. Поэтому в эфир была пущена более лояльная вещь – «**Не отрекаются, любя**». Кроме нашей героини, в том концерте также приняли участие Аркадий Райкин, Татьяна Шмыга, Роза Рымбаева, Ирина Роднина и Александр Зайцев.

Тем временем в судьбе фильма «Женщина, которая поет» решался весьма значительный вопрос: о его категории. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, объясню подробно, что такое «категория» применительно к фильмам. Самой желанной для киношников категорией была 1-я. Она присуждалась фильмам, которые были отнесены к выдающимся произведениям киноискусства всех жанров высокого идейно-художественного уровня, отличающимся оригинальностью, яркостью и своеобразностью творческого решения, глубокой трактовкой жизненных проблем и значительных образов. 2-я категория: хорошие фильмы различных жанров и тематической направленности, значительные по своему идейно-художественному уровню, отличающиеся высоким профессиональным мастерством. 3-я категория: фильмы всех жанров, представляющие определенную идейно-художественную ценность и поставленные на должном профессиональном уровне. Наконец, 4-я категория: фильмы слабые в художественном отношении. В зависимости от категории, присуждаемой фильму, его авторы получали и соответствующее вознаграждение. Больше всего платили за 1-ю категорию, вообще ничего не платили за последнюю.

21 июня на «Мосфильме» собрался худсовет, который и должен был определить судьбу «Женщины...». На том заседании, кроме генерального директора студии Николая Сизова, присутствовали и многие маститые режиссеры: Леонид Гайдай, Георгий Данелия и др. (всего 29 человек). Заседание длилось не слишком долго, поскольку генеральный уже успел провести предварительную работу с большинством из присутствующих и объяснил им, как важен для киностудии этот фильм (имелась в виду финансовая сторона вопроса). Поэтому большинство присутствующих (20 человек) дружно проголосовало за присуждение фильму 1-й категории (то бишь отнесли его к выдающимся произведениям искусства!). И только 9 человек согласились признать его хорошим фильмом (2-я категория). Этот вердикт отправился на утверждение в Госкино. Там, естественно, ахнули и вынесли иное решение: дали фильму 2-ю категорию.

24 июня в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад лучших песен прошедшего месяца. Первое место в нем продолжал удерживать шлягер «Остановите музыку» в исполнении Тыниса Мяги. Наша героиня **Алла Пугачева** была представлена двумя песнями: одной старой («**Все могут короли**») и одной новой («**Песенка про меня**»). Последняя, простите за тавтологию, притулилась на последнем, 10-м месте парада.

В те дни Алла Пугачева находилась на гастролях в Ростове-на-Дону. Там было все, как обычно: толпы желающих попасть на концерт, конная милиция. Но было и неприятное: заметка в тамошней газете «Комсомолец» (она выйдет уже после отъезда Пугачевой из города – в начале июля) под названием «И другие... «московского разлива». Что любопытно, заметка была анонимная – фамилии автора под ней не было. Приведу несколько отрывков из этой публикации:

«...На сцене появилась Пугачева. Очарованные песнями, мы поначалу как-то забываем о ней самой. Но Пугачева не из тех, кто способен это позволить:

– Прежде всего я хочу реабилитироваться перед вами. Исправить то впечатление, которое складывается от моих выступлений по телевидению.

Вот те раз! Чем же виновато телевидение, которое буквально выпестовало певицу, начиная от «Золотого Орфея» и «Иронии судьбы» и кончая многочисленными концертными роликами и целыми программами?

Оказывается, на голубом экране манеры, прическа и в особенности наряд певицы производят довольно вульгарное впечатление.

Честно говоря, не соответствуют они и сейчас мыслям и настроениям большинства песен Пугачевой.

И, словно почувствовав это, певица бросает в зал:

– Не вульгарная я, а свободная!

Трудно сказать, что вкладывает Пугачева в понятие «свободная». Судя по дальнейшему – возможность делать или, по крайней мере, говорить все, что вздумается. Чего стоит хотя бы такое заявление зрителям:

– Дети – единственные, кто меня любят и понимают. Если бы не они, взрослые меня бы давно сожрали...

Кто бы вас «сожрал», дорогая Алла? Те рабочие, колхозники, строители, которые работали, пока вы учились в музыкальном училище и разъезжали на гастроли, а сейчас сидят в зале? Те самые люди, что шли на ваш концерт, как на праздник? Сколько же пренебрежения к ним нужно иметь, чтобы так сказать? Ведь у нас не Запад, где распоясавшиеся панк-идолы сознательно плюют на публику, сравнивая ее с дворнягой, которую чем сильнее пнешь, тем крепче будет любить и помнить!

Но вернемся к детям. Звучит песенка «Волшебник-недоучка». К сцене устремляются малыши. И тут реплика со сцены:

– Ну и ну! Я же не могу наклоняться за каждым букетом – так мы никогда не закончим концерт. Впрочем, если им так хочется – пусть складывают цветы к соседнему микрофону.

Но, может, певица просто устала? Три концерта в день – не шутка. Работая на износ, очень легко пресытиться песнями...

Образ раздвоился. Так какая же она на самом деле – «женщина, которая поет»?

Договариваемся о встрече (певица – «за», редакция – тем более). Два раза Пугачева переносит ее, а на третий раз встречает милой улыбкой:

– Интервью не будет. Я передумала...»

Июль

Этот месяц Пугачева встретила на гастролях в Свердловске. Она в четвертый раз приехала в этот город. А первый, как мы помним, случился почти полтора десятка лет назад, когда Пугачева была юной и абсолютно безвестной певицей: поздней осенью **65-го** она приехала сюда вместе с артистами из эстрадной программы «Пиф-Паф». Тогда Пугачева спела всего пару-тройку песен и большим успехом у публики не пользовалась. Ей даже номер в гостинице «Большой Урал» выделили такой холодный, что она разревелась от обиды. Чуть лучше ее принимали и в следующие разы. Но этот приезд перекрыл все предыдущие. Пугачеву поселили в лучшую гостиницу, дали прекрасный номер, а под выступления отвели концертный зал «Космос» – один из лучших в городе. Кроме этого, в других городах перед Свердловском стояла такая жара, что Пугачева буквально молила бога, чтобы в Свердловске было иначе. «Хоть бы там дождь пошел!» – мечтала Пугачева. И бог ее услышал: в день приезда прошел ливень.

В отличие от ростовской свердловская пресса отнеслась к приезду Пугачевой гораздо благожелательнее. Сразу в нескольких газетах были напечатаны восторженные отклики на ее концерты. Цитировать все нет смысла, поэтому приведу отрывки лишь из одной публикации – статьи Э. Абайдуллиной в газете «На смену!»:

«То, что сегодня делает на эстраде Алла Пугачева, – это моноспектакль, театр одного актера. Да-да, именно театр, потому что Пугачева не просто прекрасно поет, она создает зримый образ песни – емкий, выразительный. Все «работает» на песню: волшебство рук и магия глаз, роскошь послушных волос, то дурашливо спутанных, то гладких, вдруг откинутых со лба и открывающих ясное лицо мадонны, и походка, скорбная и элегантная, угловатая и летящая, платье (сама Алла называет его по-театральному – «костюмом», а то и спецовкой), которое по ее прихоти становится то девчоночьим, то одеждой клоуна... А удивительный смех Пугачевой! Я уж не говорю о том, как виртуозно владеет она своим уникальным голосом: нежнейшее пиано, полнокровное звучание на форте, экспрессия и филигранность музыкальной фразы, отличная дикция – невозможно «пересказать» голос Пугачевой!

Да, как ни хороша она по телевидению и радио, – только на сцене можно в полной мере оценить ее самобытный талант...

Сегодня Алла Пугачева удостоена наград международных конкурсов, ее пластинки расходятся мгновенно, ее знают во многих странах, она – «певица номер один» на советской эстраде. Сегодня она – звезда. Каково-то ей быть, звездой?

– Я не ощущаю себя звездой. Я артистка, человек, отдающий слушателям самое сокровенное, дорогое. А все эти разговоры о популярности, якобы всеобщей любви... Знаете, великий Гёте сказал, что самое смешное желание – это желание нравиться всем. Такого не бывает, и стремиться к этому глупо. Единственное, пожалуй, что я чувствую в свой звездный час, – ответственность, ответственность за любовь зрителей, их веру в меня. Но я не пойду на поводу у этой любви. Это значило бы изменить себе, а мое кредо – всегда быть собой...»

После Свердловска Пугачева отправилась в Ростов-на-Дону, где пробыла несколько дней, давая по три (!) концерта в сутки. С недавних пор на советской эстраде установилась именно такая форма выступлений, которая удовлетворяла всех: организаторов и исполнителей (они зарабатывали максимальную прибыль), и зрителей (увидеть своих кумиров могло их наибольшее число). Даже, казалось бы, полуопальный Владимир Высоцкий именно в **78-м** году начал выступать во Дворцах спорта, давая опять же по три-четыре концерта в сутки. По сборам именно он и Алла Пугачева в те годы были лидерами в эстрадной среде.

8 июля в «Московском комсомольце» был опубликован очередной хит-парад «Звуковой дорожки» – лучшие песни минувшего месяца. Несмотря на то что забойный «медляк» от Давида Тухманова и Владимира Харитоновы «Остановите музыку» в исполнении звезды из Эстонии Тыниса Мяги вот уже три месяца прочно удерживал 1-е место, все же безусловным лидером хит-парада была **Алла Пугачева**: в списке присутствовало сразу три шлягера в ее исполнении. Полностью список хитов выглядел следующим образом: 1. «Остановите музыку» (Тынис Мяги); 2. «**Сонет Шекспира**» (**Алла Пугачева**, впервые в хит-параде); 3. «Как молоды мы были» (Александр Градский); 4. «Беловежская пуца» («Песняры»); 5. «**Все могут короли**» (**Алла Пугачева**); 6. «Крик птицы» («Песняры»); 7. «Рано прощаться» (Группа Стаса Намина); 8. «Вероника» («Песняры»); 9. «**Песенка про меня**» (**Алла Пугачева**); 10. «Горько» («Синяя птица»).

Места в списке лучших дисков месяца распределились так: 1. «АББА»; 2. «Уингз» («Band on the Run»); 3. «**Зеркало души**» (**Алла Пугачева**); 4. «По волне моей памяти»; 5. «Би Джиз»; 6. Джон Леннон («Imagine»); 7. «Песняры»; 8. «Ариэль» («Русские картинки»); 9. Клифф Ричард («Я почти знаменит»); 10. «Для вас, женщины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.